

СМЕНА

№ 18 (1376) СЕНТЯБРЬ 1984

18000
ИМЕН
В КАРТОТЕКЕ
ПАМЯТИ

Как жизнь,
речной порт?

**ВРЕМЯ И КНИГИ
АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА**

К 80-летию
Н. А. Островского

ДОРОГА, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ КОНЧАЕТСЯ

У каждой эпохи свои представления о героизме, свои нравственные идеалы и ценности. Можно измерять время количеством прожитых лет, выигранных битв или построенных городов. Не существует лишь однозначных единиц измерения мудрости и величия человеческой жизни.

В его жизни были битвы и стройки. Он не был полководцем, он был солдатом. На протяжении всей своей короткой — и бесконечно долгой жизни.

«...В километре от станции кончалась вполне готовая узкоколейка. Дальше, километра на полтора, на выровненном полотне лежали врытые в землю длинные поленища, словно поваленный ветром частокол. Это шпалы. Еще дальше, до самого косогора, шла лишь ровная дорога.

Здесь работала первая строительная группа Панкратова. Сорок человек прокладывали шпалы. Рыжебородый крестьянин в новеньких лаптях не спеша стаскивал с розвальней поленья и бросал их на полотно дороги. Несколько таких же саней разгружались поодаль. Две длинные железные штанги лежали на земле. Это была форма рельсов, под них ровняли шпалы. Для трамбовки земли пускались в ход топоры, ломы, лопаты».

«После октябрьских праздников предстояло уложить большой участок пути. «Нормальная» температура 35—45 градусов мороза. А нередко и за 50. В поселке активируют дни, а мы работаем. Звенья рельсов подавали из Усть-Кута, больше чем за сто километров. До вечера уложим — через несколько часов подают новые. Как подали — мы идем. Днем ли, ночью ли. В вагончике жили, в вагончике спали. Печка одна, а нас 20—22 человека. Просушиться негде. Возле печки жарко, а лед на полу не тает. Вышел из вагончика — одежда на тебе промерзает, прямо как доспехи рыцарские становится.

Выдержали. Не было в бригаде ни склок, ни нытья».

Первый отрывок — из романа «Как закалялась сталь». Второй — из репортажа о строительстве БАМа, опубликованного в журнале «Смена».

Дорога, которая никогда не кончается... Дорога, пересекающая пространство и время, пересекающая человеческие судьбы...

Его личная судьба была трагической. И она была невероятно счастливой.

«Еще далеко до рассвета Корчагин тихо, никого не будя, поднялся и, едва передвигая одеревеневшие на холодном полу ноги, направился в кухню. Вскипятив в баке воду для чая, вернулся и разбудил всю свою группу».

Рисунок
Ильяс АЙДАРОВА

С НАМИ ПАВЕЛ КОРЧАГИН

Стихи Иосифа СВЕТЛИЧНОГО
Музыка Леонида ПЕЧНИКОВА

«Комсомольско-молодежная бригада каменщиков имени Н. Островского первой заступила на корчагинскую вахту БАМа.

— В бригаде нас семеро, — говорил Саша Никитенко. — Седьмым Николай Островский.

А в бригадном вагончике прямо напротив входа на листе ватмана красной тушью:

«Жить будем
ясно и честно,
строить свою Магистраль!
Здесь
начинается песня,
здесь
закаляется сталь!»

Его личная судьба — трагическая и счастливая — отобразилась многими нравственными гранями, выточенными временем, в судьбах комсомольцев всех поколений.

Корчагинцы на БАМе... Корчагинцы на всех великих стройках страны. Корчагинцы всюду, куда отправляло их наше тревожное время.

Из дневника Вячеслава Аксенова, лауреата премии Ленинского комсомола, командира Всесоюзного ударного отряда, выехавшего на БАМ с XVIII съезда ВЛКСМ...

Он пишет о своем друге Викторе Лакомове, Герое Социалистического Труда, человеку, легендарном не только в Сибири:

«Виктор не ехал с отрядом в поезде. У него оставалась бригада в поселке Северный, на железной дороге Хребтовая — Усть-Илимская. Восемь лет он проработал там. Оттуда — это я уже узнал позже — ездил в командировку в Чили, во времена правительства Народного единства строил там дорогу к медеплавильному комбинату. Всего один километр, но каким же он оказался трудным! Техники практически не было. Шпалы и рельсы ребята носили на себе. Падали от усталости, поднимались и снова шли. Пятнадцать советских строителей и чилийские добровольцы. Бригадиром у наших был Лакомов. Иностранцы предлагали построить эту дорогу, называли срок: полгода. Бригада Лакомова вместе с чилийцами построила дорогу за тридцать восемь дней...»

Корчагинцы... Всюду, куда позовет их беспокойное комсомольское сердце...

Последними словами Николая Островского перед смертью были: «Держится ли Мадрид?»

Он никогда не переставал быть солдатом...

По фронтам Отечественной пробирались агитмашина ЦК ВЛКСМ «Николай Островский». В лесах Липецкой области громил врага партизанский отряд имени Н. Островского. Под Ленинградом первым в танковую атаку шел экипаж, носящий имя писателя-бойца. На перехват «мессеров» взмывал в небо советский «ястребок», на фюзеляже которого горела надпись: «Николай Островский».

Сорок молодых бойцов-комсомольцев писали тогда в «Комсомолку»: «Когда мы идем в атаку, нам кажется, будто на правом фланге наших боевых порядков с винтовкой наперевес идет Павел Корчагин и бьет поганых фашистов...»

Когда в редакцию «Смены» привезли из Швейцарии бережно сохраненный экземпляр книги Николая Островского «Как закалялась сталь», за распространение которой в годы второй мировой войны была брошена в тюрьму группа швейцарских коммунистов, а весь тираж книги был конфискован и ликвидирован, мы рассказали об этом в материале, который назывался «Еще один бой Павки Корчагина». Сегодня этот уникальный экземпляр, эта книга со шрамами, нанесенными врагом, хранится в музее Николая Островского.

Из публикаций «Смены» разных лет...

«Ты живешь и работаешь на земле Павки Корчагина», — написано на широкой ленте кумача в одном из цехов Боярского машиностроительного завода «Искра».

«На Киевском электровозоремонтном заводе (бывшие главные железнодорожные мастерские), где формировался первый отряд строителей Боярской узкоколейки, каждый второй комсомолец — ударник коммунистического труда».

«На КамАЗе бригада корчагинцев Шамиля Хуснутдинова завершила плановое задание».

«На Ласкинской ткацкой фабрике, что на Владимирщине, бригада имени 60-летия комсомола Гульдары Шахметовой возглавила корчагинскую вахту».

«Комсомольцы-целинники рапортовали XVIII съезду ВЛКСМ: «Верные традициям старшего поколения, с честью несем корчагинскую вахту — одну за себя, одну — за Павку...»

С трибуны XIX съезда ВЛКСМ бригадир комплексной бригады строительномонтажного поезда № 576 управления строительства «БАМстройпуть» Читинской области Юрий Егоров сказал:

«Мужеству, стойкости и любви к Родине учит замечательная книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Повседневным трудом бамовцы доказывают, что комсомольское «Даешь!», боевой дух Павки, дух молодых строителей легендарной Боярки живут в молодых сердцах. Вношу предложение построить на нашей магистрали город комсомольской славы с гордым именем Корчагин».

Сегодня Николаю Островскому исполнилось бы 80 лет. Он мог быть нашим современником. Мог бороться, творить, строить и жить вместе с нами. Он ушел из жизни тридцатидвухлетним. Но шагнул в бессмертие. Ему исполнилось бы 80 лет... Он остался вечно молодым. Остался сверстником для многих поколений наших комсомольцев и коммунистов.

Бригадный комиссар, писатель, коммунист ленинского призыва (партилет № 0285973), Николай Островский навсегда в боевом строю.

Он не был полководцем, он был солдатом. Солдатом комсомола. Солдатом партии. Солдатом совести.

Поэтому он стал полководцем.

Его армия неисчислима.

Ибо знамя этой армии — мужество, честь, благородство.

Ни беда нас не сломит,
Ни пурга и ни дождь,
Потому что мы помним
Боевое: «Даешь!»

ПРИПЕВ:

Полон сил и отваги,
Как когда-то в бою,
С нами Павел Корчагин,
С нами Павел Корчагин
В комсомольском строю!

Посмотри — это нами
Покоряется даль.
На КамАЗе, на БАМе
Закаляется сталь.

ПРИПЕВ.

В умеренном, напористом движении

ТАНЦЫ

КОГДА ЖЕ ГОРКОМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.
№ 18 (1376) СЕНТЯБРЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
молодой коммунист,
вальцовщик
московского завода
«Серп и молот»
Александр Алексеев.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ.

- 1 К 80-ЛЕТИЮ Н. А. ОСТРОВСКОГО.
«ДОРОГА, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ КОНЧАЕТСЯ».
- 2 КОМАНДИРОВКА ПО ЧИТАТЕЛЬСКОМУ ПИСЬМУ.
Павел ЕМЕЛИН. «ТАНЦЫ НА ПУСТЫРЕ».
- 4 «ОБИДА».
Андрей ФАРУТИН.
- 5 «ЗОЛОТОЕ ДНО». Михаил ФОНОТОВ.
- 6 ЖИВАЯ ПАМЯТЬ.
Владислав ЯНЕЛИС. «ОБРАТИТЕСЬ К ДРАГУНОВУ».
- 9 Рассказ Станислава ТОКАРЕВА «СЮЖЕТ ДЛЯ БЕГОВОЙ
ДОРОЖКИ».
- 11 Стихи Алексея МАЛЬЦЕВА.
- 12 «НА ПЛЕЧАХ ЕНИСЕЯ».
Фотоочерк Алексея НИКОЛАЕВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 14 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Стихи английских поэтов.
- 18 Читательская дискуссия: «Как жить? Согласно идее или
согласно обстоятельствам?»
Игорь АЧИЛЬДИЕВ, лауреат премии Ленинского комсомола.
«КУДА ВЛЕЧЕТ НАС МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ».
- 20 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
Егор ЗАЙЦЕВ. «ОДЕЖДА КРАСИТ И МУЖЧИН».
- 22 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 25 СИЛУЭТЫ.
Игорь МОТЯШОВ. «АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ».
- 30 Повесть Николая ОГАНЕСОВА «ИГРАЕМ В «СПРИНТ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного ре-
дактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь),
И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного
редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

Павел ЕМЕЛИН,
специальный
корреспондент «Смены»

Вода в реке будто молоком разбавлена — белесая, с золотистым отливом в закатных лучах. Недаром назвали речку Белой. Рождается она на снежных вершинах Главного Кавказского хребта, стремительно несет песок, камни-голыши. Вон сколько их осталось после весеннего разлива — как арбузы на бахче.

Стоим на берегу с Геннадием Печиевым, вторым секретарем Белореченского горкома ВЛКСМ. Он показывает мне места отдыха городской молодежи.

— Отсюда три часа на электричке до моря, — говорит Геннадий. — Молодежь на выходные обычно туда едет.

...Первое письмо из Белореченска пришло еще в прошлом году.

«Здравствуй, «Смена»!

Прочитала статью «Рецепт от скуки» (№ 15, 1983 г.), и очень захотелось рассказать об отдыхе молодежи в нашем городе. Скажу главное: свободное время у нас провести негде. Если девушка из Славянска не хочет ходить на танцы в 21 год, то у нас проще: их вообще нет. О дискотеке мы знаем только со слов. В городе нет ни одного дискотека.

Решили мы (это я и еще несколько неутомимых ребят и девочек с химзавода) создать дискотеку. Обратились к Геннадию Печиеву, второму секретарю горкома ВЛКСМ с предложением отдать молодежи химзавода заброшенное здание. Наша идея была проста: постараться с помощью комсомольцев восстановить, вернее, довести до приличного вида это помещение. Но Геннадий сказал, что его не поймут и откажут. Вот такая помощь!

Как же нам быть? Как просить помощи у людей, которые по долгу службы должны сами проявлять инициативу? А получается наоборот. То, что мы предлагаем, а предлагаем реальное, не принимается, нас не понимают, не хотят понять.

Мы много и хорошо трудимся, почему же такое равнодушие к нашему отдыху?

Марина Иванайская. 19.09.83 г.»

Через некоторое время мы получили от Марины второе письмо.

«Уважаемая редакция! — писала она. — Мне пришел ваш ответ на письмо, в котором я рассказывала об отдыхе нашей молодежи. В ответе вы указали, что направили мое письмо в Белореченский горком ВЛКСМ с просьбой обсудить его и сообщить о принятых мерах.

Может быть, я не имею права читать ответы в вышестоящие организации, но здесь ведь вопрос касается и меня. Могли бы, наверное, в горкоме сказать мне, как комсомолке, что думают по поднятому мной вопросу. Но до сих

пор я не знаю, что ответили редакции. Первый и второй секретари горкома комсомола заявили, что письмо из редакции утеряно, а черновики ответа не сохранились.

Второй секретарь Г. Печиев спросил у меня: «Чего ты добиваешься, написав письмо в «Смену»? Если тебе плохо, скучно в Белореченске, то почему живешь здесь? Езжай туда, где лучше, веселее». Я обиделась. Разве можно так говорить? Это слова чинуши, а не комсомольского вожака.

Не знаю, что вам ответили из горкома, но у нас как было затишье, так и осталось. Сейчас лето, в любом селе имеется танцевальная площадка, а у нас ее нет уже пятый (!) год. Местные руководители только обещают и обещают — уже надоело слушать, да и всякое уважение пропадает. На встрече «Мир и молодежь», которая была у нас на химзаводе в мае, Н. И. Супрунов, зав. отделом культуры горисполкома пообещал, что к лету танцплощадка в городском парке откроется, но, как видно, этого мы не дождемся. У нас об отдыхе лишь говорят, а на практике не делают ничего. А ведь, если помните, я писала, что мы предлагали и предлагали свои силы, руки, но в них никто не нуждается.

М. Иванайская. 30.06.84 г.»

Девушка хочет интересно, хорошо отдохнуть, но... негде. И это не в тайге, не в тундре, не на Северном полюсе, а в благодатном кубанском крае, где уже в начале апреля цветут сады, а в октябре и ноябре, случается, температура доходит до 35—40 градусов тепла! Поистине, стоит поехать и своими глазами посмотреть.

В первый же день, точнее, вечер приезда убеждаюсь, что ситуация, о которой поведала Марина в своих письмах, несколько не преувеличена. Пятница, конец рабочей недели, а в городе, где очень много молодежи, тишь и спокойствие. На улицах только редкие прохожие, в парке среди зелени издали виден бетонный блин — это и есть «историческая» танцплощадка, которую тут строят уже несколько лет.

Заехали мы с Геннадием Печиевым в городской Дом культуры — там ни души. От реки, полюбовавшись пейзажем, направляемся к клубу железнодорожников. Тут хоть какие-то признаки культурной деятельности: афиши приглашают записываться в кружки и студии, а вечером приходит на «дискотанцы».

— Танцы у нас всего лишь вторую неделю, — говорит заведующая клубом З. Ф. Боязитова, — и только в фойе. С помещением просто беда. Создали студию азбуки, желающих много, а развернуться негде: здание-то построено еще в 1922 году.

Да, с площадками и помещениями в городе действительно проблема. Семь лет назад, когда выдал первую продукцию химзавод по производству минеральных удобрений, тихий, провинциальный Белореченск стал новой столицей химической промышленности

НА ПУСТЫРЕ

КОМСОМОЛА ЗАЙМЕТСЯ ДОСУГОМ МОЛОДЕЖИ?

Краснодарского края. Вместе с заводом росли жилые кварталы, детские сады, школы, магазины. А вот материальная база «культурного фронта» как была, так и осталась на уровне заштатного райцентра.

Потому-то не вписываются в сегодняшний облик города, переживающего свою вторую молодость, старые, неказистые здания клубов и кинотеатров. Как бедный родственник, оттертый своими высотными собратьями, спрятался за деревьями приземистый городской Дом культуры.

Единственная отрада — парк с фонтаном и аттракционами, но все это не очень-то интересно подросткам, вышедшим из пионерского возраста. Молодым белореченцам не много радости и от того, что их парк занимает в крае второе место... среди сельских парков.

Отмечу справедливости ради, что химзавод, который и поныне является ударной комсомольской стройкой, часто принимает у себя артистов, писателей, художников, участников самодеятельных ансамблей из Краснодара, Сочи, Майкопа. Выступают гастролеры и в городском ДК, на летней эстраде. Но сейчас речь не об этих «культурных десантах», а об организации обычного, повседневного досуга молодежи.

— Жалобы будут, пока в городе нет современного Дворца культуры, — сказала председатель профкома химзавода З. И. Черепанова и, вздохнув, добавила: — А он появится, увы, не скоро.

— Городу позарез нужно жилье, — напоминает главный архитектор Белореченска Н. П. Пшеничников. — Нужна новая больница, Дом пионеров ютится в двухкомнатной квартире... Конечно, стараемся учитывать и запросы молодых. В следующей пятилетке будем строить кафе «Молодежное», уже есть проект...

— К нам приезжают работать люди, которые видели культуру и требуют того же здесь. Требования, конечно, справедливые, — заведующий городским отделом культуры Н. И. Супрунов сокрушенно покачал головой, — но возможности-то пока ограничены, ведь наши учреждения культуры относятся к категории сельских.

Так, переходя из одного кабинета в другой вместе с Геннадием Печиевым, никак в сложности социального развития Белореченска. Ясно: у города большое будущее, только для реализации намеченного нужно время, напряжение сил. Ведь это лишь в сказках все возникает по мановению волшебной палочки. И все же...

Смотрю на моего спутника: он приободрился, словно почувствовал некую опору после бесед о проблемах города.

— Многие приходят в горком комсомола с претензиями. Почему, мол, нет этого, другого? А вы же сами видите, какие трудности у города. Тут не до жиру. Я сам с удовольствием бы пошел с женой на танцы, в кафе, но... — Геннадий жестом показал свое бессилие что-либо изменить и продолжил: — Объясняем людям ситуацию — одни понимают,

соглашаются, а вот Иванайскую ничем не убедишь: подавай ей танцы — и точка. Странная все-таки она какая-то...

В письме Марина сказала о себе — неугомонная. Очень точный эпитет. Тяга к людям, к общению с ними у нее, наверно, в крови. Еще в Стерлитамаке, в строительном техникуме, занималась спортом, увлекалась эсперанто. Приехала в Белореченск, сразу стала выступать в соревнованиях по волейболу и легкой атлетике за химзавод, трест «Краснодархимстрой». Не могла она жить вблизи Кавказа и не ползала по горам — поднималась на вершины, опускалась в пещеру. До всего ей есть дело, везде хочет успеть. В числе первых, кстати, записалась в студию аэробики, что в клубе железнодорожников. Член комсомольского бюро заводоуправления, студентка-заочница... «Странная» девушка, не правда ли?

Еще раз перечитаем письма Марины. Разве только о танцах она печется?

— Тут она пишет о заброшенном здании. — Печиев берет письмо комсомолки. — Так эту котельную, которую Иванайская предлагает приспособить под дискотеку, недавно снесли. Она находилась в аварийном состоянии, к тому же на том месте будут строить банно-прачечный комбинат.

Пусть так, однако Геннадий забыл, что котельная стояла бесхозной не год и не два, служба некоторым мастеровитым гражданам источником дармового стройматериала. По камешку, по кирпичику — так и дошла она, бедная, до стадии аварийности.

Да и не в котельной, если разобраться, дело. Удивляет пренебрежительное, бюрократическое отношение горкомовцев к инициативе, критике. Комсомолка предлагает свою помощь, а от ее предложений отмахиваются. Да, есть в задумках Марины что-то и наивное, не совсем, может быть, подходящее к конкретным условиям, но нельзя не видеть, что ее по-настоящему волнуют вопросы досуга, отдыха молодежи, те вопросы, которыми обязан непосредственно заниматься горком ВЛКСМ. Такие комсомольцы, как Иванайская, не дают «ответственным работникам» спать спокойно, отгораживаясь от насущных нужд молодежи «глобальными» проблемами или отговорками типа: на нет и суда нет. Марина и ее единомышленники не хотят мириться с «объективными» обстоятельствами, они пытаются изменить их. И ей непонятна позиция горкома комсомола, когда тот предпочитает «объяснять ситуацию», а не действовать.

В документах горкома можно найти немало велебегущих слов о том, как важно «больше заниматься организацией свободного времени молодежи», о необходимости «создавать и укреплять материальную базу содержательного отдыха». А резолюция первого секретаря горкома ВЛКСМ Григория Ушакова на копии письма Иванайской, присланной из редакции, заслуживает того, чтобы процитировать ее буквально: «т. Печиеву Г. Побеседовать с заявительницей.

Внести конкретные предложения по улучшению организации досуга молодежи в свете письма».

Как беседовал второй секретарь с Мариной, нам известно: неуважительно, бестактно. А вот «конкретные предложения в свете письма» до сих пор остаются тайной за семью печатями: официального ответа на свое письмо «Смена» из горкома комсомола так и не получила, хотя, как уверяли Иванайскую, такой ответ был отправлен. Неужели в Белореченском горкоме настолько не отдают отчет собственным словам и заверениям, что докатились до очковтирательства?

— Я думал, что редакции отвечать необязательно. Моя ошибка, — открыто сознается Геннадий Печиев.

Конечно, не по намеченным «мероприятиям» собираемся мы судить о работе горкома ВЛКСМ — на недопустимость такой оценки особо указал состоявшийся недавно IX пленум ЦК ВЛКСМ. Критерий деловитости один — реальные дела и инициативы. Этого ждут от своего горкома и молодые белореченцы. Словами и обещаниями они уже сыты по горло.

Возьмем вполне конкретное дело — танцплощадка. Горком комсомола вот уже который год не может справиться с этим простым заданием — организовать танцы в городском парке. Нынешней весной горком КПСС поручил первому секретарю ГК ВЛКСМ Григорию Ушакову взять под личный контроль этот вопрос, чтобы решить его раз и навсегда.

Я был в Белореченске в конце июля — никаких сдвигов, одни разговоры.

— В чем загвоздка? — спрашиваю Григория.

— Пока не готов проект, — отвечает. — Когда же он будет готов?

— Сейчас узнаем. — Первый секретарь снимает телефонную трубку, звонит в проектную контору. — Васильев на месте? Нет. А-а, в совхозе. — Кладет трубку. — Сегодня все на уборке, подождем до завтра.

Я думал, что эта проектная контора за тридевять земель от горкома. Оказалось, дорогу только перейти. Так и встает перед глазами кадр из фильма «Волга-Волга»: Ильинский — Бывалов звонит конюху, чтобы тот срочно запрягал кобылу.

У проектировщиков я все же побывал. Руководитель производственной группы А. Т. Васильев разложил на столе проект танцплощадки, подготовленный еще в июне 1981 года. По нему и начинали строить. Испекли бетонный «блин», потом выяснилось, что строители не могут изготовить монолитную железобетонную раковину для оркестра, — на том все и застопорилось.

— А разве нельзя сделать что-то попроще?

Васильев с затаенной гордостью профессионала изрек:

— Если строить, так строить на века.

Против этого ничего не возразишь, но хотелось получить четкий ответ на воп-

рос: когда же будет готов проект танцплощадки?

— Трудно сказать, — улыбнулся руководитель группы. — Работа индивидуальная, творческая, автор сейчас в отпуске...

Наверное, первый космический корабль проектировали быстрее, чем эту злуполучную танцплощадку.

Но можно ведь и не ждать оригинальной площадки или великолепного Дворца культуры. Можно устраивать танцы там же, в парке, под открытым небом (несколько раз так и делалось). Можно раскочить для этого «пяточек» у реки. Можно устраивать вечера в стиле «ретро», чтобы играл духовой оркестр, джаз. Можно... Все можно, если взяться за дело по-настоящему, с желанием, с душой. А пока горком комсомола только разводит руками: у нас, дескать, нет средств, нет техники, пусть этим занимаются комсомольские организации предприятий, отдел культуры, профкомы. Вместо дела — организационная неразбериха, перекалывание ответственности на других, ожидание неизвестно чего...

А молодежи по-прежнему вечером зачастую некуда пойти, негде отдохнуть, потанцевать. Что же остается делать?

Кто-то от скуки идет в винный магазин, находит «теплую» компанию. Кто-то целыми вечерами просиживает у телевизора. А кто-то, махнув на все рукой, собирает чемоданы и уезжает из Белореченска, где и без того не хватает рабочих рук. Например, Таня Уварова, с которой познакомился в комитете комсомола химзавода, не сегодня-завтра укатит в Заполярье (с Кубани-то!), в Норильск, хотя здесь, в Белореченске, у нее хорошая работа, квартира.

— Не хочу тут жить, — горячо говорит Татьяна. — Такого равнодушия к отдыхам молодежи я нигде не встречала.

На пленуме ЦК ВЛКСМ отмечалось, что неудовлетворительная организация досуга наносит серьезный ущерб нравственному воспитанию, является одной из причин текучести кадров и нарушений общественной дисциплины. Там, где еще не наведен должный порядок в сфере досуга юношества, нет оснований говорить об успехах в воспитательной работе в целом.

Вот так остро, принципиально ставится этот важнейший вопрос. Вялость, инертность, безответственность, глухота к интересам и нуждам молодежи сегодня особенно нетерпимы.

...Стоим с Геннадием Печиевым на берегу Белой. «Со временем тут будет зона отдыха, — говорит он, — стадион, павильоны».

Со временем... Но ведь и сейчас уже тут есть где приложить молодые силы. Близость моря вовсе не значит, что пока можно спокойно сидеть сложа руки, не думать о запросах молодежи. Невозможного от горкомовцев никто не требует. Просто молодые белореченцы хотят жить, как и их сверстники в других городах: хорошо потрудившись, интересно, весело, с пользой для здоровья отдыхать.

Проскочив крепкий зимник, чуть подпорченный на болотинах нежданной оттепелью, юркий автобус бригады Фомина притормозил в самом начале деланки, близ водогрейки, где ночевала лесорубская техника.

Сбрасывая с себя дорожную полудрему, лесорубы неспешно затолкались к выходу. Первым соскочил на заснеженную землю Николай Иванов, оператор трелевочного трактора. Зябко поежился от утреннего морозца, хотел было улыбнуться торопящему весну солнцу, но, вспомнив про «молнию», вывешенную накануне в конторе лесопункта, нахмурился и решительно зашагал к своей машине.

Следом из автобуса выпрыгнул молодой бригадир Владимир Фоминов, чем-то встревоженный и смущенный. Он тоже думал о той злополучной «молнии», ошибочно назвавшей его, а не Николая победителем соцсоревнования за прошедший месяц. Видать, в профкоме промашка вышла. Не мог еще Володя опередить такого аса трелевки, как Николай Иванов, — сам это прекрасно понимал.

Виновато поглядывая в злую спину Николая, но не решаясь заговорить, Володя намеренно громко загремел ведрами, поочередно подставляя их под горячую струю. Залил водой радиатор и как-то неловко дернул шнур, заменявший стартер. Двигок завелся не сразу. Бригадир ругнул себя в сердцах за то, что на таких вот мелочах обычно отставал от расторопного Коли. Когда его трактор наконец с урчанием задрожал, ивановский уже заправлялся поодаль дизельным топливом...

В будке-бытовке, где лесорубы наскоро подкреплялись перед работой захваченным из дома сухим пайком, опять воцарилась тягостная тишина. Лишь неседливая вальщик Гена Таттари попытался разрядить напряжение борода-таты анекдотом, но, почувствовав, что шутить нынче никто не намерен, быстро притих.

Раньше и здесь тон настроению задавал балагуристый Николай. Когда же он бывал не в духе, что в последнее время случалось все чаще, ребята предпочитали понимающе помалкивать, чтобы ненароком не обмолвиться словами «соревнование», «награда», «победитель»... Эти слова задевали Николая за живое, напоминая о конфликте с бригадиром, который именно под его, Николая Иванова, наставничеством стал сильным мастером и удачливым соперником.

Правда, в очном споре Володя уступал учителю, однако для своего возраста работал здорово, за что и поощрялся как молодой бригадир одного из лучших в Карелии комсомольских коллективов. И, наверно, к лаврам ученика наставник относился бы спокойнее, если бы в результате сам, привыкший к вниманию и почету, вдруг не остался в тени. Это он-то, Николай Иванов, опынейший тракторист, которого ребята справедливо считают мотором и душой бригады, главным «виновником» ее нынешних производственных успехов!

К тому времени, когда на Сосновском лесопункте организовали комсомольско-молодежный коллектив лесорубов, у Николая Иванова был уже солидный опыт управления трелевочными тракторами разных марок, в том числе высокопроизводительным ТБ-1, за рычаги которого он сел одним из первых в Чупинском леспромхозе. И не просто сел, а сумел заслужить авторитет лучшего специалиста на конкурсах мастерства.

Словом, к тридцати годам вошел Николай в зрелую силу классного мастера, искавшую выхода в настоящем деле. В

таком, чтоб была возможность посостязаться вволю, развернуться во всю мощь, показать все, на что способен.

Предложение «поставить на ноги» бригаду еще не очень обстрелянных на лесосеке комсомольцев пришлось ему по душе. Правда, шел он к ним не бригадиром, а рабочим-наставником. Это было испытание нешуточное, — как раз такое, какое искал Николай.

Однако первое испытание случилось еще до начала настоящей работы. Дело в том, что Иванов тогда временно остался без техники, проводив в капремонт отслужившую свой срок машину. В ожидании нового «Онежца», предназначенного для молодежного коллектива, нетерпеливый Николай согласился два месяца побыть на подхвате. Ждал-пождал — и чуть вовсе не прождал. Обещанный ему ТБ надумали было отдать другому известному лесорубу, пожелавшему заменить еще вполне исправный трактор. Да только нашла коса на камень. «Рокировку» за свой счет Иванов терпеть не стал и технику не уступил.

— Слаб я характером, когда несправедливостью пахнет. Не могу промолчать, хоть режь, — шутит он.

чуть не заплакал прежний комсорг Саша Пеллинен, услышав предложение Николая валить лес под его трактор поочередно с Таттари:

— Ты что, издеваешься, что ли? Посмотри, до чего ты Генку довел — кожа да кости. И меня хочешь, как лимон, выжать?

Глянув на худощавого от природы Генку, ребята покатались со смеху. Была в той шутке немалая доля правды. Гена, постоянный напарник Иванова, рассказывал, как тот однажды в дым расчихвостил облившегося тракториста, привыкшего расслабляться в конце месяца, особенно если перспективы на премию за выполнение плана казались призрачными.

— Ты, — говорит, — другого времени не нашел — стекла, видишь ли, у трактора моет. Гляди, бригаде лодыри не нужны. Вмиг замену подыщем. Вон Фомина возьмем с сучкорезки. Он и на «тэбшке» не чета тебе будет работать, стоит мне его чуть поднатаскать.

Сказано — сделано. Еще разок подвел бригаду тот парень, и его заменил Фоминов. А уже через год Николай на правах наставника выдвинул Володю в бригадиры.

ОБИДА

ФОРМАЛИЗМ, РАВНОДУШИЕ К ЛЮДЯМ ПОРОДИЛИ КОНФЛИКТ В РАБОЧЕМ КОЛЛЕКТИВЕ

Машину-то Николай отстоял, а вот отношения с руководителями попортил. Уж больно ершистым оказался в споре за свои права, больно неудобным. Не с тех ли пор обходит его стороной удача? То звание ударника комтруда не получил, то грамоту заслуженную, то на Доску почета не пробился. Когда же плюс ко всему юпитеры славы высветили не его, а возмужавшего под его опекой Фомина, обиделся всерьез.

Оно, конечно, правильно, что молодой везде у нас дорога. Но, во-первых, как быть в этом случае с почетом для тех, кто постарше? Во-вторых, Коля в «стариков» еще не записывался и уступать дорогу без боя не собирался.

А тут вдруг о Фоминове в леспромхозе заговорили как о лучшем операторе ТБ, забывая такую высокую оценку уточнять: «молодой». Даже друзья и знакомые Николая подначивать стали: «Неужто сдаешь, не рано ли?» Хотя прекрасно знают, кто работает лучше. Но ему-то от этого не легче — в глаза людям смотреть стыдно. Каждому же не объяснишь, что с «молнией» ошиблись, что на Доску почета хотели сначала его фотографию повесить, а уж потом решили поощрить Фомина...

Вот ведь ситуация: не скажешь, что Николаю позарез нужна слава. Но, как любому, хочется, чтобы труд его оценивался по достоинству, и не только в денежной форме. Так и подточил его червячок обиды. Он даже в работе себя сдерживать начал. Отработает «от и до», и больше не требует.

А ведь прежде до всего ему было дело. Что называется, на себя все брал, спланивав в бригаду ребят покрепче. Сам им предлагал более удобные приемы организации труда и разработки лесосеки. Никому в работе спуску не давал. И прежде всего себе самому.

Хорошо помнят в бригаде случай, как

«Небось теперь локти кусает, злится на меня. Жаль, что наши приятельские отношения так нелепо разладились. Кому это на пользу?» — Отгоняя неприятные думы, бригадир выжал сцепление и пустил свою машину вслед за оранжевым «Онежцем» Иванова. Но назойливые мысли упрямо лезли в голову.

Ну чем же он, Володя, виноват в размолвке? Разве лишь тем, что вовсе старается работать не хуже наставника? Пусть пока отстают, но стремятся догнать и, глядишь, своего добьются. Ведь как в стволах деревьев прирастают новые годовые кольца, так и в нем добавляются новые кольца опыта, умения, мастерства.

В свои двадцать шесть лет Фоминов уже многого достиг, по праву заслужив звание лучшего в Карелии молодого оператора ТБ-1 за 1983 год. Может быть, действительно догонит он своего учителя-соперника. Однако пока говорит об этом рановато. Между тем заговорили. Да так безудержно стали вытягивать Владимира в «маяки», что он и сам растерялся, столкнувшись с Николаем в споре за лидерство.

Неужели возможность таких столкновений заложена в природе соревнования? Да нет же! У нас не конкурентная борьба, в которой каждый норовит растолкать соперников локтями, чтобы отвоювать себе местечко под солнцем. Наше соревнование основано на социальной справедливости, и естественное стремление людей к первенству не должно осуществляться за счет ущемления интересов других. Только вот не всегда получается, как должно-то. Особенно в вопросах морального стимулирования, когда на итоги соревнования, кроме конкретных трудовых достижений, влияют десятки других, нередко субъективных факторов.

Почему, например, спор за место на

Доске почета между двумя лесорубами закончился в пользу молодого бригадира? В мастерстве и производственных показателях Николай превосходит Владимира. По каким же критериям определялся лучший?

— По общественной активности и возрастному признаку, — не задумываясь, объяснил первый секретарь Лоухского райкома ВЛКСМ Анатолий Архипов. — Фоминов — член райкома комсомола, депутат райсовета, молодой коммунист. Мы вправе были настаивать, чтобы на Доске почета Сосновского лесопункта появилась именно его фотография, чтобы на ней был представитель молодежи.

Но соревнуются-то прежде всего в работе! Это при равных показателях может учитываться общественная активность. «Выводилка» принципиально противопоказана соревнованию, ибо заражает его духом нездоровой конкуренции, вызывает конфликтные ситуации, которых вполне можно было избежать, не сталкивая соперников, а объективно и гласно отражая их результаты. И в полной мере поощряя людей за эти результаты. У Владимира Фомина достаточно реальных достижений, и при желании можно было отметить его работу иным способом, не за счет Николая...

На февральском Пленуме ЦК КПСС товарищ К. У. Черненко отметил, сколь важно, чтобы заложенная в основе советского строя социальная справедливость «неукоснительно соблюдалась в повседневных делах, идет ли речь о заработной плате и премиях, распределении квартир и путевок, о награждениях — словом, чтобы все делалось по справедливости, в соответствии с трудовым вкладом каждого человека в наше общее дело».

Не случайно, кстати, в последнее время особенно подчеркивается роль моральных факторов в организации соревнования. «Честь и слава — по труду!» Честь заводской марки и заслуженная рабочая слава, авторитет и уважение товарищей — вот какие стимулы выдвигаются на передний план.

Вполне понятно, почему столь остро обидели бывшего лесоруба история с Доской почета, случай с ошибочной «молнией» и прочие факты невнимания.

...Маневренная машина Николая быстро двинулась вдоль «ленточки» сваленного леса параллельно курсу бригадирского трактора. Чуть поотстав, Володя невольно залюбовался тем, как ловко ворочал поверженными соснами оранжевый «Онежец». Умеет же Николай работать красиво. Не зря о нем говорят, что он не рычаги дергает, а клавиши нажимает. Артист! Фоминов привык равняться на Николая, тянуться за ним в ежедневных состязаниях на лесосеке. Только камнем на душе лежит нелепая размолвка. Утром, не глядя друг на друга, поздоровались, вечером так же попрощались — едва кивнув. Будто стенка какая-то выросла между ними. Невидимая, а не прошибешь. Конечно, трагедии никакой нет. Перемелется все, утрясется, и будут они, верится, как и раньше, и с соперниками и добрыми друзьями.

Будут ли?..

ОТ РЕДАКЦИИ. История эта еще не окончена. Как сложатся отношения двух лесорубов, покажет будущее. Смогут ли они стать выше обид, мудрее тех, кто создал конфликт в пустом месте? Мы надеемся спустя время рассказать об этом.

Обращаемся и к читателям «Смены»: напишите нам, случаются ли в ваших коллективах подобные конфликты, недоразумения, столкновения ли вы лично с формальным отношением к людям. И если да, то отчего, на ваш взгляд, это происходит? Как сделать, чтобы в соревновании не было обид, чтобы все — только по справедливости? И не по форме, а по существу.

Ждем ваших писем.

ЗОЛОТОЕ ДНО

МОЛОДЕЖЬ НА ВАЖНЕЙШИХ НАПРАВЛЕНИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Михаил ФОНОТОВ

«Главная цель передовой технологии — отыскание способов производства полезного из бросового бесполезного».
(Д. МЕНДЕЛЕЕВ)

РЕКА

Прозрачным ручейком начинается река Миасс в отрогах Уральских гор, вдоль хребтов круто течет к северу, промывая золотые пески, пробивается сквозь линзы, жилы, пласты и штоки хрустала, аквамарин, топазов, аметистов, рубинов, через яшмовые пояса, встречает на пути железо, титан, медь, молибден, никель, ванадий, платину, несет свои воды среди графита, глины, слюды, гранита, мрамора, талька, известняка, асбеста... Один минерал назван в честь реки — миаскит. Много столетий текла река, оставаясь чистой и прозрачной. Сегодня река выпивается Челябинском.

За городом она устало, из последних сил стекает в русло, обремененная всеми ста элементами таблицы Менделеева. В нашем краю никто не работает так натужно, как река Миасс.

Одно из толкований: Миасс — золотое дно.

ШЛАКОВЫЕ ГОРЫ

Бедствие или склад полезных ископаемых?

...Из окна троллейбуса Владимир Камышников каждый день видит эти белесые отвалы, возвышающиеся вдали на берегу реки Миасс едва ли не в центре Челябинска. Когда-то тут была окраина, и казалось, что отвалы никому не повредят. Да и о них ли было думать. Ради металла можно и потерпеть. Металл — это все. Индустрия, мощь, прогресс. А шлак — мусор.

Ярус за ярусом поднимались террасы. Возникла мысль избавиться от этих гор. Дороги, что ли, выстлать из шлака? Но пока у дорожников был щебень, никто отвалы не тронул. Тут вошло в моду слово «рекультивация». На отвалах будет расти лес! Вместо пыльной пустыни — парк! Говорят, и в самом деле на одной из террас посадили саженцы. И вроде принялись. Значит, стоит захотеть, и ландшафт преобразится.

Можно, конечно, вырастить лесок. На время. Потому что теперь Владимир не уверен, что отвалы уже никогда не пригодятся. Может быть, они — благо? Может, когда-нибудь нам спасибо скажут за то, что не выстлали шлаками дорожные полотна, а сохранили их, оберегли? Рано или поздно иссякнет в недрах феррохром. Магнетит (и другие огнеупорные минералы) тоже исчерпаем. И тогда, вероятно, мы обратим свои взоры на белесые отвалы. Потому что в них остался металл и его выгодно извлечь. А шлак в чистом виде вполне пригоден для выплавки огнеупорного материала, способного во многих случаях заменить магнетит.

Отвалы — это запасы сырья, рукотворное месторождение, руда, состав которой выравнен почти безукоризненно. Вали отвалов в огонь — по второму разу... Но это потом, когда-нибудь. А пока технология переработки шлаков необходима прежде всего новым ферросплавным заводам и цехам. Ею-то и заняты Владимир Камышников и его

коллеги по лаборатории в институте строительных материалов.

Я спросил у Владимира, от чего он шел — от экологии или от технологии? Хотел защитить природу или решить техническую проблему? Ответил, что как-то и не задумывался о том. Наверное, два интереса совпали. Может быть, оттого, что в технике шагу не сделаешь, чтобы не упереться в экологию. Но в чем Владимир убежден: экология — дело инженерное. Природу защищать не от техники, а техникой. Если угодно, от старой технологии — новой технологией. От незнания — знанием.

Для кого-то отвалы — гора, а для исследователя — склад «химии». Проблема отвалов для Владимира свелась к «частности»: как разделить металл и шлак. Гора изучается в молекулах.

Лаборатория предлагает: чтобы технология стала безотходной, надо в цехе поставить еще одну печь — шлакоплавильную. Тогда цех будет выпускать не один, а два вида продукции: металл и огнеупоры.

Есть руда богатая или бедная, но нет чистой, что огорчает, потому что в ней нас обычно интересуют какое-то одно, «ведомственное» вещество. А наши потемки, наверное, научатся извлекать из руды все ее элементы. Вот это комбинат! Что требуется? Железо, медь, золото, молибден, барий? Или песок, глина, известь, слюда? Все есть, ничего не выброшено.

Далеко нам пока до такого комбината. Отходы... Простите, но разве бывают отходы? Разве есть на земле что-то такое, которое ни на что не годится? От которого необходимо избавиться? Не бывает отходов. Не должно быть.

Не зря сказано: полезные ископаемые. А у нас не все ископаемые полезны. И даже не вся продукция полезна. Есть, как мы говорим, вредные вещества, которые губят природу. Значит, требуется очистка. Водоочистка, газоочистка, пылеочистка — чтобы «уловить» эти самые вредные вещества. Уловить, оно хорошо. Но и только?

У центральной проходной Челябинского электрометаллургического комбината (ему-то и принадлежат отвалы в центре города) стоят сосны, серые от пыли и пепла. Что же, тут не ловят газы, пыль и пепел? Ловят. Вот и печь — вся она обвита вентиляционными каналами. Но печь-то, по сути, открытая. Дым рвется кверху облаком — то в канал, то мимо. Как его, облако, поймать?

Рядом — молчаливое здание газоочистки. Там никого нет. Пусто. Что-то «не идет». Говорят, капризное оборудование. Надо разбираться, конечно. Руки не доходят. В цехе бы успеть...

Ах, эта обистка!.. Если без обиняков: обуза. Пустое производство. Сбоку припека. Санитарные врачи сетуют: там не действует, там выключили. Что же удивляться? Оборудование на миллионы, а продукция — никакой. Вместо плана — добрые пожелания.

Не очистка спасет природу, а технология, которая, «поймав» вредные вещества, преобразует их в полезные. В продукцию, которая в плане, от которой прибыли, премии и все остальное. Природа, давно освоившая безотходную технологию, ее же и нам предлагает.

ХРОМ

История превращения вредных веществ в дефицитные...

... Я беседую с Виктором Волковым, кандидатом технических наук, заведующим лабораторией института метал-

лургии. Научная работа, и, можно сказать, вся его жизнь связана с одним элементом периодической системы — с хромом.

— Это основной легирующий элемент. Хром придает стали редкие свойства. Без него, наконец, не получить всем известную нержавеющую сталь.

— А хром — дефицит?

— Как сказать. Мы богаты хромом, но его, к сожалению, не хватает. Получается он из руды, залежи которой в Казахстане, близ Актюбинска. Здесь находится уникальное месторождение (в руде больше половины окиси хрома). Добывается руда в большом количестве. И ферросплавщики как будто задания выполняют. Однако есть серьезные проблемы.

— Но в любом случае надо что-то делать с отвалами. Не так ли?

— Это нас как раз и интересует. Экология — проблема не только социальная, но и производственная. При выплавке одной тонны, например, низкоуглеродистого феррохрома получается до трех тонн шлака. Как быть с ним? Горы отвалов растут, шлак вываливать уже некуда. Настала пора что-то предпринять, наконец.

Наша лаборатория предлагает утилизацию шлаков по безотходной технологии. Я вам показывал колбу с серыми гранулами. Это не что иное, как тот же шлак. Но если эти гранулы перемолоть, получается хороший цемент.

Полупромышленные испытания мы провели и считаем, что технология готова к внедрению. Но, как всегда, на пути барьеры, психологические и другие. Вопросы всякие. А зачем? А вдруг не получится? Ставить барабан в цехе, где и так тесно? Производственников можно понять. Всякие перестройки в цехе ломают ритм. Учтем и то, что комбинат не имеет никакой выгоды от новой технологии. Но есть на комбинате, среди его руководителей и специалистов, и сторонники безотходной технологии. Думаю, что она все-таки будет принята. Ведь технология безотходная! Вместо шлаков — готовый цемент.

— А газы?

— Газов, собственно, нет. Кроме того, технология позволяет извлечь феррохром, который уходит со шлаком в отвалы. Подсчитайте стоимость этого металла, да плюс стоимость цемента — затраты оправдываются с лихвой.

— С шлаками ясно. Но этот дым над комбинатом, эти серые сосны...

— О, тут надо начинать с руды. Далеко не всегда печи получают необходимую фракцию шихты. Руду кое-как дробим и, не отсеив мелочь, засыпаем в печь. Вся мелкая фракция при этом поднимается в воздух. Потери. А огромный кусок руды, плавающий в ванне, тоже ни к чему: лишний расход энергии и времени на расплаву. Хром вылетает в небо с дымом и газами. Из этих газов, если их «собрать», очистить, можно получить и тепло и хром. Чтобы очистить, надо строить газоочистные установки, чтобы собрать, надо печь закрыть герметичным сводом. Но при работе в закрытом режиме печь нельзя заваливать какой угодно шихтой. Нужна только «своя» фракция.

Сегодня практически все ферросплавные печи у нас открытые. Дым от них разносится на всю округу. Дымно, конечно, и в цехе, на рабочих местах. А с газами безвозвратно уносятся тепло, ценные элементы и вещества. Значит, вся технология требует «реконструкции».

Охрана природы и хром... Мы привыкли, что вокруг нас железо, медь, кальций, натрий. В воздухе — невидимые

кислород, водород и азот, которыми дышим. Алюминий, углерод знаем. Ну, золото на пальце. Еще кое-что. А большинство элементов таблицы Менделеева, как мы привыкли считать, где-то в тайниках природы, в недрах.

Вокруг нас давно уже властвует химия. Редкие элементы давно уже извлечены из недр и вошли в наш быт. Мы охотно пользуемся их «услугами», принимаем их как должное. Но само слово «химия» произносим с некоторой неприязнью. Конечно, химия не только спасает, иногда от нее приходится спасаться, но в том не ее вина, а наша.

РЕКА

У природы — свои «ведомства»: воздух, вода, недра, почва, флора, фауна. Но как они дружны! Воздух не боится принять воду, а вода не избегает воздуха. Растения, потребляя воду и воздух, растут на почве, обогащая ее. Все построено на кругооборотах. Миллионы связей, превращений, исчезновений и воскрешений. И ничего лишнего! Никаких отходов.

Разделена природа и неделима. На Урале, в долине реки Миасс, издавна добывали золото. И до сих пор здесь роят землю драги и гидравлики. Роят землю, песочек золотой отсеивают, а песочек без золота выбрасывают. Это — отходы производства. Когда золото — продукция, а песок в отходах — это еще куда ни шло. Но, оказывается, возможна и обратная ситуация: песок — продукция, а отходы — золото.

В той же долине Миасса добывают песок, щебень и гравий механизаторы управления «Уралсибгидромеханизация». Их земснаряды песок отмывают и отправляют строителям, а все остальное выбрасывают. И золото в том числе.

Логично. Одно ведомство — по золоту, другое — по песку.

Однако же золото — отходы! Каково?

Некогда в долине Миасса находили самородки, вошедшие в коллекцию. Но золотая лихорадка давно схлынула, оставив после себя изрытые берега реки. Россыпи здесь остались, драги продолжают мыть песок (и даже старые отвалы), но добыча идет тихо, без сенсаций. Теперь же, при всем уважении к благородному металлу, мы, оглядывая долину Миасса, все чаще спрашиваем себя: а сама река — не золото ли? На ее воде держится индустрия Челябинска. Без нее мы ни дня, ни часу не проживем.

Река дороже золота. Ни на какое золото ее не купишь.

Но она беднеет, русло ее теряется среди отвалов, затягивается илом.

Надо спасти золотую реку Миасс. Но как?

ВАНАДИЙ

Как можно спасти кедровник?

Мы живем в век техники и вступаем в век технологии. Мы создаем сотни и создадим тысячи технологий для переработки всего и вся. И все будет хорошо, если мы не оставим отходов. То, что отходы — зло, мы знали и прежде. Потому что мы учимся превращать их в добро. Потому что можно понять людей, которые, как Виктор Волков, посвятили себя хром. Или как Татьяна Петровна Сирина, изучающая ванадий.

— А где его берут?
— Ванадий, как говорят специалисты, рассеян в породах. Взгляните на фотографию. Это Качканар с его горно-

обогатительным комбинатом. Рядом с городом, у прекрасного пруда, возвышается живописная гора. Она покрыта кедром. Так вот, эта гора состоит из титано-магнетитовых руд. Гору предстоит переработать. Железа в ней мало, но если из руды выделять ванадий, добыча выгодна. Хотя и ванадия в руде очень мало. Переработка кедровой горы требует немалых затрат. Я уж не говорю об ущербе природе.

— А вы предлагаете нечто другое?

— Предлагаем. Оказывается, в золе, которая остается после сжигания мазута, содержится до 50 процентов окиси ванадия. Представляете? В руде — мизер, а в золе — 50 процентов!

Предполагается, что на нефть он попал как раз из руд. На земле только два таких района — Урал и еще Венесуэла. Не случайно так велик спрос на венесуэльскую нефть. Япония, например, не имеющая ванадиевых руд, на 20 процентов обеспечивает себя ванадием из мазута.

— А как обходимся мы с мазутным ванадием?

— В том-то и дело, что плохо. Многие ТЭС нашей страны работают на мазуте. Как раз во всех отходах ТЭС и остается ванадий. Отходы эти, с одной стороны, очень вредные, от них нужно как-то избавиться, обезвредить, а с другой стороны, это концентрат ванадия, превосходное сырье для получения ценнейшего легирующего элемента. Отходы ТЭС — комплексное сырье. Кроме ванадия, в них еще есть сера, никель, железо. Мы разработали технологию, которая утилизирует все элементы, содержащиеся в мазуте. Ее-то мы и предлагаем внедрить в ближайшие годы... А пока на ТЭС растут емкости шлакоаккумуляторов, днем и ночью дымят трубы, на большинстве станций очистных сооружений нет.

Правда, существуют исключения. Вот еще одна фотография, посмотрите: Это ТЭС-5 в Киеве. Видите, станция утопает в зелени и цветах. Здесь очистные сооружения есть. Шламы отправляются металлургам, а вода поступает в садки, где выращивается рыба ценных пород. Из садков совершенно чистая вода сбрасывается в Днепр.

— Выходит, все дело в очистке?

— Не только. Дело в том, что каждая ТЭС не в состоянии освоить очень тонкую технологию производства феррованадия. Необходим специализированный цех. Наша технология рассчитана именно на такой цех. Вопрос о строительстве первого из них, надеюсь, будет решен в ближайшее время.

Таков ванадий. С ним шутки плохи.

Пути экологии неожиданны и запутанны. Ванадий — в горе, покрытой кедром. И в тысячах цистерн с мазутом. Если взять ванадий из мазута, пожалуй, можно было бы не уродовать живописную гору. Но уродовать горы мы уже умеем, а осваивать новую технологию — не очень. Или никакого вреда природе, или двойной ущерб. Выбор за нами.

РЕКУЛЬТИВАЦИЯ Проявление на деле любви к земле

Выбор у нас велик. Пока еще. Например, рыть новые глиняные карьеры, возить глину издалека или вместо нее для производства кирпича использовать золу электростанций, шлаки металлургических заводов. Даже песок ныне если не дефицит, то весьма дорог. Например, формовочный. Тонна стоит 120 рублей. А какую литейку ни возьми, песок выбрасывается. Всего по стране — миллионы тонн. Почему его выбрасывают? И тогда инженер лаборатории формовочных материалов Владислав Швыркунов пригласил меня к микроскопу.

— Взгляните на это, — сказал он, и я увидел в окуляре горстку гранул, покрытых черной копотью.

— А теперь, — Владислав сменил стеклышко, — такой же песок, но после очистки.

Блестящие, почти прозрачные песчин-

ки, увеличенные оптикой, выглядели едва ли не драгоценными камнями.

Регенерация — это то, чем заняты в лаборатории. Ее заведующий Юрий Александрович Водеников перечисляет, что она дает. Песок не возить, вагоны не заказывать. Меньше карьеров и отвалов. Отливки, наконец, дешевле. Выгодное это дело — кругооборот песка.

Выбор велик. Пока еще отвалы открыты: бери сколько угодно. Осваивая новую технологию и пользуясь отходами. Только не опоздай. В длинном списке «вредных» отходов один минерал уже исчез: доменный шлак. Еще вчера он не имел спроса, а сегодня выдвигается только по фондам. Оценили-таки. Глядишь, дойдет черед и до «вскрышных» пород карьеров. Тем же дорожникам все труднее выпрашивать отводы земель под новые карьеры. Рано или поздно не миновать им отвалов.

...Лопатой, сколько ни копай, планету не исковеркаешь. Говорят, копать землю — самая трудная работа.

Я помню восторги от первых шагающих экскаваторов. Однажды и сам стоял в ковше экскаватора — не ковш, а комната, стальные стены — толщиной в ладонь. Потом из кабины машиниста смотрел, как летал вдоль откоса этот ковш. Он не знал отдыха ни днем, ни ночью, и такую яму выкопал — из космоса видна.

То было поле, и вдруг под вертолетом открылась пропасть, которая, казалось, затягивает нас, словно в омут. С высоты Коркинский разрез так и воспринимается: яма среди равнины.

16 июля 1936 года взрывом аммонала подняли в воздух и отбросили в сторону миллион кубометров породы, образовав траншею в километр длиной. Облако дыма и пыли поднялось в небо, затмив солнце. Все сейсмические станции страны отметили взрыв как слабое землетрясение. За несколько секунд взрыв обнажил пласт угля — спустился вниз и черпай.

В первые годы горняки и не помышляли спуститься ниже ста метров. Потом выбрали уголь до двухсот. Прошли отметку триста метров. Сейчас вкопались глубже четырехсот. А закончить работу предполагается на глубине 570 метров. Пласт, однако, уходит еще дальше.

До конца века кладовой хватит, еще и в третьем тысячелетии десяток лет будут тащить электровозы уголь из недр земли. А потом? Как быть с ямой-то? Зарыть ее? Оставить так, как есть? Может, водой залить? Озеро будет. Почти Байкал. Но где воду взять? Полтора миллиарда кубометров — шутка ли? Если реку Миасс направить в разрез, только через много лет вода поднимется до бортов.

Словом, яма — вопрос открытый. Но разрез — не только яма, но и гора. Отвалы поднялись на сто метров, а к концу добычи их высота удвоится. Не сказать, что эта гора украшает уральский пейзаж. Порода, много миллионов лет назад прочно уложенная на глубине в четыреста метров, вдруг оказалась под открытым небом. Недр — выше нивы. Былинки та порода не выкормит, скорее отравит.

Заведующий сектором рекультивации института открытых горных работ Юрий Моисеевич Васильков показывает мне профиль Коркинского разреза. Предполагается засыпать отвалы слоем глины, суглинков и почвы, чтобы посадить саженцы тополя, клена, лоха, вяза, жимолости, сирени, даже яблони.

Однако пока разрез выдает уголь, пока порода вывозится на отвалы, с рекультивацией придется повременить. Она начнется лет через пять, а еще через столько же горняки озеленят первые 130 гектаров террас. Потом дело пойдет быстрее, и к тому времени, когда разрез опустеет, к 2009 году, на всей площади отвалов затрепещут бледные листочки саженцев.

Поживем, увидим. Конечно, хорошо, что о рекультивации уже думают. Но срок ее еще не грянул. А та рекультивация, которая грядет, быть может, подлечит переоценку.

Как бы то ни было, горняки думают о том, как спланировать террасы, какой слой глины насыпать, чтобы спасти корни деревьев от токсичных пород, какие растения лучше приспособить к скудной диете припорошенной черноземом глины. То есть речь о том, чтобы задержать пустыню отвалов, зарубцевать раны земли. А те сотни гектаров пашни, которые остались под отвалами, уже никогда не закустятся всходами.

Рекультивацией лучше начинать, чем заканчивать. Но этот закон только для новых месторождений.

Если «саженцы» где-то и растут, то в сознании людей. Долго горняки слово «рекультивация» и выговорить не могли. Теперь же привыкли. Деваться некуда. Теперь выпросить гектар земли под отвал — дело почти безнадежное.

Говорят, рекультивация — одни расходы. Как посмотреть. Когда-то было взято, теперь надо возвращать. Если уж копать на планете ямы, надо поаккуратнее. Нива и недра принадлежат разным ведомствам. Уголь и щебень. Металл и цемент. Между ними — межа. Металлурги обескуражены: нам еще и цемент давать? Еще чего не хватало! У нас и с металлом хлопот невпроворот, а вы еще навязываете нам строительные материалы. Цемент нужен строителям, пусть они себя им и обеспечивают.

Логичное вроде предложение. Но посмотрим к двум вариантам одной технологии. Первый: шлак еще горячий, вместо того, чтобы вывезти в отвал, металлурги сами сразу пускают в переработку, то есть действуют «за других», за строителей. Второй вариант: строители берут шлак, уже остывший, из отвала, вновь его нагревают, расплавляют и так далее.

Разумеется, непрерывная технология дешевле, разумнее. Но ведомства ее рвут на части, только бы не перешагнуть межу, на которой пышно растут сорняки бесхозяйственности.

РЕКА

В городе Миасс, где выпускают автомобили «Урал», недавно случилось одно событие «местного» масштаба. Горисполком взялась очистить русло реки, чтобы было горожанам где искупаться. Долго ли, коротко ли, земснаряд и драга благополучно вырыли два бассейна. Вырыли благополучно и послушно, потому что им было все равно, где мыть песок — в городе или за его чертой.

Напомним, что земснаряд и драга принадлежат разным ведомствам. Но тут произошло нечто невероятное. Золотодобытчики, взяв золото с драги, подставили свои промприборы под «хвосты» земснаряда, сняв и тут желтый металл. «Свой» же песок не выбросили, как обычно, а тоже отдали строителям.

Перерыли межу! Земснаряд и драга работали без отходов.

Посмотрел на это старый золотодобытчик Андрей Алексеевич Кузьмин и заволновался. Всю жизнь он терзал тем, что кромсал луга и леса на берегу реки. И вдруг — возможно ли?

Андрей Алексеевич стал считать. Золото взяли — раз. Песок для бетона дали — два. Попутно болотину замыли под строительство — три. Реку вычистили — четыре.

Четыре работы четырех ведомств — одним махом.

Если бы ведомства работали врозь, то одни брали бы золото, а песок выбрасывали, и наоборот. Кто-то еще возил бы грунт к болотине — десятки самосвалов гудели бы не одну неделю. Еще кто-то чистил бы реку, не зная, куда девать грунт. И каждому отдельно плати сполна. А тут четыре дела — одни затраты. Где это видно? Чудеса да и только.

А что, задумался старатель, если и дальше так? Глядишь, всю реку очистить можно. Очистить — подумать только — бесплатно!

Река сама подсказала, как ее спасти.

ОБРАТ

1945-1985
ЖИВАЯ
ПАМЯТЬ

Владислав ЯНЕЛИС,
специальный
корреспондент «Смены»

Он знает, что такое война, прошел ее «от звонка до звонка». Начал в Прибалтике в июне 1941-го и вернулся туда же весной 1945-го. А потом отправился со своей дивизией на Дальний Восток, но к решающим боям опоздал, что обязательно подчеркивает в разговоре. Волею Драгунов в войсках связи. Тем, кто не знает, что это такое, скажем одно: связь на войне — дело наиважнейшее, без нее ни приказ отдать, ни подкрепление вызвать. Без связи командир слеп и нем, а само подразделение в бою, считай, отрезано от своих. Порядки на войне строгие: умири, но связь дай. Он и давал. Не один, конечно, а с бойцами, которыми командовал.

Тысячами километров проводов соединили Драгунов и его товарищи тяжкий 41-й и победный 45-й. Пролегли те линии связи через Старую Руссу и Сталинград, Сальские степи и Маньчжунью, Днепр и Березину, Вильнюс и Шяуляй. Досталось на его долю все, чем щедря война, — ранения и контузии, бомбежки, обстрелы, но горше и болезнее всего было терять в боях товарищей. Хоронил их Драгунов в мерзлых степях между речью Волги и Дона, на крутоярах Приднепровья, возле хуторов Литвы.

Война торопила, живые не всегда успевали ставить памятники павшим. Это откладывалось на потом, на после войны. Войска шли дальше, оставляя на пути свежие скаты братских могил. Тогда казалось, что обязательно наступит время, когда соберутся бывшие солдаты у этих могил и, не пожалев бронзы и стали, отольют имена павших товарищей, вспомнят всех до единого. Но война была долгой, и жизнь, которая наступила после нее, тоже не дала бывшим фронтовикам продыха. Немало погибших остались для своих близких «без вести пропавшими», об иных же было известно лишь, что они пали смертью храбрых.

После войны минули десятилетия. Но матери, вдовы, дети не вернувшихся домой солдат продолжают жить надеждой, что им удастся узнать хоть что-нибудь о том, как пали их сыновья, мужья, отцы, удастся поклониться их праху.

Смерть не обрывает памяти, не обрывает кровных, нравственных связей с павшими, а, наоборот, усиливает их. Смертью своей солдаты преподают нам последний, самый главный урок жизни, и потому так важно помнить его.

Но вернемся к Драгунову. Он остался в армии и после войны. Служил на Дальнем Востоке, сменил немало гарнизонов, считался высокограмотным, добросовестным офицером, занимал немалые посты. В 1964 году Владимир Денисович вышел в запас в звании полковника. Пенсия давала возможность жить безбедно где-нибудь в тиши, на берегу, скажем, Черного моря, среди виноградников. Но тишины-то как раз и не хотелось этому человеку.

ИТЕСЬ К ДРАГУНОВУ

Давний его товарищ, назначенный в Чернигов военным комиссаром области, предложил ему должность в облвоенкомате: надо было налаживать средства оповещения, связи с районами. Дело знакомое, и Драгунов согласился. Его не смутило даже то, что квартиру обещали не сразу, какое-то время ее пришлось бы снимать. Что ж, он человек неизбалованный, снимать так снимать. Переехал в Чернигов, приступил к работе. Сил ощущал в себе достаточно, со временем считаться не привык и скоро поставил дело, которое ему было поручено, на должный уровень.

Но неожиданно жизнь его заполнило новое дело, которому отдал себя Владимир Денисович без остатка. Об этом и речь.

С чего все началось? Сам Драгунов объясняет: значительно раньше, чем он впервые обратился в архив. Бывая по делам службы в районах, он видел безымянные братские могилы, не раз подолгу стоял возле них в раздумье. Вспоминал войну, своих не доживших до Победы товарищей. И сам ведь мог остаться навечно в одной из этих могил. Неужели не заслужили павшие солдаты большего, чем лаконичной надписи «Вечная слава героям!»?

Однажды у такой вот безымянной могилы в Левковичах Драгунов невольно подслушал разговор юной пары. Девушка спросила парня, кто здесь похоронен. Тот ответил, что солдаты, но имена их, наверное, забыты. Потом девушка нарвала полевых ромашек, положила букет на поросший травой холм, и они ушли. А Драгунов стоял, прислонившись плечом к старому вязу, и ждал, когда утихнет боль в сердце. Именно тем сентябрьским днем дал он себе слово сделать все от него зависящее, чтобы вернуть погибших из неизвестности. Хотя бы здесь, на Черниговщине. Отныне это и будет главным его делом на все отпущенные судьбой годы.

Итак, вначале надо было выяснить, какие части сражались на Черниговщине. Он проштудировал мемуарную литературу, но цельной картины не получалось. Тогда он понял, что прояснить ее можно только по источникам, документам, хранящимся в Центральном архиве Министерства обороны СССР. В 1973 году, взяв очередной отпуск, Драгунов поехал в Подольск.

Ему казалось, что тридцати дней вполне должно хватить. Понадобилось три года. Три года лишь на то, чтобы установить номер каждой из более чем тысячи воинских частей, прошедших с боями по черниговской земле осенью 43-го. С 41-м оказалось сложнее, но Драгунов не опускал рук. А ведь были еще и госпитали и медсанбаты, которые шли следом за войсками. Они тоже хоронили солдат и офицеров. Номера госпиталей — их оказалось более двухсот — он уточнял в архиве Ленинградского военно-медицинского музея. Наконец-то Драгунов знал в точности, какая именно часть брала ту или иную

**ТЫСЯЧИ ИМЕН
ПАВШИХ ГЕРОЕВ
ВЕРНУЛ ИЗ НЕИЗВЕСТНОСТИ
РУКОВОДИТЕЛЬ
ЧЕРНИГОВСКОГО
ОБЛАСТНОГО ШТАБА
«ПОИСК»
ВЛАДИМИР ДЕНИСОВИЧ
ДРАГУНОВ.**

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ТОВКО А. И.
ТОВКЛЧ О. І.
ТУРГАНОВ Д.
ТУРДУСВ А.
ТУРДУНАЗАРОВ І.
ТУРСУНОВ В.
ТУРСУНОВ Х.
УЛІКОВ К.
УМУРЗАКОВ А.
УРГАЗІН К.
УРГАРАВВ А.
РУНОВ Х.
СТИНОВСЬКИЙ В. П.
ШАКОВ В. М.
ШАКОВ П. Б.
ШАКОВ П. П.
ХАЇТОВ Х.
ХАКІМОВ Х.
ХАЛІВЗІН А. М.
ХАЛІЛОВ А. А.
ХАНЭАТЬЯН А.
ХАРІВОВ М.
ХАСІМОВ Д.
ХАТАМОВ К.
ХОДАС М. Я.
ХОЦИРОВ Ш.
ХОМЕНКО С.
ХОРИСОВ Г.
ХОТІНЦЕВ І.
ХОШЕВ М.
ХУДАЙБЕРД
ХУДАБЕРДІ

деревню, какой полк сдерживал контратаку врага на подступах к Чернигову, какой медсанбат дислоцировался, скажем, в Нежине в октябре 43-го. Три года! А он только начинал, только подступал к основному поиску.

Драгунов проводил в подольском архиве каждый отпуск. Но вскоре почувствовал, что «свободного» времени мало, и попросил освободить его от работы в военкомате. Распорядок дня у него выработался почти армейский: подъем в 6 утра, до вечера работа в архиве, потом анализ проделанного за день. Странная вещь, у него перестало болеть сердце, которое беспокоило последние годы. Может быть, потому, что работа подчинила целиком все его физические и духовные силы, не оставляя времени даже на то, чтобы прислушаться к себе.

Установив номера войсковых частей, Драгунов взялся за изучение их исторических формуляров, особенно внимательно вчитываясь в те страницы, где речь шла о периоде боев за Черниговщину. Многие дали ему журналы боевых действий, политдонесения, так называемые списки безвозвратных потерь.

Как-то он пошел на эксперимент: выписал сто фамилий воинов только одной части, павших в боях за освобождение одного из районов области. Вернулся в Чернигов и сравнил свой список с тем, что хранился в военкомате. Результат ошеломил: из ста фамилий в списках военкомата значилось меньше тридцати. Это еще раз подтвердило его догадку, что для полного восстановления списков погибших нужны годы...

Какую-то часть работы Владимир Денисович обязан был передоверить другим, хотя бы сверку имен на местах и составление картотеки. Он идет в обком комсомола, там понимают его с полуслова, на помощь Драгунову приходят студенты пединститута и музыкального училища.

Скупые строки приказов, донесений, формуляров раскрывают события далеких военных лет. Вчитываясь в документы, листая подшивки дивизионков, Драгунов словно вновь проделывает путь на запад вместе с пехотными и танковыми полками, артиллерийскими батареями, разведротами. Командиры и комиссары, сержанты и рядовые встают перед ним живые, из плоти и крови, пропахшие пороховой гарью, с почерневшими от усталости лицами, в просоленных потом гимнастерках.

Так были выписаны восемнадцать тысяч имен тех, кто погиб на Черниговщине. И все, что удалось узнать об этих людях из архивных документов (год и место призыва, обстоятельства смерти и место захоронения), было занесено в двадцать поистине бесценных общих тетрадей.

Теперь все 18 тысяч фамилий надо было еще раз сверить с имеющимися в военкоматах списками.

Но результат не мог уже удивить его, по опыту он знал, что списки неполны, а многие фамилии нуждаются в уточнении. После сверки оказалось, что из 18 тысяч фамилий воинов, погибших на Черниговщине, в списках значатся немногим больше 10 тысяч. Для дальнейшей работы требовалось создать картотеку.

Просматривая эти небольшие, в ладонь величиной карточки, я обратил внимание, что заполнены они различными почерками, но обязательно чисто и аккуратно. Владимир Денисович объяснил, что карточки — дело рук студентов, которые помогали ему. Каждый вечер они приходили к нему домой и работали. Работали более чем добросовестно, осознавая всю значимость дела. Не могла оставить никого из окружающих равнодушными и страсть, с которой трудился сам Драгунов.

Я ощутил это на себе, проведя несколько дней с Владимиром Денисовичем. Какое огромное терпение и трудолюбие нужны, чтобы вот так, из месяца

в месяц, из года в год каждый день садиться за стол и писать до онемения руки, анализировать, читать документы, сопоставлять факты. Заходить в тупик, ошибаться, но не отчаиваться. Какая высокая человеческая щедрость!

Драгунов расходовал на многие поездки, на переписку, оформление документов личные средства, ему не позволяла гордость выпрашивать командировки в областных организациях. Да и не просто направить человека за пределы области на длительный срок. Надо признать, что не везде находил Драгунов поддержку. Иные были склонны усматривать в его деятельности какие-то скрытые мотивы, не желая поверить в человеческие искренность и бескорыстие. Иные просто не понимали, зачем понадобилось воскрешать имена людей, давно ушедших: они не видели разницы между безымянными обелисками, могилами и поименным списком павших воинов. Дважды к таким людям Драгунов не обращался.

Горячее участие в работе приняла заместитель председателя облисполкома Валентина Даниловна Проникина. Узнав о затруднениях Драгунова с помещением (к тому времени архив и картотека уже вытесняли хозяина из квартиры), добились, чтобы Владимиру Денисовичу выделили кабинет в облвоенкомате.

Продолжением дела областного штаба «Поиск» (так называли небольшой коллектив единомышленников, возглавляемый Владимиром Денисовичем) стали поездки в села, которые фигурировали в архивных документах как места братских захоронений. Надо было уточнять, существуют ли могилы как таковые, куда и когда перезахоронены останки воинов из одиночных могил и так далее. Долгая, крайне трудная работа, потребовавшая от Драгунова и его помощников новых сил. Большую часть ее он проделал сам.

Сел в области — сотни, почти в каждом есть одна, а то и несколько братских могил. Вот и считайте, сколько нужно времени, чтобы объехать их все. И не просто объехать, а поговорить со старожилами, побывать в сельсоветах, рассказать местным школьникам, ведущим поисковую работу, как следует ее организовать. В тряских рейсовых автобусах, на попутных машинах колесил Драгунов из района в район, помечая на карте условными значками места захоронений, заброшенные могилы, обелиски, памятники, которые нуждаются в реставрации.

Порой увиденное заставляло его откладывать текущие дела и садиться за составление документов очень нелюбимого им жанра. Назывались они справками и начинались приблизительно так: «В течение октября месяца мною проведена проверка состояния братских и одиночных могил, размещенных на территории Черниговского района... По существу дела сообщать следующее...»

Более пяти тысяч запросов отправил Драгунов в военные комиссариаты страны с просьбой сообщить данные о павших воинах. Не всегда он получал исчерпывающие ответы, особенно на вопрос о том, известны ли родственникам места захоронения их близких. Непросто оказалось найти в человеческом море и самих родных тех, кто погиб четыре десятилетия назад.

Словом, если коротко подводить итоги первого этапа обширной переписки Драгунова, то они были не очень утешительными. На местах подтвердили получение извещений о смерти всего трех тысяч воинов, тысяча из восьми считались на их родине без вести пропавшими, об остальных военкоматы данными не располагали. Зато как обрадовался Драгунов, узнав, что 82 человека, числившихся по архивным данным погибшими, живы! Но список мертвых стал лишь немногим короче...

Первым долгом Драгунов считал необ-

ходимым разыскать семьи воинов, считавшихся пропавшими без вести. Он понимал, как по-человечески трудно этим людям десятилетиями мучиться догадками о судьбе своих близких. Неизвестность — худшая из вестей.

Тысяча имен, нескончаемая вереница поисков, бессонных ночей, телефонных звонков, писем, телеграмм, поездок, печальных и радостных встреч...

...Козероги — небольшое село, по которому дважды прокатилась война. В 1941-м она была особенно безжалостна. Из разных источников до Драгунова дошли сведения, что возле села летом 1941 года захоронена группа советских воинов, среди которых командир и комиссар 215-й моторизованной дивизии. Однако документально это не было нигде подтверждено, и сорок с лишним лет комдив Павлин Андреевич Барабанов и полковой комиссар Алексей Георгиевич Родионов числились пропавшими без вести. Драгунов же нашел бывшего помощника начальника политотдела дивизии по комсомолу Алексея Николаевича Сергеенко, который присутствовал при захоронении комдива, комиссара и других воинов.

Сергеенко рассказал, как комдив и комиссар были убиты в бою осколками разорвавшейся возле них мины, как тела их везли на грузовой машине, чтобы похоронить с воинскими почестями. Но враг был со всех сторон, хоронить павших пришлось второпях, ночью, тайно. Вспомнил Сергеенко и место и то, что сверху на брезент, которым были накрыты тела, положили винтовку с примкнутым штыком.

Ранним утром вблизи села Козероги у Андреевского леса под руководством Драгунова начали рыть контрольные траншеи. Не прошло и получаса, как была найдена та самая винтовка, а затем — останки погибших командиров и бойцов, их личные вещи. Из тринадцати человек, похороненных у села, удалось установить имена семи. В том числе Барабанова и Родионова. Останки воинов были перенесены в братскую могилу в селе. В память о героях был дан салют из трех залпов. Вскоре приказом начальника главного управления кадров Министерства обороны СССР Барабанов, Родионов и их товарищи были вычеркнуты из списков пропавших без вести и внесены в списки погибших.

Оставалась не менее ответственная часть работы — поиск родных. Драгунов начал с близких Барабанова. Искал через бывшего начштаба дивизии, для чего ездил в Липецк, искал в Новосибирске, откуда уходил на фронт комдив, в Волгограде, куда потом переехала его жена. Он опоздал на несколько месяцев, жена Барабанова умерла, не дождавшись сообщения о судьбе мужа. Зато Драгунову удалось установить, что остались сын и дочь комдива. Сын служил в армии, дочь жила в Белгородской области. Они встретились дома у Драгунова. Но это было позже. А прежде Владимир Денисович с помощью командования разыскал адрес капитана Олега Павловича Барабанова. Из Чернигова он заказал телефонный разговор с далеким среднеазиатским гарнизоном.

Слышимость была неважная. Но расстояние в несколько тысяч километров не смогло заглушить рыдания взрослого человека, офицера, которому в те минуты вернули память об отце...

А потом в своей квартире в Чернигове собрал Владимир Денисович ветеранов 215-й моторизованной дивизии вместе с их семьями. Кого мог. Накрыв стол и сел в угол, безмерно счастливый и гордый тем, что довел дело до конца и свел наконец вместе людей, не видевшихся друг с другом четыре десятилетия...

О Драгунове писали в газетах, о его поисках рассказывали по радио и республиканскому телевидению. Он получал сотни писем с одной и той же

просьбой — помочь установить место и обстоятельства гибели мужа, брата, сына. Порой, не разобравшись, от него ждали ответа о судьбе солдат, павших под Смоленском, Брянском, Курском, Варшавой. Но мог ли человек, взявшийся на себя и без того непосильную ношу, помочь всем?! Зона его, если можно так выразиться, осведомленности не выходила за пределы Черниговской области. Но разве это не наводит на мысль, что система поиска, отработанная Драгуновым, должна быть создана, пока это не поздно, в других областях и районах? Что тысячи и тысячи неизвестных солдат, чей прах покоится в земле от Подмосковья до западных рубежей, ждут своего Драгунова, своего исследователя, терпеливого, упорного, бескорыстного. Поисковые отряды юных следопытов, конечно же, делают многое в этом направлении. Но при всем их энтузиазме они лишены возможности в полной мере работать с военными архивами, а ведь без этого невозможно вести поиск целенаправленно и эффективно.

Драгунов — реалист. Он не строит воздушных замков, но считает, что ему и его единомышленникам под силу вернуть из неизвестности всех, да, именно всех павших в боях с врагом воинов Великой Отечественной. Для этого нужно объединить усилия и опыт разобщенных между собой исследователей, создать центральный орган, координирующий поисковую работу в масштабе страны. Это не так уж просто, но, по его мнению, необходимо. Огромную помощь, подчеркивает Драгунов, может оказать телевидение.

Есть в письменном лексиконе Драгунова фраза, которую он вынужден употреблять в переписке с людьми, подводя ей итог каждому поиску. Жесткая фраза: «На этом считаю свою работу законченной, связь с Вами прекращаю». Ему катастрофически не хватает времени поддерживать человеческие контакты с людьми, не имеющими теперь уже отношения к очередному поиску. Но как не просто оборвать им, этим людям, связь с человеком, сделавшим для них так много! И письма, несмотря на сакраментальное «связь прекращаю», продолжают приходить. Он отвечает, оставив письмо без ответа не в его правилах.

В этом рассказе не нашлось места для очень многого, что узнал я о Драгунове. Не нашлось места и для повествования об интересной практике военно-патриотического воспитания молодежи области. В большой мере деятельность Драгунова опирается на эту практику, находит в ней поддержку. Но думаю, что опыт черниговцев, создавших цельную, глубоко продуманную систему воспитания юных патриотов, — тема отдельного рассказа. Здесь же главным действующим лицом пусть остается Владимир Денисович Драгунов, вполне этого заслуживший. У него на столе я нашел письмо, которое привожу полностью:

«Уважаемый Владимир Денисович! К Вам посоветовали обратиться люди. Пишет Вам житель села Браница Ющенко Анатолий Андреевич. Я работаю в Коляжинском лесничестве лесником. Мне 30 лет, и войны я не видел... Рядом с лесничеством есть братская могила, в которой похоронены наши воины. Помню, что здесь раньше стоял деревянный памятник с красной звездой и были имена погибших. Теперь стоит новый с надписью «неизвестному солдату». Так и лежат в земле люди, которые защищали нашу землю, а мы про них ничего не знаем, фамилии похороненных солдат стерлись. Помогите восстановить их имена. Мы их высечем на плите. Может, найдутся родные и придут на могилу мужа, отца, деда...»

Горькое письмо. Честное. Кто виноват, что стерлись надписи на братской могиле? Время? Мы сами? Как бы там ни было, наш долг восстановить эти имена, высечь их на плите, на плитах, на стелах, на обелисках.

СЮЖЕТ ДЛЯ БЕГОВОЙ ДОРОЖКИ

РАССКАЗ

А к чему мне это знать? Совершенно ни к чему. Зачем копать на полный штык лопаты, если с дихвой хватит полштыка? Героиня картины по сценарию, мною написанному, полудлежит на койке, даже не сняв кроссовок. Это несвойственно ей, чистюле, и, значит, она не в себе. Она обхватила ладонями угловатые плечи, мускул на мускуле. Она мне жалуется на героя картины. Герой, атлет и красавец — ржаные патлы были до плеч, но подстригся, очень хочет сниматься, — только что наговорил ей такого, чего как раз и незачем мне было слышать и знать.

Мне надо ровно столько, чтобы хватило на бодрую, оптимистичную и поучительную документальную ленту о творческом союзе между бывшей чемпионкой, ставшей тренером, и ее учеником, будущим чемпионом — привет, распишитесь в ведомости. И режиссеру другого не надо, режиссер гуляет по лесу: тишь, синь, распахнутая серебристая паутина, рыжая роша, благодать, бабье лето. И оператору другого не надо, он на рынок пошел: яблоки дешевы, супруга наказала взять, сколько войдет в «рафик». Оператору нужно не упустить этих ясных дней, этих добела выгоревших и как бы морщинистых скамеек маленького стадиона: сезон окончен, но все впереди, возьмем еще стартинг, еще дублик, а потом улыбнемся и помечтаем... В темпе, пока не задождало.

— Слышал? — восклицает героиня. — Нет, ты что-нибудь подобное слышал? Предпочел бы «вы слышали». Но у нее такой стиль — нараспашку. Грубоватый такой наив. В пору, когда она установила первый из дюжины своих мировых рекордов и мы не были знакомы, просто я с блокнотом в руке ждал конца ее тренировки, она помахала мне с дорожки: «Я скоро!» Явилась, пригарцовывая, слепя нестерпимо оранжевым костюмом. «Вы уверены, что я к вам?» — «А к кому же — сюда только ко мне ходят».

Накануне ее тренер, старый лысый человек, говорил: «Это вы правильный вопрос поставили: чем она бежит? Только я ответить на него не могу. Бежать ей фактически нечем. Это же каторжная дистанция — четыреста метров, да десять барьеров, да каждый атакуй. Тут дыхание нужно, грудная клетка, как у танка, а у нее, как у куренка. Почему Надежда выигрывает? Потому что хочет». «Выходит, другие... — я спросил, — не хотят?» «Хотят, конечно. Но как она, никто».

Она возникла из полной безвестности. Она вела жизнь добровольной каторжницы, и жизнь вознаградила ее тогда, когда ее ровесницы давно походили с дорожки. Что и поражало. О чем я и писал в ту пору.

Она же была со мной откровенна, почитая вполне естественной свою неумную жажду славы. «Моя мама лестницу мыла в нашем доме по ночам. Блочный дом, восьмь этажей. Когда я увижу, кто грязный след оставил, убить готова... Я баки с пищевыми отходами выносила. Мы — Кусочниковы, может, какая-нибудь наша прабабка куски собирала. Муж велел: «Меняй фамилию». Да ни за что! Я свою возвеличить хотела. Ну, возвеличила, а дальше? Оказывается, мало. Мало мне, понимаешь? Я бегать хочу, я ненасытная».

Повадилась звонить мне за полночь. «Твоя Галатея», — ворчала спросонок жена. Ревновать к милому чудицу даже в голову не приходило складенькой, ирониченькой Лине. Снял трубку, я узнавал, что Надежда опять собирается бить рекорд, или что не побила, но чисто случайно, или что снова намерена развиться, благоверный заявил: «Все, дом должен быть домом».

А если она долго не подавала вестей, значит, лежала в институте травматологии. Настрадавшиеся ноги все чаще отказывались терпеть каторгу.

Прошло еще какое-то время. Защитив — с блеском, надо сказать, — диплом высшей школы тренеров, Надежда Федоровна Кусочникова уехала работать на родину, на Волгу. Поднимать тамошнюю легкую атлетику. Об этом вскользь промелькнуло в печати. Сообщение, что, оставляя мужу московскую квартиру, хулиганка швырнула ему в лицо ключи и пришлось накладывать шов на лбу, естественно, не промелькнуло. Это я узнал из ее письма.

Она сообщала также, что в городе открылся филиал столичного физкультурного вуза и у нее подобрался контингент — золотые девочки. Далее строчки делались все крупнее и размашистее и косо лезли в горку: я-де могу считать ее душой и идеалисткой, но она верит, что ее век на дорожке не окончен, в ней еще дремлют силы богатырские и она регулярно обгоняет этих «золотых девочек». А для Шурика — тут впервые мелькнуло имя «Шурик», прежнего мужа звали Константином — она выбивает отдельную комнату в общежитии.

Кто такой Александр Загуменных, сейчас знают все. И что родился в сельце Чижки на великой сибирской реке. Что в школу за десять километров бегал бегом, прихватывая зимой дубинку от волков. Что пока на великой реке не построили столь же великую ГЭС, электричество было только, где школа — на центральной усадьбе. И он, когда в сельце не завозили керосина, примостясь снаружи у освещенного окна правления, учил стихи. Попав же впервые на Красную площадь (это уже перед Олимпиадой), в душевном порыве читал шепотом: «Москва, Москва, люблю тебя, как сын...»

Он, как и Надя, явился из безвестности. Только могучный, литой, кузнечные мехи вместо легких. И не робкий, нет — весело готовый взять свое. Взял бы, где захотел: в штанге, в футболе, в марафоне. Почему он выбрал ювелирное дело — барьерное. — трудно сказать. Поначалу потешал специалистов: несся по

кругу несусветными скачками, а перед барьером тормозил и сигналы почти с места, с разбойничьим гиканьем. Но как бы то ни было, среди однолетков-юниоров равных ему тогда на пол-России не было.

О нем заговорили, стали писать. Равно как и о том, что работает с ним такая колоритная личность, как Надежда Кусочникова. Это и стало прологом событий, о которых я хочу рассказать. Собственно, непосредственный пролог включает в себя разношерстное застолье, в ходе которого режиссер буквально обсел меня своими полутора центнерами веса и обаяния, объяснил, какой я замечательный, как дорого ему мое неизменное желание вгрызаться в жизнь. Я поверил, что я замечательный, и согласился.

Итак, она спрашивает, слышал ли я что-нибудь подобное. А что я слышал? Что у добра молодца ветровка порвалась, а новой не выдают. Что Надежда ему отдельную комнату обещала, а не достала. Что зачет по педагогике она с ним не готовила...

...— Считаешь, все я должна для тебя делать? — вопрошала она, пылая глазами в половину лица и зубастым ртом, занимавшим вторую его половину. — Все я, да?

— А кто же?

— Ну, ты наглец...

Шурик шевельнул щеками в безмятежнейшей ухмылке:

— А что, так все тренеры делают. Только они сами не бегают.

Мне показалось, что соломенные волосенки ее мальчишеского ежика встали дыбом, как наэлектризованные.

— Обделяю тебя?

Он остался невозмутим. Ленивый такой, великолепный.

— И меня. И себя. Надо как? Це-ле-направленно. А у тебя — ты сама, да Галка, да Машка, да Танька. Вон Анитка приехала. Вправду, что нитка-Анитка ходит за

Рисунок Натальи СЕДУЛИНОЙ

тобой, как за иголкой, а ты: тью-тью-тью, сю-сю-сю. Какая кулема тебя ни попросит, ты и берешь, добрая душа. Чо, нет?

— Значит, группу разгони, сама бегать перестань, тебе одному все подай?

— Это, — он развел руками с легким, даже галантным полупоклоном, — не нам решать, не рядовому составу. Это вам, Надежда Федоровна, решать. Только вот что... — И «вот что» прозвучало без вызова и подначки, без «чоканья» чалдонского, нарочитого. — Кардиограмму надо тебе снять. Срочно. А то довела себя.

— Не хочет, чтобы ты бегала? — спросил я, когда он удалился.

— Мало что он хочет. Ты мою Аниту видел?

Анита приехала из Эстонии. Там, полагаю, тоже было у кого учиться бегать, но она хотела именно у Надежды Федоровны. А чего хотела, того добивалась, миловидная совушка в дымчатых очках, отличница, упорная по-прибалтийски. Ноги у нее росли, как говорится, из подмышек, прямые золотистые волосы простирались до поясницы, на бегу же подошли на реактивную струю. Говорила высоко и распевно, вытягивая гласные и приглушая согласные, но больше молчала, стеснялась. В первый по поступлении день очень рассердилась на старшкурника, который лез в буфет без очереди, и сказала: «Вы похаб», — имея в виду «нахал». Это вошло в капустники, в институтский фольклор.

Режим, как я понял, Надежда Федоровна устроила себе адский. Институт в большинстве отбыл «на картошку», она же добилась права готовить группу, как выражался Шурик, «целенаправленно» — к зимнему Кубку республики. Она вставала до света, тренировалась одна, потом с подопечными, потом отдельно с ним, а в сумерки снова себе самой учиняла кросс по лесным тропам до седьмого этажа. И всюду за ней — впрямь как нитка за иголкой — тянулась верная Анита. Так что Аниту я оценил.

— Ну, и что же Шурик хочет? — спросил я.

— Не поверишь. Женился на мне. Восемнадцать лет дуболому, а мне?

— Хорош, — сказал я. — Это чтобы у тебя никаких других дел, никаких забот, кроме его дел и забот?

— Говорит — любит, — промолвила она так печально и растерянно, как ни разу я от нее не слышал, как вообще не было свойственно Наде Кусочниковой.

— Ну?

— Баранки гну. Верю. И разрываюсь на части. Хочешь, мои графики покажу? Там подсчитано: сейчас у меня идет функциональный подъем — отлогий, к зиме выйду на платформу, к весне дам резкий пик... А тут он... А тут Анитка... Но он же дурачок, он не понимает: «Прогони Анитку, ты растрачиваешься». А я иначе не могу. И я знаю, я точно знаю, меня на все, на всех хватит!

С утра намечалась первая съемка. Туман взмыл разом, точно занавес, и декорации предстали, как по заказу нашего оператора: за трибуной пестрый, хотя еще крепкий, не облетевший лес, а над ним нежное, усталое по осени, но без единого облачка небо.

Надежда вела разминку группы. Только она одна умела такое затеять. Поделила девач на две команды, бросила им пудовый кожаный медицинбол и старилась в отчаянной потасовке за него. И конечно, сама полезла в самую свалку. Они хохотали до визга и свирепели всерьез, и обливались потом, и пар от них валил.

Шурик, естественно, опоздал: любил поспать. Посидел на заборе, пошвыстел, а к концу не выдержал, втиснулся глыбой в живой клубок, извлек из него свою наставницу, обессиленную до полусмерти, и легко, в охапке, вынес из этого содома.

Подкатил студийный «рафик», кинолюбов углубился в кинохлопоты, самые, разумеется, важные на свете, Надия же подопечные принялись охорашиваться и заранее волноваться.

Мы решили начать с центрального эпизода. Согласно написанному мною сценарию, одобренному и завизированному, эпизод был такой: Надежда Федоровна раз, другой и третий давала Александру Загуменным старт и все оставалась недовольна. И сбрасывала костюм и сама выходила с ним на дорожку. Я ничего не придумал, так чаще всего и случалось. Только вот чем это должно было кончиться, мы не знали. Снять надо было, как говорится, по жизни.

Надя отложила секундомер, оправила пеструю, лучшую свою маечку, подтянула красивые голфы. До чего ей хотелось, я понимал, чтобы вся страна увидела, как быстро умеет она еще бегать и ловко, ладно атаковать барьеры. Нетерпеливо попрыгивал на старте Шурик.

И тут режиссер скомандовал: «Стоп». Скомандовал всем: «Отдохните». Обнял меня за плечи, повел в лес погулять.

Он был добрый, мой режиссер. Добрый, ласковый, деликатный, с густой седою челкой, которую сейчас теребил и ерошил.

— Стари-ик, — говорил он низким теплым голосом, — старичок, я вот думал всю ночь... Ты только правильно пойми. Надежда Федоровна — прелесть. Ну, чудо. Она мне глубоко симпатична. Но понимаешь, не вяжется. Не склеивается. Не монтируется. Я хочу, знаешь, гармонии. Мы же оба с тобой хотим гармонии. Хотим показать красоту спорта. Пусть Надежда Федоровна... только ты правильно пойми... Пусть как сидела на трибуне, так и сидит. Мы покажем ее лицо. Крупняком. Страсть! И раздумье! А бежит с ним пускай... ну, эта, в очках. Только пусть без очков. Это будет живой барьер. Это будет эмблема. Юноша и девушка. Символ молодости. Ты согласен со мной, старичок? Нет, ты только скажи, ты согласен? Ты на меня не сердись? Нет? Нет?

Режиссер — хозяин картины. И они сняли живой барьер. Летел к финишу, несколько придерживая (по просьбе режиссера) шаг, прекрасный Шурик. Летела с ним рядом Анита, летела за ней ее прекрасные волосы. Летел по обочине, непостижимым образом героически ведя безмускульными руками тяжеленную камеру, астматик-оператор.

А потом режиссер — весь вдохновение — попросил этих двоих, еще не отдышавшись, посмотреть друг другу в глаза.

А потом, когда отдышались, — уйти рядом, плечом к плечу, вдаль. Такая его осенила идея. И оператор запечатлел со спины две стройные фигуры: одна — вся мощь, другая — вся хрупкость. Шурик, войдя, похоже, полностью в роль, даже обнял Аниту, но она отстранилась слегка и просто сплела его пальцы со своими.

Режиссер, наслаждаясь, мотал челкой, похожий на першерона, мучимого слепными.

Оператор, совсем запаленный, успел сделать и крупный план Надежды Федоровны Кусочниковой, сидевшей на трибуне. Только ни раздумья не получилось, ни страсти. Ровное было лицо. Равнодушное. Каменное.

Вечером состоялась «тарелка». Так, я узнал, называют кинематографисты праздником начала работы, когда на удачу будущей картины разбивают тарелку, а потом по этому случаю пируют.

Пировать было решено по соседству с базой, в домике Валентины Степановны, одинокой старухи. Она подрабатывала тем, что стирала и готовила для Надиной группы, у нее же поселили нас. Когда она ложилась, когда вставала, мы не видели. Без устали шаркала низкими опухшими ногами и помалкивала. Разве что предложит, едва разжав губы, стыдясь беззубости: «Может, кашки черной

хотите?» (Ее «черная» — гречневая размазня — таяла во рту) или «чайку подать ли?».

Все приготовления к «тарелке» достались ей да нам, мужчинам. Свой выводок Надя повела в парную, по режиму сегодня был их банный день. Мы же по предложению Шурика затеяли пельмени. Порывались было лепить всем коллективно, но только подвзвал Шурик бабкин фартук, сел за стол, расставя прочно локти, и взял вилку, чтобы мясо цеплять, мы поняли: больше никому у стола делать нечего.

Дело шло так, что залобуешься. Не дело — игра, озорные фокусы. На три счета: раз — точно на глазок отмеренная доза фарша ложится на тесто, два — стиб и узорная каемочка, три — ушко к ушку, конвертиком. Подавай, баба Валя, заготовки, обеспечивай фронт работ.

Мелькали в руках у старухи скалка и тонкий стакан для нарезки кругляшей. Режиссер был откомандирован одалживать у всех соседней кухонные доски и подносы для укладывания готовой продукции, я посыпал их мукой. Оператор курил на веранде, и сердце его, должно быть, обливалось кровью от того, что в горнице мало света, что не может он запечатлеть нашего героя во всей многогранности его натуры.

Словом, когда девичьи вернулись из бани, они только руками всплеснули: неужели все это предстоит съесть? «Это чо, — усмехнулся Шурик с горделивой снисходительностью, — у нас в Чижках, если по две сотни на рот не выходит, и за стол не садятся».

Девичьи пришли густо-розовые, под капюшонами ветровок повязаны белые платочки до бровей: доярки, скотницы, деревенские богородицы. Режиссер просто ахнул и едва не прослезился на такую милоту. И уж первая порция томилась, исходя паром, посередине стола, и сверкала бутылка шампанского, заранее приобретенная шофером «рафика» вместе с новенькой ритуальной тарелкой.

— Баба Валя! — воскликнула Надежда с видимым возмущением. — Что ж ты, старая, травничку своего пожалела, скупердяйка?

— Да господи, да Наденька, я так считала — режим... — засуетилась старуха.

— Режим режимом, а что царь Петр говорил? «После бани кафтан заложи, а выпей!»

Принесла бабка свой графинчик.

— Внимание! — Режиссер поднялся во весь саженьный рост. — Тарелка!

И грохнула новенькая, сверкающая, об пол, разлетелась на мелкие кусочки, и роздал он их всем на память, и завздыхала старуха, что знала бы, свою дала: вон их сколько, треснутых.

В пиру опять развернулся Александр Загуменных. Тут-то впервые возникла, слегка, может быть, приукрашенная его воображением история о стихах, которые он в лютой мороз учил под окном правления, равно как иные — о дубинке, спасшей его, мальчика, от волчьей стаи, о папане, в одиночку бравшем на рогатину матерого медведя-шатуна, и о прочих достоиславных сибирских приключениях.

Крестилась, обмирая, пригубившая травничка Валентина Степановна, ахал режиссер, смотрели, как завороженные, Шурику в рот девичьи. Одна Анита не смотрела. Но как не смотрела! Сидя напротив него, впишись пальчиками в колени, она будто отклонилась, сопротивлялась, но ее клонило к нему. И дрожали запахнутые ресницы, и кровь прилиwała к лицу, когда он ронял на нее властный, озорной взгляд. Нет, право, лучше бы уж глянула Анита — не так бы все казалось выразительно. И посмеивалась Надежда Кусочникова, вертя в стакане шампанского провололочкой от пробки и словно считая нити пузырьков.

— Саша, вы гений! — восклицал режиссер. — Ну, как, ну, кто мне скажет, как мы могли не взять звукооператора? Саша, дайте мне слово, что приедете в Москву — мы вас вызовем — и будем писать синхрон! Надежда Федоровна, можно ему? — И он потянулся одной рукой к шампанскому, другой к травнику.

Однако Шурик решительно отодвинул стакан.

— Ах, Надежда Федоровна! — вновь восхитился режиссер. — Вот это дисциплина, вот это воспитание!

— А мы, кержаки, вообще не по этому делу, — проговорил Александр Загуменных. — Тут было — братан старшой отслужил армию, пришел, ну, гуляем. Папаня достал из подпола четверть, налил вот по столько и назад прибирает. Брат говорит: «Папа, вы что?» А тот: «Разбаловался? Чо, завтра дня не будет?»

— Баба Валя, — сказала Надежда, — а песни петь станем?

Старуха прилегла щекой на ладонь и завела вдруг тонко и важно:

— Окрасился месяц багрянцем, где волны бушуют у скал...

И низко, сдержанно, вторым голосом, как бы накатывая на берег под крепнущим ветром, поддержала ее Надежда:

— Поедем, красота, кататься, давно я тебя поджидал...

Сунулся было вступить и режиссер, но Шурик прижал его лапу к столешнице своей лапшей, надавил изрядно, тот и умолк.

— Кататься я с милым согласна, я волны морские люблю. Дай парусу вольную волю, сама же я сяду к рулю...

Вели-разливались во всю грудь, слушая друг друга, да общий лад, да свои души, баба Валя и Надежда, и пригорюнился мой чувствительный чудак режиссер, и обхватил затылок, устремивши глаза в потолок, расквашивал в такт Шурик, и замерли девушки. Анита же напряглась так сторожко и чутко, что мне подумалось, будто ей не все понятны слова, не весь смысл песни. Но я ошибся. Наоборот, она слышала и понимала больше, чем мы, или ей казалось, что больше. Иначе почему бы, когда было пропето-спрошено, помнил ли изменщик коварный, «как я доверялась тебе», Анита закрывала руками лицо?

И почему, когда песня кончилась, она встала из-за стола и спросила: «Тренер, возможно ли, чтобы я пошла к себе — я несколько устала?»

Прошло время, картина была отснята, смонтирована, показана художественному совету и одобрена им. Получилось не то, что хотел я, но то, что — режиссер, однако меня это уже перестало волновать, ибо у экрана были свои законы, которых я не знал и узнавать особенно не намеревался.

А в середине зимы Надежда Федоровна прислала письмо. Среди множества новостей, выраженных не только словесно, но и цифрами — «золотые девчата» бегали все лучше, и Шурик — молодцом, а она, Надя, планомерно набирала форму, — я узнал огорчительную: Анита уехала домой. Надя писала об этом кратко и суховато: да глупышка по уши влюбилась в Шурика, и ей показалось, что она может помешать их взаимному — с нею, Надей Кусочниковой, — счастьем. «Благородная девочка, — писала Надя, — совестливая, только без царя в голове. Жаль, если бегать перестанет: все-таки талант».

Я представил себе их разговор на заснеженном сквере под деревьями, опущенные ветви которых редко роняют на шапки, на плечи двух женщин радужную пыльцу. Я услышал в воображении мелодичный голос Аниты: «Тренер, если вам будет боль, то мне будет боль еще больше. Если же мне одной будет сейчас боль, это правильно и проходимо». Я подумал почему-то, что Надя

молчит, кивает и усмехается. Тому, я подумал, она усмехается, что Шурик оказался хитрее, чем она о нем полагала: не мытьем, так катаньем добился все же своего — отшил самую способную из Надиной группы. Теперь, значит, максимум ее внимания — ему одному, потому что, он понимает, только на него всерьез и по большому счету должна делать ставку Надежда. Как же, думает она, целеустремлен Шурик и как эгоистичен: влюбил в себя хорошую девочку, решил, что она, Надя, обязательно приревнует, не по летам зорко предвидел последствия каждого хода. А может быть, думает Надя, вовсе он и не хитрил, никакой не «изменщик коварный», и все вышло само собой. Может, просто он дал понять Аните, что любит другую. Ее любит, Надежду Федоровну. Ей, думает Надя, это ни к чему. Бесплезно, поздно. Но хочется, чтобы было так.

Мне казалось, что напоследок Надежда Федоровна надаст Аните тренировочных заданий на год как минимум вперед и велит все аккуратно записать. И Анита, придя в общежитие, запишет. А может, не запишет.

К добру или к худу, спрашивал я себя, что Анита вернется в свой Таллин, где высьтис над крепостным валом — «длинный Герман» по соседству с «толстой Бертой», где по брусчатке Старого города нескончаемо шелестят шаги туристов и за столиками уютных крохотных кафе мелодично переговариваются, словно напевают, девочки в двучетных студенческих фуражечках, с такими же, как у нее, прелестными волосами? К добру или к худу, что она возвратится в серый двухэтажный особнячок с розарием под окнами и сауной в глубине двора, к добрым, воспитанным, словно накрахмаленным родителям, и через недолгое, надо надеяться, время сюда зачастит какой-нибудь кроткий, обстоятельный, хозяйственный гулливер? Ну, не станет чемпионкой наша Анита, сохранит колени и связки в целости, не славу узнает, такую изменчивую, но прочный покой. Громкая судьба Кусочниковой, разве она счастливей? «В такую шальную погоду нельзя доверяться волнам». Нельзя или можно — как знать?

Увиделись мы с Надеждой только в начале лета в Москве. Она позвонила, сообщила гордо, что побила на днях областной рекорд. Это бывшая-то мировая рекордсменка! Но само слово «рекорд» было для нее магическим. А также еще сообщила, что бежит на мемориале Знаменских в финале, и коль не приду в Лужники поболеть за нее, то какой же я друг?

Над стадионом повисла мелкая, мерзкая дождевая хмарь. Давно замечено: если у нас в столице большая легкая атлетика, погода уж непременно такая, что хуже не придумаешь. Даже верушки осветительных мачт заволокло серостью. Трибуны, конечно, пустовали, только на одной их стороне ютились под зонтиками малочисленные репортеры, на другой — под самым козырьком — укутанные кто во что свободные участники.

Я попал к самому старту, к выстрелу. Надежда — увидел издали — сразу шустро сунулась вперед, шаг ее был широк, она яростно, воинственно стригла барьер за барьером. Так продолжалось до поворота, а потом молодые, крепконогие накатили всей стаей, и барьеру к девятому показало, что она просто остановилась, зависла над ним. На последней прямой она сопротивлялась уже без сил, одним характером — судорожно, спотыкиливо. Но закончила все же шестой. И побрела, поникшая, свесив руки почти до коленей.

Потом я нашел ее под козырьком. Нашел, как ни странно, веселую. Она подставила мне щеку, оттянув с нее капюшон. «Все нормально, — сказала. — Подожду к пику формы. Результаты видал? Ведь всесоюзный мой рекорд стоит — сколько лет стоит и не покажется! А знаешь, кто его побьет?» «Кто?» Сумасшедшая выдохнула мне в самое ухо: «Я».

Я спросил, когда стартует Шурик, она ответила, что завтра. И словно чтобы прекратить сразу этот разговор, отвернулась к подругам, таким же «высушенным» бегуньям.

Я было отодвинулся, она вцепилась мне в локоть: «Смотри проводи до гостиницы».

Как и следовало ожидать, не успели отпалить стартовые пистолеты, кончился дождь и даже проклюнулись звезды. «Посидим», — предложила Надежда и плюхнулась на сырую скамейку.

— Ты что, — спросила, — бросил курить?
— Нет.
— Тогда подыми, ладно? Соскучилась по запаху. Думаешь, он вправду такой уж был режимщик? Не часто, но получал от меня за это.
— Подожди, — сказал я, — подожди, Надежда. Почему «был»?
— А потому, что он теперь не у меня. Здесь, в Москве, бегают мой драгоценный. У моего бывшего тренера бегают.
— Ушел?
— Выгнала.

«Господи, — мысленно поразила я, — неужели и им, самим Александром Загуменным, единственным и неповторимым, пожертвовала ты ради своей окаянной и бессмысленной теперь ненасытности?»

— Выгнала, выгнала! Он у ног моих валялся. Вот у этих, у старых ног. А я сказала, что он мне мешает. Как он меня не убил? С кулаками кинулся — ты же видал, какие там кулачищи. Опомился, стал в стены дупить. Но ведь если я что решу...

Глаза ее были сухие. Блестели, огромные, но сухие. Зубищи впелись в губу.
— Понимаешь, когда Анита уехала... И он решил, что кум королю... Конечно, гений. На нашей дистанции главное даже не скорость. Главное ритм, а он у него просто в крови. Понимаешь, его талант — это и его беда. Все запросто, задарма, за копеечки. Мне всю жизнь — за тыщи, а ему — за копеечки. И ведь все равно добился бы многого — знал, что добьется. Только одного не знал: чего добьется, если вот так вот... за глотку... себя схватит.

— Взгляды бы и заставила, — сказал я. — Ты ведь, Надя, тренер ох какой стоящий. Черт тебя возьми совсем, довольно в игрушки-то играть. Помнишь, говорила: «Хочу возвеличить фамилию». Возвеличила, но большего у самой у тебя не будет, не будет! С ним будет. Было бы.

— Не было бы. Совсем уж идиоткой меня не считай. Почему сейчас бегаю? Ничего другого не осталось. Знаешь, как у гадалок: «Чем сердце успокоится». Конечно, не успокаивается. Ты прав — игрушки. Но к Шурику надо было быть такой жестокой... А я не могла. И загубила бы его. Ему этого не понять. Кто знает, может, вправду любил. Сейчас, небось, презирает. Оно и к лучшему. Доказывать придется. Со злости. А тренер мой бывший — о, там такой кремь дедушка! Какой ему и нужен. Нет, не то, не то... Ладно, пойдем. Потихоньку. Ахиллы болят.

Не скоро я ее снова встретил, и снова в Москве. Опять было лето, опять был дождь — затяжной, с пузырьками на лужах. И она — по щиколотку в воде, не щадя шаровар щегольского модного комбинезона — прыгала, ловила такси.

— Слушай, махнем в Таллин!
— Это с чего? — удивился я.
— Бог ты мой, да должна или нет я видеть, как он побегит на Кубок Союза! Вот и вся история.

Алексей МАЛЬЦЕВ

Вновь я вижу
простор луговой —
Волны трав
на разливах широких
И ромашковый пенный прибор
Возле ног, у заросшей дороги.

Кромка леса ясна и близка,
По низинам рыжеет осока.
И цепочкой — кусты лозняка,
Словно легкий дымок
над протокой.

Вот и озеро. Как я любил
Помечтать у него молчаливо.
Только чибис меня позабыл,
Вопрошает встревоженно:
чьи вы?

Мне без этих картин не понять,
Как сплетались
в душе моей нити,
Привязавшие крепко меня
К нашей местности
незнаменитой.

Край мой, чистая юность моя!
Здесь истоки мои и причалы.
Оттого и тянусь к тебе я —
К давней радости,
давней печали...

Нет мудрых истин —
и легких и простых.
Они даются с муками и болью.
И тот, кто правду сущую постиг,
Своей судьбою может быть доволен.

Нет в жизни гладких
и прямых путей,
Чтобы по ним играючи промчаться.
И гладкие пути — совсем не те,
Что напрямик ведут
к воротам счастья.

Но как свой путь
из многих угадать?
Как убедиться в том,
что он не ложный?

Подчас уходят лучшие года,
А мы самих себя понять не можем.
И нам за это некого корить.

Судьбою ведь никто не обездолен,
И каждый должен сам себе открыть
Высокий смысл своей земной юдоли.

Жизнь не щадит тяжелых на подъем,
Она не шутит важными вещами.
Чем меньше мы себя ей отдаем,
Тем меньше и она нам возвращает.
А время мчится —

только пыль столбом!
За ним следят нацеленные дула...
Мир может рухнуть даже не от бомб —
Он рухнет, если перестанем думать.

Следы на земле

Иным деревням повезло,
В них живы древние преданья.
А вот у нашей, как назло,
Следы теряются с годами.

Откуда есть пошла она
Между Коломной и Рязанью?
Когда и кем заселена?
Того не ведают сказанья.

И кто был дальний пращур мой?
Какого племени и роду?
Секрет истории немой,
Как говорится, канул в воду.

Но мне нетрудно угадать
В туманных даях след пропавший:
Творил земную благодать
Смиранный предок-хлебопашец.

И ратник был — наверхняка.
Когда б не он, сердешный, — кто же

В дружине русского полка
Ордынцев бил на речке Воже?

Тут до нее — подать рукой.
И эта маленькая речка
Своей бессмертной строкой
Вошла в историю навечно.

Других следов теперь уж нет.
Но я от прошлого зависим —
Читаю повесть древних лет,
Как будто стопку личных писем.

Моя далекая родня,
О, как близка мне ваша доля!
От вас я сердцем перенял
Любовь-тоску к лесам и долам.

И мне судьбы не изменить
Хотя бы в мыслях беззаботных.
Мой род — он тем и знаменит,
Что на земле своей работник!

ВЕЧЕР НА РЕЙДЕ.

Сложнейшее это хозяйство пребывает в постоянном, ни на одну минуту не прекращающемся движении, бесчисленные слагаемые которого подчинены единой сверхзадаче — принять, выгрузить, погрузить, отправить в рейс.

Чтобы уложить все это в сознании, непосвященному нужна помощь. Зная по опыту, что в комитете комсомола должны работать люди мобильные и хорошо информированные, мы отыскиваем дверь с привычной таблич-

ПРИВЫЧНАЯ СИТУАЦИЯ

Впрочем, для авторов репортажа она таковой не оказалась. Напарник не торопился разворачивать фотографическое свое хозяйство, а пишущий эти строки так и не раскрыл блокнота. Причины тому были, и весьма основательные.

Разобраться в железной логике порта с лета человеку непосвященному невозможно. Не потому, что акватория его протянулась на тридцать два километра по Енисею, а семь десятков кранов пяти грузовых районов обрабатывают сотни судов самых различных типов. И не потому даже, что ни железной дороге, ни авиации, вместе взятым, не по плечу и малая часть работы, которую выполняет в крае Красноярский порт. Дело в том, что

**ШЕДРА НА ТАКИХ ЛЮДЕЙ,
КАК АНАТОЛИЙ БАРАНОВСКИЙ,
ЗЕМЛЯ СИБИРСКАЯ.**

Алексей НИКОЛАЕВ.
Фото
Сергея ВЕТРОВА.
Специальные
корреспонденты «Смены»

НА ПЛЕЧАХ

кой — дверь заперта. На вопрос «Где секретарь?» пробежавший по коридору парень поднимает брови:

— Где же ему быть? На причале, конечно. Навигация. — Последнее слово в его интонации убеждало, что ответ дан исчерпывающий. Он взглянул на часы: — Через семь минут планерка. Там и найдете.

Именно так — не через пять или десять, а через семь, — минута в минуту началась ежедневная планерка. Вел ее заместитель начальника Злобинского района порта Алексей Дударханов. Предельно деловая атмосфера ощу-

щалась даже во внешних деталях обстановки: на полированной поверхности стола лежали только каски присутствующих; привычной кипы бумаг — нарядов, схем, планов загрузки — на нем не было. Телевизионной установки, долженствующей держать в поле зрения начальника все склады, контейнерные площадки, подъездные пути, десятки кранов, погрузчиков и

**КРАНЫ — ГЛАВНЫЙ МУСКУЛ
В ОРГАНИЗМЕ ПОРТА.**

ГЛЯДИ В ОБА!

**ПОРТОВЫМ РАБОЧИМ НАЧИНАЛ
ЗАМЕСТИТЕЛЬ
НАЧАЛЬНИКА РАЙОНА
АЛЕКСЕЙ ДУДАРХАНОВ.**

ЕННИСЕРЯ

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ
ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ
СТИХИ
АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ.
НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ
НЕДАВНО
ПО ПРИГЛАШЕНИЮ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
ПОСЕТИЛИ
НАШУ СТРАНУ И БЫЛИ
ГОСТЯМИ «СМЕНИ».
ПОДБОРКА
ОБЪЕДИНИЛА ПОЭТОВ,
ВО МНОГОМ
ОЧЕНЬ НЕПОХОЖИХ —
ПО СВОЕМУ
ЖИЗНЕННОМУ ОПЫТУ,
ТЕМАТИЧЕСКОМУ
ПРИСТРАСТИЮ,
МАСТЕРСТВУ.
И ВМЕСТЕ С ТЕМ
ПОЭТЕССУ
СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ,
АВТОРА ШИРОКО
ИЗВЕСТНЫХ СБОРНИКОВ
МЭРИ ВИЛЬСОН,
НАУЧНОГО СОТРУДНИКА
КОЛЛЕДЖА,
СОЗДАТЕЛЯ 8 СБОРНИКОВ
ДЭВИДА БЕРНЕТТА,
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
СЕВЕРНОЙ АНГЛИИ
ПИТЕРА МОРТИМЕРА,
КРИСТОФЕРА АНДЕРСОНА,
А ТАКЖЕ
АДРИАНА МИТЧЕЛЛА
(ЕГО СТИХИ
ЕЩЕ НЕ ПЕРЕВОДИЛИСЬ
НА РУССКИЙ) —
ВСЕХ ИХ СТАВИТ
В ОДИН РЯД
ЖИЗНЕННЫЙ ВЗГЛЯД
В ОСНОВЕ КОТОРОГО —
ИДЕИ МИРА, ДРУЖБЫ,
ВЗАИМОПОНИМАНИЯ
МЕЖДУ ЛЮДЬМИ.

Кристофер АНДЕРСОН

Мать-Россия

Березы выпрямились,
как солдаты,
Под резким ветром
дурных вестей.
Вдохнула скорбно
мать-Россия,
Что было слышно планете всей.
Печальный глас ее был тих,
Казалось,
что земля России
Взывала кровью воинов своих,
Надеждами
и бедами своими.
Сквозила горечь в ее словах —
Дурные вести
не были ей новью:
Не раз ее герои-сыновья
От ран смертельных
истекали кровью.
Она поэтому
чуть слышно говорила,
Хоть сердце и рука —
свинцу под стать,
Хоть в ней победная
таилась сила, —
В кулак лишь стоило ей
руку сжать.
К призыву мир
прислушался тому...
Теперь летит над нею
светлый ветер.
Но много бед
еще на белом свете!
Лазурную оберегая гладь,
Как прежде начеку
Россия-мать.

Перевела с английского
Светлана ПРОХОРОВА.

Адриан МИТЧЕЛЛ

Тем, кого это может
интересовать

Я был раздавлен правдой как-то раз.
С тех пор в пути я не смыкаю глаз.
Что ж, в гипс обуйте ноги мне,
Лгать продолжайте про Вьетнам.

Будильник, словно раненый, вопил,
Но мне проснуться не хватало сил.
Что ж, дайте слуху звон монет,
Обуйте гипсом ноги мне,
Лгать продолжайте про Вьетнам.

Я вижу лишь огонь, смежив глаза,
Друзей окаменели адреса.
Что ж, побелите черный цвет,
Обуйте гипсом ноги мне,
Лгать продолжайте про Вьетнам.

Мэри ВИЛЬСОН

Осень

Достигли мы кручи, чтоб видеть, когда
«Силоньена» выйдет на рейд;
Но в море туманно клубится вода,
Маяк на Сент-Агнес — как бред —
Причудлив во мгле лампионов огонь,
Гарцует, как будто разнузданный конь
Из полузабытых легенд.

На блеклом кусте — паутины парча,
Мерцающая от росы;
Замедленно кружатся чайки, крича,
Как будто под гнетом грозы;

Я чую жар, не мой ли ум горит?
«У нас цветы да жвачка — не иприт!»
Что ж, дайте с перцем мне обед
И побелите черный цвет,
А слуху дайте звон монет,
Обуйте гипсом ноги мне,
Лгать продолжайте про Вьетнам.

Где были вы, когда сгущалось зло?
Вас на попойках гнусных развезло.
Где ж, виски мой свяжите бред,
Приправьте перцем мой обед,
И побелите черный цвет,
А слуху дайте звон монет,
Обуйте гипсом ноги мне,
Лгать продолжайте про Вьетнам.

Изгнали совесть вы, войне открыли путь,
Вы извратили человеческую суть.
Что ж, шлите мне кордебалет,
Что ж, виски мой свяжите бред,
Приправьте перцем мой обед,
И побелите черный цвет,
А слуху дайте звон монет,
Обуйте гипсом ноги мне,
Лгать продолжайте про Вьетнам.

тысячу метров причалов, в кабине тоже не было. Все это держал Дударханов в голове. И дело здесь, конечно, не только в памяти.

План дня предельно четок, хотя и состоит из множества операций, почти всегда взаимосвязанных. Но, кроме текущих заданий, за смену нужно загрузить судно пятидесятитонными думпкарами для Норильского комбината. Работа неординарная. Как, впрочем, и погрузка трансформаторов и еще десятка негабаритных агрегатов. Всякий раз для подобного груза приходится разрабатывать практически новую технологию. Ситуация в этом смысле меняется каждый день, и потому вполне уместен вопрос: «Возможно ли всегда быть готовым к новому, часто совсем незнакомому грузу?»

Дударханов: «Психологически, — он подчеркивает это, — должны быть готовы к любому грузу. Остальное — дело техники».

Техника техникой, конечно, но, видно, здесь это привычная ситуация.

С технологией погрузки думпкаров покончили быстро. Пока это главная забота дня. Но говорили и о «мелочах» (беру в кавычки, потому что не знаю, как в один ряд с буровыми поставить вышедший из строя электромотор лебедки, порванный на кране кабель, отжившие свой век поддоны и, наконец, рукавицы, которым нужна смена). Но об этих мелочах говорит Дударханов так же обстоятельно, как о думпкарах и негабаритных трансформаторах.

Возможно, и не стоило останавливать внимания на таких нюансах, но именно в этом равном отношении к большому и малому чувствовался руководитель нового типа, а за подходом его к делу четко угадывался и самый стиль работы в порту. Если определить его одним словом, самым точным будет здесь «деловитость».

ВЗГЛЯД С ПРИЧАЛА

Мы дали себе время оглядеться и, не задавая лишних вопросов, попробовать понять порт как живой организм. Для этого нужна точка отсчета. Это причал.

Сколько вмещает в себя кусочек мира на урзе воды и суши — сказать трудно. Но нигде, пожалуй, кроме портового причала, не ощутим с такой отчетливостью пульс экономики страны, а крупно и размашисто написанные адреса назначения — БАМ, Саяно-Шушенская ГЭС, Норильск, Диксон, стройки Иркутской и Тюменской областей — обретают смысл живой географии грандиозного строительства.

Вот малая только часть того, что можно охватить одним взглядом с причала: роторы для электростанций, буровые установки, тепловозы и железнодорожные вагоны, реакторы для химических заводов, вездеходы, сборные дома, бульдозеры, автомобили, телевизоры, велосипеды, мотоциклы и моторные лодки, мясо, масло, мука, консервы, детские коляски, игрушки... Продолжая перечень, дойдем до швейных иголок и канцелярских скрепок, но не закончим его, потому что здесь всё.

И это «всё» — в движении. Днем и ночью. Грузооборот порта — река, могучая и нескончаемая, как Енисей.

Взглянуть на него нужно с причала. В акватории порта Енисей не бывает спокоен даже в тихую погоду. Волну поднимают постоянно снующие на рейде катера и буксиры; гонят ее к берегу проходящие в фарватере белоснежные «пассажиры»; изрядно добавляют беспокойства летящие мимо «ракеты» и «метеоры». Но разыгравшаяся волна так и не достигает причальной стенки. Она бьется о борта транспортных судов, чередой которых перекрыт весь многокилометровый

фронт причалов. Пришвартованные друг к другу суда стоят в два, даже в три ряда под длинной вереницей кранов; от зари до зари колдуют они над их трюмами.

Краны — главный мускул в организме порта. Может быть, потому о них говорят здесь как-то особенно, я бы даже сказал, одухотворенно. Да и впрямь они кажутся живыми, постоянно кивая вам со слоновоым радушием. Под ними ныряют вагоны и грузовики, и совсем маленькими на фоне этих гигантов кажутся юркие автопогрузчики — красные и оранжевые, — похожие на рассыпанную землянику. К работе кранов нужно присмотреться: у каждого свой характер.

Последовательность всех операций подчинена железной логике, но начало этому движению уловить удается только по ходовому звонку. В тот же момент цепкие стальные захваты на неуловимое мгновение зависают над рулоном типографской бумаги, подхватывают его, несут к распаханному трюму. Буквально в дюйме проплывает рулон над фальшбортом и осторожно — чтобы не зацепить стальной комингс — ныряет в трюм. Сделано. Но без всякой паузы снова дрогнул ходовой звонок, машина крана откатывается по железной колее, делает легкий реверанс, подхватывает груз, одновременно «вирает», разворачивается кругом, отходит назад: все операции слиты в единое движение. Это высший класс.

И, быть может, потому трудно отказать себе в искушении подняться по высокому — в несколько пролетов — трапу в кабину, чтобы увидеть на рычагах тонкие девичьи пальцы с аккуратным маникюром, легко управляющие тысячетонной работой. Узнав, впрочем, что крановщица Татьяна Соснина училась у знаменитой Нины Павловны Ващенко, мастерству ее

особо уже не удивляешься. Но, при-сматриваясь к этой работе внимательнее, начинаешь улавливать живую ее, человеческую жилку — есть в ней свое дыхание, свой ритм, собственный почерк.

Теперь видишь: каждый кран на причале работает по-своему. Но есть у них одно общее движение — движение птицы, которая, кормя птенцов, то и дело вытягивает шею и опускает клюв в гнездо — трюм. Добавим только, что «птенцы» водоизмещением в тысячи тонн соответственно и требуют для полного своего насыщения. Этого момента мы дождалась.

Усиленные мегафоном, звучат с мостика слова команды: «Отдать кормовой!», «Отдать носовой!»; бурлит белая под кормой волна, и медленно отваливает от причала курсом на север самоходка.

Отшедшее судно обнажает зеленовато-бурную, увешанную кранцами стенку причала. «Гольный» причал во время навигации можно увидеть только в короткие паузы между отходом и приходом очередного судна. Минимальность этой паузы — один из главных показателей верного ритма порта. И вот уже бесшумный портовый трудяга «Амур» ведет с рейда к освобожденной стенке огромную баржу с высоко поднятой над водой красной ватерлинией.

КОГДА ВСЕ НА ВИДУ

Пока «Амур», осторожно, но споровисто продвигаясь лагом, ставит баржу к причалу, Дударханов выкрикивает несколько минут — рассказать о бригаде Николая Мордикова.

— Когда мы узнали о почине черноморских портовиков, стали прикидывать, нельзя ли нечто подобное организовать у нас. Но порт морской и речной — «две большие разницы». У

Пожухлой осенней листвы аромат
Шагами в тропинку размокшую вмят.
Минуты вырастают в часы.

Дыханье мое превратится в туман,
Сгустится в глазах непогода,
Покажется мне, что тесна, как тюрьма,
Моя повседневная плоть;
Что буду прибоем и ветром я впредь,
Что с чайками вместе смогу я взлететь,
Осенний разлад побороть.

И вот пробивается к нам сквозь туман
Прощальный сигнал корабля;
Мы слышим — команду дает капитан,
Мы знаем — отступит земля,
Все дальше и станет совсем далека;
И снова сирена, и луч маяка,
И где-то в тумане корабль.

Дэвид БЕРНЕТТ

Трутень

Всё «в масть»: ешь всласть, блеск, власть — нет любви.
— Ты всем владеешь, без любви живи, —
Она сказала, — или откажись
От пустяков.

В словах был толк (любви душа
Не украшательна, а хороша),
Но в муках будет жизнь —
Итак, итог каков?

Я бросил мишуру, шагнул к любви моей —
К изысканным переживаниям, скрытым в ней,
Но, чувствуя в себе разлад,
Я повернул назад.

Поскольку верен я привычкам старым —
Бирюлькам, бляшкам, бусам, блескам, барам,
Мне игра милей
Всей любви моей.

Горное озеро

Сюда я взбирался мальчишкой.
Скала представлялась мне вышкой,
Хранящей озерный простор
Меж хвойных замкнутых гор.
Ввысь я взбирался, и не был
Дерзким подъем — необычным,
Пока не являлось величье
Озера рядом с небом.
И сейчас, подавлен, ожесточен,
К вершине тянусь я, чтобы найти
Крыло голубого неба, найти
Мерцанье уединенных волн.
Реальной, чем все пространство земное,
Сиянье спокойное предо мною.
Могу я ступить на край небес
Отсюда, где озеро, горы и лес.

Питер МОРТИМЕР

Безумная Джиллиан

Безумной она была,
Вся улица знала об этом.
Знала, что ей все труднее с каждым рассветом
Тащиться бесцельно куда-то в рваных туфлях,
Тряся головой, с незримою ношей в руках.
Шуршал с любопытством тюль занавесок вослед.
Она же порой застывала глазючки пред
Зеркальной витриной,
пытаясь хоть взглядом вонзиться
В богатство, и лоб прижимала к стеклу добела.
Но, видя ухмылки презренья на лицах
Торговцев, их смутно кляла,
Сулила им лютую кару, безвыходный крах.
И дальше плелась, качая ношу свою на руках.
Порою она застывала, вцепившись
В сплетения ржавой ограды
Кладбищенской, слыша, а может, не слыша,
Как перед взором ее детишек пляды
С криками, с визгом веселым
Меж тихих могил
Бегут по домам из школы.
Как истукан сама, как истукан,
Не свела бы детей с ума
Безумная Джиллиан!
Но младший среди детей
На Джиллиан налетел.
Уставился ей в глаза,
Синие, влажные,
Вовсе не страшные.
Ребенок глядел и не понимал —
Почему безумной зовут Джиллиан.

Перевела с английского
Екатерина ШЕВЕЛЕВА

Рисунки Ильеса АЙДАРОВА

нас река, сибирская река. Навигация имеет строгие временные границы. Всю зиму нам приходится накапливать грузы в порту, чтобы с началом навигации, двигаясь буквально за кромкой льда, успеть перевезти их в низовья реки и особенно на притоки Енисея, а это перекаты, пороги, малая вода и... малые сроки, продлить которые не в силах никакая инстанция. Вот это и было главным, когда мы анализировали варианты. Просто скопировать структуру бригады ильичевцев — такой вариант отпал сразу. Нужно было создать свой — енисейский, с учетом особенностей нашего бассейна. Выбранная для эксперимента бригада обрела автономность самостоятельного организма. Ей стало по силам не только выполнять любую по объемам и сложности работу, но и планировать ее. Момент, заметьте, очень важный. Но здесь важен еще и психологический фактор — говорю, конечно, о повышенной ответственности. А кому много дано... Да что объяснять — все на виду.

В этом и предстояло нам теперь убедиться.

Большая баржа, ошвартованная у крайней причала, оказалась под стрелой самого мощного в порту, стотонного крана не случайно: именно на него ляжет главная работа дня. По железнодорожным путям протянулась к гиганту вереница новеньких саморазгружающихся вагонов — думпкаров. Каждый сам по себе пятидесятитонный груз, а если учесть, что думпкаров почти состав, можно представить объем и значимость задачи, которую нужно решать бригаде.

Но, как было замечено, у бригады теперь новая мера ответственности. Есть задание, но есть и тактика — собственная. Решают: грузить на судно пустые вагоны — непозволительная роскошь, и потому укладывают в них

трубы, также необходимые Норильскому комбинату. Вес... не станем, однако, «догружать» читателя цифрами, тем более что толкаемый тепловозом головной думпкар встает под стрелу стотонного.

Помощник бригадира Виктор Григорьев и трое рабочих начинают строить: быстро и плавно вывязывают петли, следят, чтобы трос нигде не пришелся на излом. Сделано. Григорьев обходит груз, проверяет стропы. Поднялась и застыла возле каски рукавица; скорее чувствуешь, чем видишь, как идут от нее сигналы в кабину крана. Короткое «Вира помалу!», и четыре стальных троса, распрямляясь одновременно, вытягиваются в струну.

И все-таки главного момента уловить не удается. Видишь только просвет между рельсами и зависшими колесами думпкара, а огромная масса плавно плывет уже над причалом. Груз взят так верно, что и при огромной парусности раскачать его не может даже свежий енисейский ветер. Не успевают раскачать: все дальнейшее происходит значительно быстрее, чем пишутся эти строчки.

Кажется, время исчисляется здесь в линейных мерах: всего несколько дюймов осталось до того момента, когда думпкар коснется палубы баржи. Скупые жесты команды и совсем будничным по интонациям диалог между Григорьевым и крановщиком в кабине: «Вылетом, Вася, дай». Ровно гудит машина в утробе крана. «Так. Прямой, Вася. Хорош!». Повороткой прижимай помалу. Опять неуловимое взглядом движение крана, и буксы думпкара зажимают точно над шпалами, уже приготовленными на палубе баржи. «Майна, Вася. Так. Майнуй, майнуй помалу. Хорош! Стоит!».

В это время тепловоз толкает под стрелу очередной вагон.

В течение смены кран один за другим подхватывал думпкары с путей и опускал их на палубу. Сказать, что это была ювелирная работа? И ювелирная тоже. Но в многотонном перемещении металла было и что-то живое: казалось, кран перетаскивает вагоны, как котят, — по одному, с ласковой родительской заботливостью. Было еще странное психологическое смещение масштабов: рядом с гигантским грузом фигуры людей не казались маленькими...

Дударханов прав: здесь все на виду — класс, мало сказать, высший. Тем более уместен вопрос: где корни этого мастерства?

Поговорить об этом нам придется несколько позже. А пока предстояло знакомство, которое помогло взглянуть на порт с духовной, если уместно так сказать, стороны — со стороны человеческого привязанностей.

ЕНИСЕЙСКАЯ ХВАТКА

Его мы увидели в тот самый момент, когда сбежал он на палубу катера по крутому, без лееров, трапу. В легких, точно рассчитанных движениях была уверенность профессионала и то особое флотское щегольство, дается которое только изрядным морским опытом. Но тому же трапу, но с меньшей, надо полагать, грацией спустились на катер и мы. Так, по счастью, попутчиком нашим по тридцатикилометровой акватории порта оказался Анатолий Гоностарев.

Говорю «по счастью», потому что той невидимой и непостижимой глазом информацией, штрихи которой встречаются в этом репортаже, обязаны мы ему. Рассказать о Гоностареве нужно еще и потому, что путь его к речному причалу был не совсем обычен.

Конечно, нет ничего особенного в том, что парня из небольшого и «сугубо континентального» городка Пестово Новгородской области потянуло к морской романтике. Закончив Рижскую мореходку, решил Анатолий, что начинать нужно с нуля, и, определив свои координаты в Дальневосточном пароходстве, ходил когеаром (была еще недавно на флоте такая профессия), потом мотористом, механиком. Две путины на траулере ловил селедку и сайру в Тихом океане. Все более далекие меридианы оставались за кормой, все дальше уходили судовой часовой Гринвича, и день за днем, месяц за месяцем лежала перед глазами в штурманской рубке расчерченная на квадраты карта одного лишь синего-голубого цвета — без берегов. Локатор отмечал на сплошном зеленом экране лишь белые точки судов в океане, а потом и берега, с названиями, которые «звучат»: Ванкувер, острова Королевы Шарлотты...

Но неуловим он, этот странный механизм человеческих притяжений! Однажды в какой-то точке океана, когда горизонт выгибается дугой на все тридцать два румба, а СРТ качается на пологой волне и гудит лебедка, вытягивая из глубин туго натянутые ваера, случайно (может быть, не так уж и случайно) упал взгляд на такую привычную, казалось бы, карту страны...

Почему вдруг эта знакомая до подробностей одна шестая часть суши, окрашенная в зеленые и коричневые тона и, как артериями, пронизанная змейками рек, заговорила иначе? Почему локатор, не тот, что в рубке, но свой — внутренний — начал фиксировать иной мир, иную, не изведанную еще и властно зовущую жизнь?.. Не оттого ли, что впервые почувствовал он тогда разницу между такими, произносимыми часто в один ряд поняти-

**НАЧАЛЬНИК
ГРАВИЙНОГО РАЙОНА
АНАТОЛИЙ ГОНОСТАРЕВ:
«У НАШИХ РЕБЯТ
ЕНИСЕЙСКАЯ ХВАТКА».**

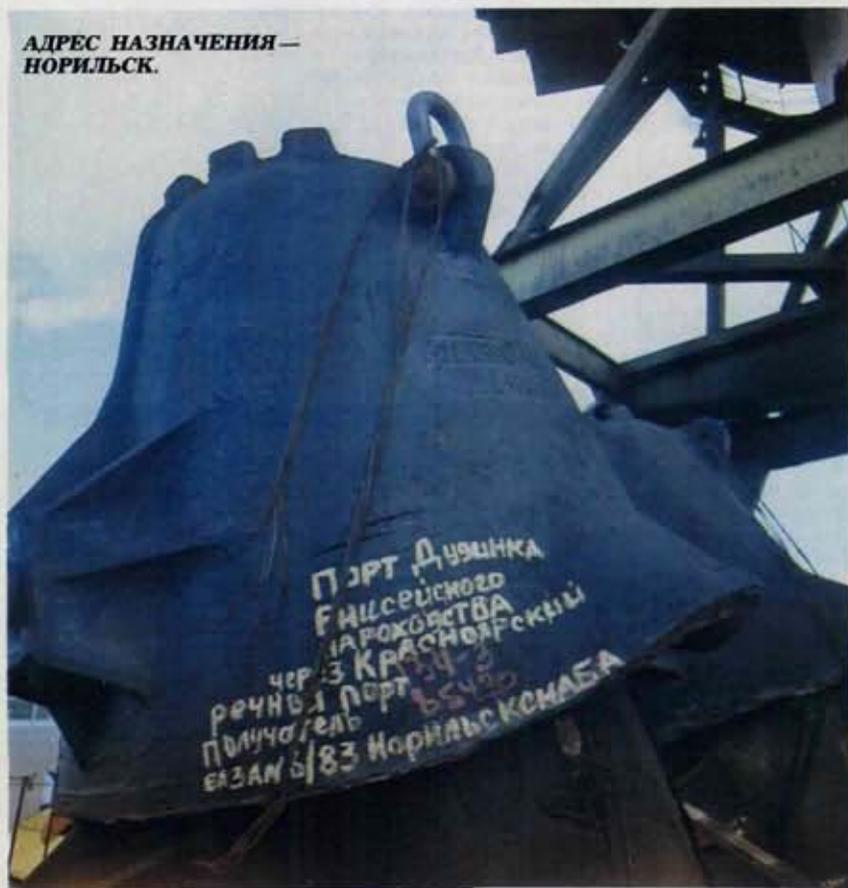
ями, как «экзотика» и «романтика»? Тогда же он понял: корни романтики истинной в родную должны уходить землю... Словом, сойдя на берег после очередной путины, взял расчет и «махнул в Игарку».

Дальше — железная логика биографии и, как выразился Гоностарев, «енисейская хватка». Здесь понял: обратной дороги нет. Ходил механиком, капитаном-дублером; избороздил реку от хакасских степей до Заполярья. Понял еще, что человек, как и судно, должен иметь порт приписки. Таким стал для него Красноярск. Был он здесь групповым механиком парохозяйства, потом — заместителем начальника района и вот уже четвертую навигацию — начальник Гравийного района порта.

Биография говорит сама за себя. Добавим лишь несколько фактов, которые довелось узнать не от Гоностарева, но которые придают его биографии итоговую весомость.

**АДРЕС НАЗНАЧЕНИЯ —
НОРИЛЬСК.**

репортажа из порта ни разу не промелькнули на этих страницах слова «грузчик» или «докер»... Так кто же он? Об этом и был разговор с Владимиром Николаевичем Ли.

Представить собеседника обязывает не столько высокая его должность, сколько то, что не часто встречаешь человека, так глубоко вросшего в профессию.

Кстати, в разговоре не услышали мы привычных, казалось бы, в данном случае определений: «начальник порта», «руководитель» или даже «специалист». Обычно он говорит: «Как портовик, я считаю...» Портовик — этим словом о человеке с его биографией сказано много.

Вся его жизнь связана с Енисеем. Много лет работал Владимир Николаевич на другом полосу реки — начальником Дудинского порта. А годы были те самые, когда набирал силу Норильский горно-металлургический комбинат. Без четкой и — тут прилагательное кстати — колоссальной работы Дудинского порта ни город, ни комбинат не могли бы стать тем, чем стали они сегодня, потому что заполярный порт оставался единственной точкой, связывающей Норильск с остальным миром. Именно в те годы автору этих строк довелось бывать в Норильске и Дудинке, и по этому праву может он теперь засвидетельствовать, что имя Владимира Николаевича Ли знали в тех краях буквально все. Говорю это к тому, чтобы не перечислять всех званий и наград, которые не могли обойти

Руководимое Гоностаревым хозяйство стабильно перевыполняет план. Это мы только отметим. Но попробуем заглянуть, так сказать, за кулисы факта. Район взял обязательство работать без нарушений трудовой и общественной дисциплины. Что ж, таково веление времени. Но вот результаты: за один год количество прогулов в огромном хозяйстве Гоностарева уменьшилось... в девять раз! Если же брать этот факт в пересчете на часы и тонны, то стабильное перевыполнение далеко не заниженного плана не представляется удивительным...

**МОНОЛОГ
В КАБИНЕТЕ**

Эту тему завершали мы в кабинете начальника порта. Привели нас сюда оставшиеся пока без ответов вопросы и среди них тот, с которого начали мы разговор.

Читатель обратил, должно быть, внимание на некоторую странность этих заметок: в продолжение всего

— ВИРА!..

тогдашнего начальника Дудинского порта.

А сейчас мы разговариваем с человеком, из кабинета которого тянутся живые, постоянно пульсирующие нити направляемого им и трудно обозримого грузопотока. Замечу только: протяженность водных путей Енисея и его притоков, используемых для судоходства, превышает десять тысяч километров. Это четверть экватора. Или вся территория нашей страны с запада на восток.

Цифры, конечно, сильные козыри, но оставим их воображению. Говорим мы о другом. Речь идет только о первом звене, с которого, однако, и начинается движение этого поистине глобального грузопотока, — о портовом рабочем.

— Да, пока так — портовый рабочий, — говорит Владимир Николаевич. — Не сомневаюсь, лингвисты придумают слово для нового понятия. Оно нужно, потому что прошли времена, когда людей брали в порт, что называется, «от ворот» — кто поздоровай да поспорившей. Сегодня механизация погрузочно-разгрузочных работ доведена почти до ста процентов. Так что слово «грузчик», хоть и заменяемое иногда иноязычным «докер»,

ГРАВИЙ — СТРОЙКАМ СИБИРИ.

ним раза; количество портовых рабочих за это время — только на четырнадцать процентов. Процесс этот идет по нарастающей. Вот и представьте себе, что ляжет на плечи (в фигуральном, конечно, смысле!) портового рабочего завтра и каким ему быть... Но здесь нам придется несколько омрачить тему разговора: мы подошли к тому, что называется проблемой.

Итак, сегодня в республике действует более пятидесяти профтехучилищ и техучилищ, готовящих кадры для речного транспорта. Но при этом нет ни одного учебного заведения, выпускающего портовых рабочих.

— ?

— Увы, это так.

Вот тут наш разговор подошел, да нет, скорее, наткнулся на тот самый вопрос, ответ на который мы не успели получить на причале, когда видели поистине артистическую работу бригады Николая Мордикова. Но что может добавить к этому классу специальное училище? Владимир Николаевич смотрит на это несколько иначе.

— Предела мастерству, как изве-

КАРАВАН ПОЙДЕТ НА СЕВЕР.

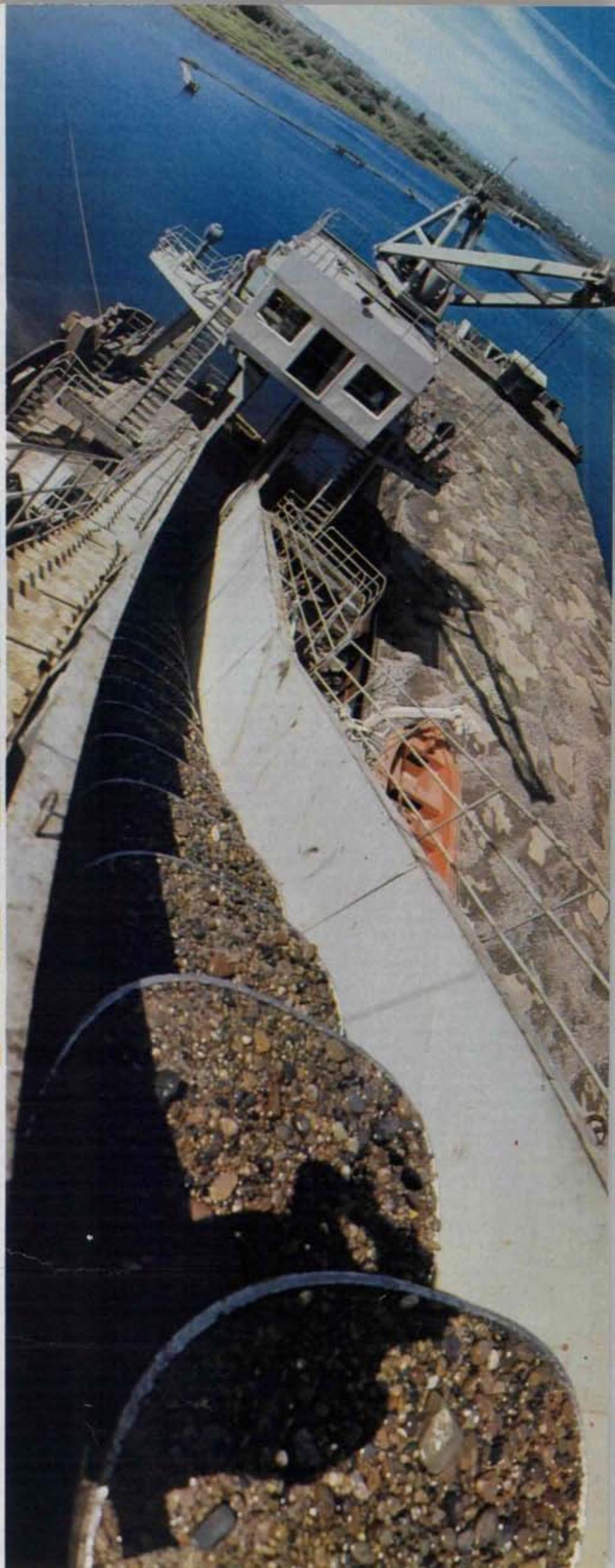
устарело безвозвратно. Человек, работающий ныне в порту, — это прежде всего механизатор в самом обширном толковании слова. Говорю так не для того, чтобы поддержать честь мундира. Судите сами, что должен знать и уметь портовый рабочий при нынешней технике и комплексной структуре труда. Прежде всего управлять портовыми машинами и механизмами: авто- и электропогрузчиками, автомобильными, гусеничными, железнодорожными, мостовыми и порталными кранами, трюмными и вагонными перегружателями; он при этом и механик и квалифицированный слесарь; ему должны быть знакомы все виды работ на причалах и складах...

Перечислил я далеко не все его обязанности, но, думаю, и из этого ясно: портовый рабочий — профессия, требующая только высшей квалификации. Это сегодня. Завтра в портовое хозяйство придут машины еще более сложные. Прогноз в данном случае надежен, он основан на цифрах. Давайте расшифруем одну.

За последние десять лет объем работы в портах увеличился в два с лиш-

стно, нет, — говорит он. — Предел в конечном счете определяется требованиями времени. Бригада Мордикова — одна из лучших в порту. Пусть это обстоятельство несколько отрезвит ваше впечатление. Хотя как портовик скажу: работу вы видели действительно классную. Но подумайте, сколько времени потребовалось этим, скажу прямо, очень талантливым к профессии людям проработать в порту, чтобы прийти к такому классу? Профессиональное созревание на одной только практике слишком продолжительно, а ведь за этим стоят резервы... Пока мы стараемся выйти из положения. У нас в порту действуют учебные курсы; это два-три месяца, минимальный запас знаний, без которых нельзя выйти на причал. При современной технической оснащенности портового хозяйства рабочему необходима более основательная теоретическая база — специальная школа, о создании которой пора подумать.

Пожалуй, последней фразой Владимир Николаевич сказал достаточно много, чтобы в конце этого разговора не ставить традиционную точку...

Игорь АЧИЛЬДИЕВ,
лауреат премии
Ленинского комсомола

”КУДА ВЛЕЧЕТ

В детстве я мечтал стать милиционером на Северном полюсе. Хотя сам я, конечно, знаю, в чем заключалась тогда для меня прелесть этой должности, другим мне трудно объяснить эту свою мечту. Жил я в Москве, у Красных ворот. Трамваи по Садовому кольцу уже не ходили, и широкая площадь пересекалась негустым потоком черных «эмков». Командовал их проездом милиционер в белых перчатках и с длинным жезлом, которым он прямо-таки жонглировал. Он был, наверное, очень мудрым человеком, потому что многие подходили к нему и о чем-то советовались, он каждому указывал дорогу и отдавал честь. Я мог часами сидеть в скверике на том месте, где теперь стоит памятник Лермонтову, и глядеть на милиционера в белых перчатках. И, конечно, завидовать ему.

А потом на Северный полюс полетели папанинцы. Они высадились на льдину в Ледовитом океане, и мне казалось, что полюс стал похож на огромную площадь у Красных ворот. Если соединить зримое счастье быть милиционером в белых перчатках у Красных ворот и немислимое счастье папанинцев, то это как раз и будет моей сокровенной мечтой.

До сих пор жалею, что так и не сумел воплотить ее в жизнь. Видимо, слишком часто был «примыкающим» качалиным и легко увлекался все новыми и новыми героями. И как-то постепенно детская мечта изгладилась из памяти, перестала волновать. А жаль!

Но, к сожалению, детские мечты чаще всего не сбываются, а идеалы, которым с восторгом следуешь в детстве, вдруг теряют привлекательность, и человек, которому подражаешь, оказывается на поверку не таким уж и прекрасным. И все же, все же — обретенный опыт не пропадает! Каждая пройденная ступень оставляет после себя светлую память, а все вместе они образуют некую лестницу жизни, которая связана воедино, в один марш. Так постепенно в человеке созревают критерии истины и правоты.

Я начал разговор о том, как жить: согласно идее или согласно обстоятельствам, которые предлагает ситуация, — с лирического отступления о своем детстве. И на то была своя причина. Мне хотелось бы чуть-чуть повернуть дискуссию, начатую в № 2 «Смены» Диасом Валеевым. Он показал нам два крайних полюса: пассивный Качалин, дошедший из-за своего «примыкающего» характера до преступления, — это один тип; активный герой нашей жизни, сумевший преодолеть все трудности на своем пути, — Дружинин, это, так сказать, второй тип. Читатели, если судить по откликам, опубликованным в журнале, приняли это разделение. И если следовать дорогой возникшего спора, то можно подумает, что вся бездна человеческих характеров заключается только между этими двумя типами. Но так ли это? Пассивность может довести человека до преступления, это верно. Но разве не бывает активных преступников?

Совсем недавно довелось беседовать с капитаном Московского уголовного розыска Евгением Алексеевичем Елисеевым, принимавшим деятельное участие в раскрытии преступной группы квартирных взломщиков. В их числе был один из главарей, которого Елисеев называл Активистом. Он все время говорил своим друзьям: «Хватит валяться и пьянствовать, надо работать». Он разрабатывал многие операции по взлому квартир, был организатором и активным исполнителем в группе. Деньги в отличие от своих приятелей припрятывал на черный день. Характерная деталь: при задержании сопротивления не оказывал, но пытался бежать. При этом, спускаясь по водосточной трубе с четвертого этажа, кричал: «Держите вора!»

Если теперь обратиться к рядовым и будничным делам, то легко заметить, что безрассудная активность встречается не реже и выглядит не лучше пассивности «примыкающего» Качалина, а порой даже и хуже. Такая активность способна привести человека и на скамью подсудимых.

Однако возьмем другой крайний случай: чего стоит пассивность, которая зиждется на высоких и благородных идеалах? То есть та самая пассивность, которую издавна называют маниловщиной или обломовщиной. Помню, в шестом классе был у меня друг — Володя Шепелев. Идем как-то с ним по Басманной, разговариваем. Тут он мне и сказал, что будет непременно ученым. «Сейчас мне, говорит, тринадцать лет и я в шестом классе. В восемнадцать — кончаю школу. В двадцать два — институт. В двадцать пять — аспирантуру. В тридцать — я уже доктор наук». Сказал он этак мечтательно и... остался на второй год в шестом классе. Весь класс

перешел в следующий, а он, не примыкающий, оказался снова на той же парте, в том же шестом.

Нет, все это не так просто, как кажется, если оставаться в рамках спора о пассивности-активности! А вот жить по идее — тут все ясно, все четко. По идее, по мечте, которая влечет нас хоть и тяжким Млечным Путем, но зато отдаст обратно миллион радости! Потому что «жить по идее» — это значит не забывать о доброте, о том, что и другие люди имеют право на свою мечту.

Расскажу об одном человеке, жизнь которого, по-моему, служит вполне убедительным ответом на вопрос, обсуждаемый участниками дискуссии «Как жить? Согласно идее или согласно обстоятельствам?».

В колхоз Василий Лямин пришел в сорок втором — как взяли отца, колхозного кузнеца, на фронт. До шестнадцати махал Василий пудовым молотом, а как пришла похоронка на отца, отправился молодой Лямин в ремесленное училище. Оно готовило углекопов для шахт Воркуты. Полгода учебы — и отбойный молоток в руки, рубай уголек для страны.

В шахте Лямину показалось темно, тесно. Потолок низкий, висит над головой. Работать приходилось на боку или на спине. Значит, отбойный молоток держи на весу, а в нем без малого шестнадцать килограммов. Вечером, когда поднимали шахтеров на поверхность, давали им молоко. Лямин так уставал, что рука стакан не держала — тряслась.

Как война подошла к концу, Василия опять отправили на учебу — теперь в ФЗУ. Выучился он на машиниста экскаватора и на всю свою жизнь полюбил эту сильную, умную машину. Уже через два года после окончания училища он работал самостоятельно машинистом, а еще через два стал бригадиром комсомольско-молодежной бригады.

Многих поражало то, что Лямин виртуозно владеет любой техникой. Особенно же любит возиться с новинками. Придет машина незнакомой марки — ее обязательно сперва дадут на пробу Лямину. Он ее испытывает, обхаживает. Даст «добро» — значит, на машине работать можно. Провели об этом и инженеры заводов-изготовителей, стали ездить к Лямину, советовать с опытным и творчески мыслящим молодым рабочим, как улучшить экскаватор.

В 1951 году, когда развернулась стройка Куйбышевской ГЭС под Жигулевском, комитет комсомола Волчанского рудника направил туда одного из лучших экскаваторщиков — бригадира Лямина. Сколько он передвинул своим экскаватором миллионов кубометров земли на Волге — сосчитать невозможно. И работал всегда красиво, со страстью, с каким-то неутомимым огнем. Таким и изобразил его на своей картине художник П. П. Соколов-Скаля. Полотно получилось

огромное — три на четыре метра. Композиция простая: панорама стройки, Волга, гигантские механизмы, группа людей, монтирующих экскаваторы. В центре — рослая, мощная фигура машиниста Василия Лямина.

Потом он вернулся в родной Волчанск. Здесь в 1959 году он узнал об Указе Президиума Верховного Совета СССР, которым был награжден орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. И в это же самое время он, коммунист, которому еще не исполнилось и тридцати лет, полный сил и энергии, влюбленный в свою профессию, был признан инвалидом труда.

На самом взлете сил и расцвета таланта поймала его тяжелая профессиональная болезнь. Сидел в кабине, двигал, как обычно, рычагами, и вдруг ему показалось, что машина проваливается в какую-то яму... Очнулся в больнице, спросил, куда он упал. Оказывается, не машина падала, а Лямин.

Из больницы вышел с удостоверением инвалида труда второй группы и категорическим запретом работать на экскаваторе.

Послали его на курорт, запретили нервничать. Да что толку? Мечтать и видеть сны человеку ведь не запретишь. А Лямин спал и видел экскаватор.

Вот так он впервые столкнулся с препятствием, которое, казалось, ни объехать, ни обойти. Вся жизнь поломана и разбита. С медициной не поспоришь, а болезнь эта вписывается в человека навечно. Как же жить? По идее и по мечте или же по обстоятельствам жизни?

Лямин — человек практической складки, он решил жить по обстоятельствам. Трудно? Придется терпеть... Пошел в райком партии, его направили секретарем парткома в тот самый колхоз, где он некогда махал молотом. Работалось Лямину легко. Здесь его хорошо знали, здесь же жили его родственники. Доверие он заслужил быстро: умный, решительный, а главное — он всегда был совестливым, понимал душу крестьянина, рабочего.

Понемногу Лямин стал привыкать к новой должности. Одно плохо: не мог зайти на машинный двор. Как придет — пиши пропало: до ночи возится с каждой машиной, пробует ее, разбирает, ремонтирует... А уж если увидит экскаватор, прямо беда — чернеет с горя.

Так бы и жил, наверное, Василий Лямин полегоньку и потихоньку, запрягая в дальний шкаф под белье свои ордена, диплом машиниста. Но однажды получил он письмо от своего бывшего начальника строительства Куйбышевской ГЭС Ивана Васильевича Комзина. Тот хорошо помнил молодого рабочего и, не зная о постигшем Лямина горе, приглашал его на отсыпку Асуанской плотины.

Ночь просидел над тем письмом Лямин, мучаясь и

ИДТИ ТОЛЬКО ВПЕРЕД

Здравствуй, дорогая редакция!

Мне 21 год. Только сейчас я пробую настоящий вкус жизни, только теперь я поняла, что взрослая. Сейчас я шагаю твердым шагом по земле. А было все: мечты о чем-то неземном, разочарования в своих возможностях и даже полное отчаяние. И тысяча вопросов... Я ошибалась, я не верила никому и не заметила, как в мелькании будней сползло темное покрывало скуки, неуверенности. Мне кажется, что я, когда мне было плохо, сделала правильный выбор. Не бросилась искать спасения в развлечениях, а установила для себя жесткое правило: все делать самой через «не хочу». Праздничная жизнь дурманит, опьяняет. Но если ты шагаешь по дороге, а не порхаешь над ней — пусть и усталость придет и прошел мало, — то как хорошо засыпать и вставать, зная, что надо еще идти и идти.

Я имею право не уважать человека, если он напаял все чужое, а сам на своей работе посредственность. Настоящие люди не будут честно зарабатывать деньги выкладывать спекулянтам за заграничные тряпки. Многие ребята едут на стройки, и это не погоня за длинным рублем, они просто делают шаг в самостоятельную жизнь. Мой брат поехал год назад на Крайний Север. Из его писем я поняла, что высокая зарплата дается ребятам не зря. Думаю, они имеют полное право получать столько, сколько отдают своего труда государству.

Мой брат — водитель «КрАЗа». Он обычный парень, но уж он не сотворит подлости никогда. Потому что благородство не дается даром, его выстрадать нужно. Человек не может найти свое

счастье среди вещей. Но не познает счастья и тот, кто живет вроде манекена, робота, не утруждая себя никакими заботами и обязанностями.

Миру грозит ядерная катастрофа. Можно ли спрятаться, отгородиться от нее? Неужели согласиться, что зло восторжествовало? В такое не хочется верить. И чтобы этого не случилось, нам всем нужно жить по совести.

Надежда ШИЛИНА,
официантка,
г. Клинцы Брянской обл.

ПРЕОДОЛЕЙ СЕБЯ!

Прочитала статью Диаса Валеева «Как жить? Согласно идее или согласно обстоятельствам?» и не смогла остаться равнодушной. Потому что я и сама часто задумываюсь, откуда берутся люди типа Юрия Качалина?

Сколько же боли причиняют нам эти люди!.. Говорят, человек с рождения — это чистый лист бумаги: что напишут, то и будет. Выходит, качалиным не повезло на учителей, на родню, на друзей. Мне же кажется, что у них просто слабая воля. Воспитать ее можно, только преодолевая трудности, упорно стремясь к какой-то цели.

Я готова терпеть неудобства, работать не покладая рук, лишь бы только перевоспитать людей типа Юрия Качалина. Такие могут и жизни лишиться среди бела дня. А мне хочется еще работать, растить детей, быть полезной людям.

А. МИРОНОВА,
библиотекарь,
Магаданская обл.

НАС МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ?»

страхась принять какое-либо решение. А утром, не сказав никому ни слова, улетел в Москву.

Что и говорить, Лямина встретили в министерстве «на ура». Сразу же взяли документы, начали оформлять в «загранку». Послали и на медкомиссию... Тут-то Лямин и понял, что не видать ему Асуанской плотины. Один из врачей сказал так:

— Вам, милый мой, нельзя не то что в Африку, но даже в бархатный сезон на Южный берег Крыма. Езжайте домой и забудьте об экскаваторе до конца своих дней.

И тогда Лямин решил на последний шаг — пошел в ЦК партии. Была у него такая надежда: партия поможет, даст возможность приложить энергию, мастерство к тому делу, которое он любит и знает. Неважно куда — лишь бы снова сесть за рычаги.

— Я — экскаваторщик, Герой Социалистического Труда, строил Куйбышевскую ГЭС, — в первый и единственный раз в жизни Лямин перечислял свои заслуги, — дайте ж мне работу по плечу!

Инструктор качал головой и разводил руками: — Ведь вас к работе не допускает медицина. Чем же мы можем вам помочь?..

И все же Лямин добился своего.

— Ладно, поедете на Курскую магнитную аномалию? — спросил его инструктор. — Под Белгород... Там сейчас очень нужны люди...

— На большое дело всегда согласен, — рубанул рукой воздух Василий. — Только б дали мне машину, а там увидим, кто прав: я или врачи.

В Старом Осколе ему дали разобранный экскаватор, познакомили с мастером.

— Машину знаешь? — спросил скептически мастер. — Попробуй для начала собрать эти узлы. А там посмотрим...

Лямин собрал экскаватор.

— Так, — сказал мастер. — Ничего, работать можешь. Завтра начинаем новый карьер — вот туда и пойдешь.

И Лямин двинул рычаги своей машины. Первые ковши с черноземом упали в самосвалы. Лямин был счастлив — он занимался любимым делом, он победил! Год за годом ворочал он руду и породу в карьере, пока снова не прихватила его болезнь. Тогда он временно перешел на монтаж экскаваторов, осваивал шагающие, потом новые мощные ЭКГ-4.

Но и болезнь не отпускала! Она напоминала о себе тяжелыми приступами. И снова Лямин оказывался у самой стенки барьера, к которому ставила его жизнь. В конце концов он вынужден был сменить специальность, стать инструктором-машинистом.

Это, кстати, тоже оказалось делом нелегким. Инструктор обязан уметь работать на любой марке экскаватора, каких, может быть, даже и нет в

Стойленском карьере. Тогда Лямин ехал за тридевять земель, изучал в другом карьере новую машину, сдавал экзамен на машиниста, получал о том диплом и возвращался домой, в Старый Оскол. Он собрал справки по всем маркам экскаваторов, работающих у нас в стране, представил их в министерство и получил диплом инструктора.

Вот так, буквально на каждом шагу стойко преодолевая обстоятельства, живя своей единственной мечтой и идеей, трудился до последнего времени Василий Федорович Лямин. Это была отчаянная борьба, наполненная и победами и поражениями. Но даже в тяжелейшие дни неудач и отступлений Лямин не терял главного ориентира в жизни — он стремился реализовать себя, свой талант и свою мечту, изо дня в день преодолевая подступающую болезнь. То была неиссякаемая духовная активность, бросившая вызов тяжелейшим обстоятельствам жизни.

Однако на этом история Лямина не кончается. Есть еще один нюанс, о котором я хочу рассказать подробно. Речь пойдет о щедрости души Лямина. О щедрости, проявленной им в особый момент.

В семье Ляминных трое взрослых детей. Василий Федорович мечтал, что кому-то из них передаст свой опыт, свой талант машиниста. Но старший сын пошел в военное училище, дочь стала медиком. Оставался младший сын, Валерий. Как у многих ребят его возраста, у него было увлечение электронной техникой. Целыми днями он мог возиться с магнитофоном или телевизором, наладывать их, ремонтировать, что-то изобретать. И отец, который не раз брал Валерия на экскаватор, надеялся, что ему понравится эта работа. Действительно, сын пришел на Стойленский карьер помощником машиниста. Работал усердно, вдумчиво, быстро осваивал профессию. Василий Федорович радовался этим первым успехам сына и уже строил планы продолжения рабочей династии.

Но однажды... старший Лямин уехал в отпуск, а когда вернулся в карьер, Валерия уже там не было. Ушел на завод автотракторного электрооборудования (АТЭ) наладчиком электронной аппаратуры. Вот тут стоит разобраться: как ушел, зачем и почему?

Если говорить об обстоятельствах жизни, то дело выглядит так. В Стойленском карьере трудится отец, Герой Социалистического Труда, всеми уважаемый человек, талантливый мастер и наставник. В таких условиях что оставалось Валерию? Да только одно: двигать вперед, делать карьеру! Через три-четыре года стал бы начальником участка, пошел бы в заочный институт, а по его окончании, глядишь, вернулся бы в тот же карьер начальником или главным инженером. Обстоятельства жизни благоприятствовали, а вовсе не мешали Вале-

рию торить эту прямую и верную дорогу жизни.

Валерий так не захотел! Почему? Да потому что больше всего он любит самостоятельность. Он привык уважать себя, считаться со своим мнением и следовать своим влечениям.

Уже на заводе начали его агитировать поступать в институт. Валерий поступил, проучился несколько лет, а диплом получать не захотел. Почему, спрашиваю. — А зачем, — отвечает, — ведь придется переходить на руководящую работу. А я люблю дело, которым занимаюсь в цехе. От института я взял то, что мне было надо. Если бы окончил, то пришлось бы пойти в мастера, в начальники.

Вот такое у него «самоуважение» — не очень современное, но по-человечески вполне понятное: почему он должен расставаться с любимым делом и заниматься тем, что ему не очень нравится?

Да, рухнула мечта Василия Федоровича о том, что кто-то из детей продолжит дело его жизни. Но он сумел проявить высокую щедрость души, понять сына и предоставить ему возможность следовать своим путем.

И разве не замечательно, что Валерий Лямин, открыв в себе талант наладчика электронной техники, не оказался поглощенным личностью отца и в какой-то переломный момент пошел против отцовской воли? Зато сегодня они стоят рядом, плечо к плечу: отец и сын, оба талантливые рабочие.

А теперь вернемся к началу нашей дискуссии. Диас Валеев показал два типа людей, по-разному относящихся к жизни. Однако задумаемся, а правильно ли определять одного из них как социально активную личность, а другого — как социально пассивную? Ведь социально активный человек — вообще не «проблема» для дискуссии. Хотя бы потому, что он легко проявляется в общественной жизни, он, как говорится, виден издали. А вот с социально пассивными дело не так просто! Они многолики и почти бесплотны, их трудно ухватить за поступок, за главную черту личности, которая высветила бы всю фигуру ярко. Качалин, кстати, потому и попал на заметку, что совершил преступление. А если бы не совершил?

Я хорошо знаю одного парня — ему недавно исполнилось семнадцать лет. Мама зовет его Петюша — и этим, пожалуй, многое сказано. Действительно, Петюша вполне порядочный паренек, всегда чисто одетый, со вкусом. Книжки читает... Переходит из класса в класс — не без троек, конечно. Но не в этих мелочах дело. Если говорить о главном в его натуре, то он... — как бы это назвать одним словом?... — поглотитель. Да, именно поглотитель!

Он смотрит все развлекательные и спортивные передачи по телевизору, по всем каналам. Читает все без разбора, лишь бы в книге происходили — и побольше! — занимательные события. Он с удовольствием ест, с наслаждением спит, любит просто так, над пустяком посмеяться. Он поглощен своими переживаниями и чувствами настолько, что о чужих страданиях или болях и помышлять не может.

Мне думается, что вот это и есть самая страшная разновидность социальной пассивности. Не потому, что он возьмет в руки нож, — это крайность, Петюша — мальчик-паинька... Нет, дело в ином. Ляminy и им подобные кормят мир, на них земля держится, ими жизнь строится. Петюша — потребитель всего, что производят Ляminy. Без раздумья, без особого разбора. Он поглощает книги, как хлеб, не замечая в них духовного содержания. Идея не усваивается, словно проскальзывая между пальцами. Он потребляет духовные ценности так, будто ест мороженое.

Эта — наиболее распространенная — разновидность социально пассивного человека не приводит, как правило, к преступности. Это, на мой взгляд, самое зло и есть. Приличное, сытое, самодовольное, наловчившееся исполнять минимум обязанностей и получать максимум удовольствий от общества, от жизни. Для таких петюш главное — не перенапрячься, не отдать больше, чем потребил и поглотил. А ведь посмотришь со стороны — ангел, не человек! И глаза голубые... А за ними — никакая мечта.

У меня хоть мечта была — стать милиционером на Северном полюсе. Кстати, никто в мире такой должности еще не добился. Значит, вопрос остается открытым. Как, впрочем, и вопрос нашей дискуссии.

**НАША ДИСКУССИЯ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ.
ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ,
УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!**

ЗРЯ ЛИ ТЫ ЖИВЕШЬ?

Здравствуй, «Смена»!

Мне 22 года, работаю операционной медсестрой, не замужем. Очень много видела в жизни и хорошего и плохого, много было ошибок, были и взлеты. Тем не менее жизнь для меня по-настоящему приоткрылась только сейчас, и потому в учителя я, конечно, не гоюсь.

Но вот прочитала письмо Алексея Н. из Ярославля, и на меня повеяло каким-то неприятным, вызывающим благополучием. «Я люблю уют, люблю сладко поесть, гулять с девушками», — пишет он. Это любят все или почти все. Ну и что, нашел о чем писать. Зачем же об этом кричать во всеуслышание? А дальше-то что? Какая же у тебя цель, Алексей, идея в жизни? Ты так и не ответил на этот вопрос. По-моему, если у человека к двадцати годам нет цели в жизни, он зря живет.

Что касается возможностей человека, то они действительно безграничны. Никто заранее не скажет, что он будет делать в той или иной обстановке. Это даже хорошо. Мы берегаем свои внутренние возможности до поры до времени, с тем чтобы потом эти резервы использовать в нужный момент. А может, и не использовать никогда.

Я тоже не знаю, что бы я делала, если б вдруг возник пожар, но знаю точно, что действовала бы согласно идее. Обстоятельства только указывают нам, как надо действовать.

Многие люди прославились благодаря тому, что у них в жизни была цель, своя идея, которой они точно следовали. А о какой идее может идти речь, если человек, пусть даже и в силу сложившихся обстоятельств, заворачивает в магазин, случайно выпива-

ет, случайно избивает другого, а потом так же случайно попадает на скамью подсудимых?

Оля П.,
Челябинск

СПАСИБО, ЛЕЙТЕНАНТ!

Дорогая редакция!

Меня взволновали опубликованные в № 12 материалы читательской дискуссии «Как жить?». Наверное, чуть раньше я написала бы в ответ на подобную публикацию горькое, злое письмо, полное ожесточенности против всего мира. Я с детства верила в торжество разума, добра и справедливости. Но слишком часто за добро мне почему-то платили злом, а несправедливость брала верх. Я не хотела в это верить, убеждая всех и в первую очередь себя в том, что это всего лишь печальные исключения из правил. Но когда меня предали два самых близких мне человека, что-то во мне сломалось. Люди казались мне неискренними, герои — надуманными, громкие (как мне казалось) фразы — книжными. Дни, полные неверия, летели, сплетаясь в сплошной серый клубок. Было невыносимо тяжело: слишком все случившееся противоречило моей натуре (раньше меня считали оптимисткой и несправивимой идеалисткой). Вырваться из этого кризиса духа помогло мне письмо лейтенанта Советской Армии Константина Новикова. Какой тяжелый камень свалился с моей души! У меня снова открылись глаза, впервые за много лет я вздохнула легко и свободно. Спасибо вам!

Т. А.,
Чапаевск
Куйбышевской обл.

Егор ЗАЙЦЕВ,
художник-модельер.
Эскизы автора
Фото Сергея ВЕТРОВА

Общие тенденции молодежной моды, о которых уже говорилось в одном из предыдущих материалов, распространяются и на мужскую одежду, поэтому коротко повторим их.

Основная нагрузка ложится на плечевой пояс, и это определяет развернутость и объемность плеч, подробную детализировку курток, плащей и легких рубаш-блузонов. Идея раскрепощенности и спортивности внешнего облика диктует свободный, просторный крой одежды, имеющий в основе народные традиции. Цвета: серая и бежевая гаммы, сочетание черного, белого и красного; жизнерадостные желтые, оранжевые, синие и зеленые тона предлагаются для смелых сторонников формирования новой эстетики костюма.

Материалы остаются традиционными: шерстяные и полушерстяные костюмные и пальтовые ткани, хлопчатобумажные и плащевые, лен и трикотажное полотно.

Как видите, принципиальных новинок практически нет. Поэтому постарайтесь умело пользоваться имеющимися вещами, сведя к минимуму приобретение новых. Тогда одежда не потребует больших материальных расходов, на что обычно сетуют многочисленные противники моды.

Начнем с деловой одежды. Просьба не путать ее с рабочей. В деловом

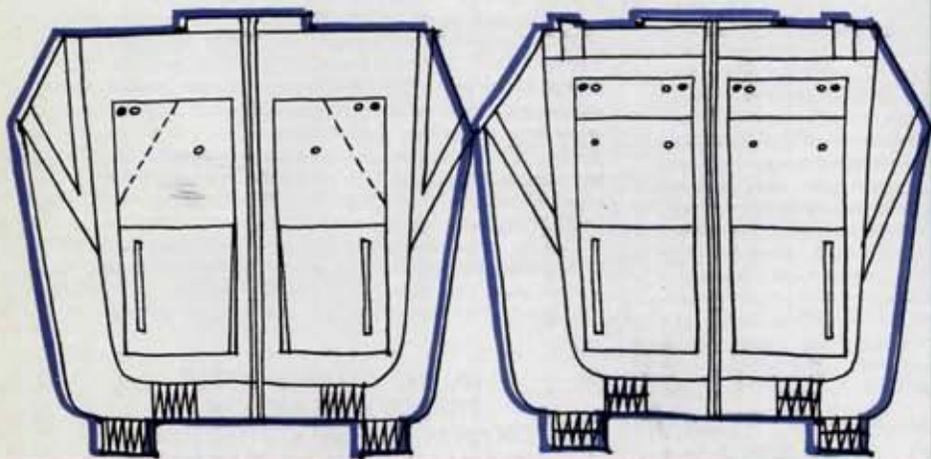

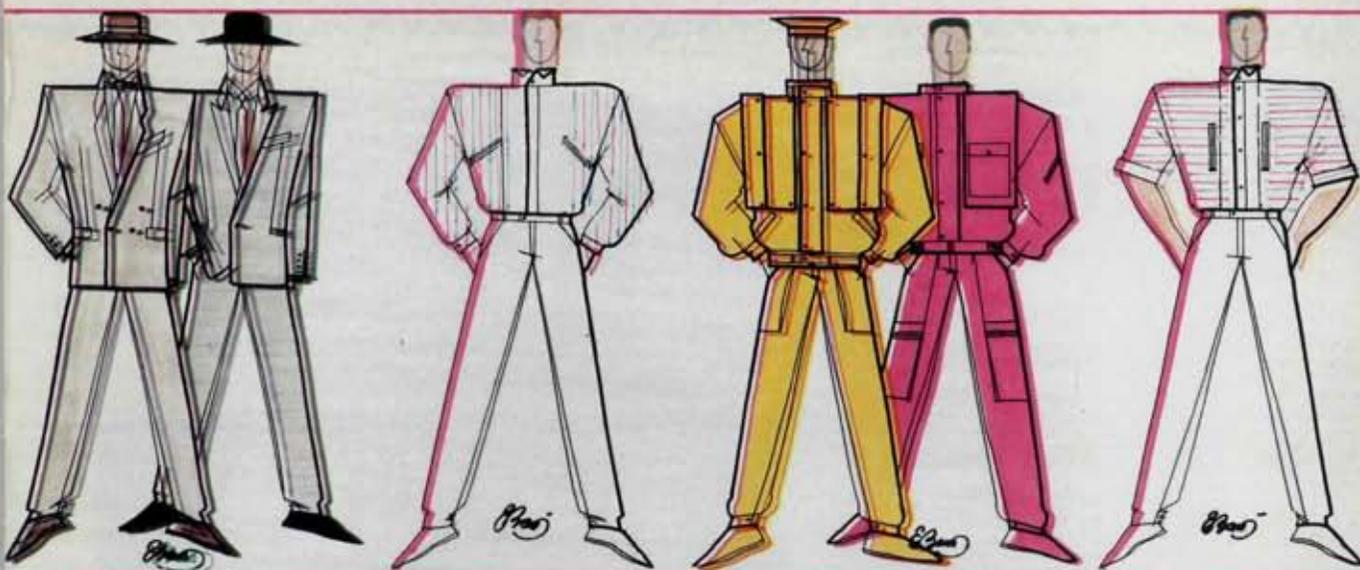
ОДЕЖДА КРАСИТ И МУЖЧИН

костюме мы отправляемся на работу или учебу, проводим в нем большую часть дня или, приходя на производство, меняем его на рабочую спецодежду. Наиболее жизненным остается классический костюм — пиджак и брюки, хотя это не самый любимый молодежный комплект. А ведь именно классический костюм — образец элегантности, лаконичности, чистоты линий и равновесия внутренних пропорций. Недаром говорят, что классика — убежище для человека с безупречным вкусом. А мы просто не видим ее красоты за одутловатыми рядами костюмов псевдоклассического ассортимента, прочно утвердившегося в

торговых секциях мужской одежды.

Сегодняшние требования к костюму: чуть более расширенные прямые плечи, узкие или средние лацканы, прямые, стройные брюки. Не стоит поддевать под пиджак толстый свитер — это выглядит так же нелепо, как футбольное поле с триумфальными арками вместо ворот. Единство и чистота стиля — необходимые составляющие вашего вкуса. А вот в подборе сорочки или галстука вы можете пофантазировать. Если ваш костюм из шерстяной ткани на подкладке, то противопоказаны сорочки ярких, ядовитых цветов (желтые, зеленые, малиновые). Самая элегант-

КЛАССИЧЕСКИЙ, СПОРТИВНЫЙ, АВАНГАРДНЫЙ — В МОЛОДЕЖНОЙ ОДЕЖДЕ ПРИЕМЛЕМЫ РАЗНЫЕ СТИЛИ. НО ПРИ ПОДБОРЕ ВЕЩЕЙ ДЛЯ КОСТЮМА НЕОБХОДИМО СТРЕМИТЬСЯ К ТОМУ, ЧТОБЫ В ЦЕЛОМ ОНИ СОСТАВЛЯЛИ ГАРМОНИЧНЫЙ АНСАМБЛЬ. НЕМАЛОВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЕТ ВЫБОР МАТЕРИАЛА. ФЛАНЕЛЬ, КАСТОР, ТВИД, ТО ЕСТЬ ЛЕГКИЕ ШЕРСТЯНЫЕ ТКАНИ ХОРОШИ ДЛЯ КОСТЮМА-ДВОЙКИ КЛАССИЧЕСКОГО СТИЛЯ, В СПОРТИВНОМ КОМПЛЕКТЕ — БРЮКИ И СОРОЧКА — МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЖЕНСКИЕ ПЛАТЕЛЬНЫЕ ТКАНИ. ДЛЯ АНСАМБЛЯ АВАНГАРДНОГО СТИЛЯ РЕКОМЕНДУЮТСЯ ПЛАЩЕВЫЕ ТКАНИ ПАСТЕЛЬНЫХ ТОНОВ.

ная сорочка — белая, но если вас пугает перспектива ухода за ней, то подберите рубашки в гамме вашего костюма (например, к темно-синему — голубовато-серую или пепельную). Галстук может быть опять-таки в тон или контрастный (к серому, синему или черному костюму возможен галстук красный или бордовый).

Другое дело, если у вас бесподкладочный костюм из хлопчатобумажной или плащевой ткани. Отступление от классических канонов дает большую свободу. Можно поднять воротник и накинуть легкий шарф, можно использовать сорочки с воротником-стойкой, причем допустимы яркие, «электрические» цвета. И каждый раз, поменяв в одном и том же костюме цвет и форму дополнений, вы обновляете его.

В теплую погоду приемлемы брюки и просторная рубашка с небольшим воротником. Чтобы придать ей нарядность, повяжите под нее легкое шелковое кашне или шейный платок. Но если вы желаете выйти на улицу в яркой футболке, лучше заменить классические брюки на брюки спортивного стиля (только не на шаровары от тренировочного костюма).

Наиболее популярными становятся брюки из легких плащевых тканей. Возможно использование и джинсового материала. Джинсы пережили момент горячего обсуждения и осуждения, но тем не менее они существуют и любимы нами. Секрет популярности — в их функциональности и удобстве.

Приверженцам спортивного стиля советуем составлять костюм из различных комплектуемых вещей: курток, жилетов, плащей, трикотажных дополнений, мягкой обуви. Они могут быть однотонными или контрастными по цвету. Однотонный костюм более сдержан и элегантен. По этому принципу создают модели для молодежи ведущие модельеры мира. Этот принцип хорош тем, что воспитывает цветовой вкус, исключает возможность ошибок, вероятных при неумелом сочетании различных цветов. Чувствуя уверенность в подборе разно-

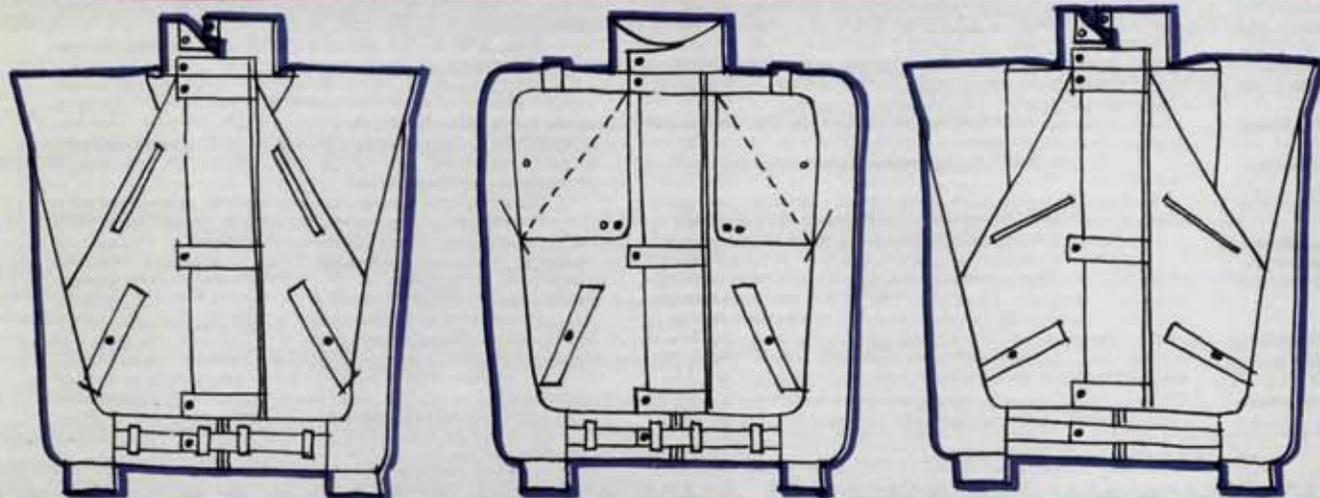
тонных вещей в ансамбль, все же не забывайте, что одна тема, один цвет должны быть в костюме ведущими.

Теперь об одежде для отдыха. Как и джинсы, спортивный костюм должен иметь свою «среду обитания» и предел носки. Полуразвалившиеся «олимпийки» и шаровары, которые мы ежедневно встречаем на улицах, достаточно красноречиво говорят о «вкусе» их обладателей. Еще раз напомним, что каждая вещь гардероба имеет свою функцию и неуместное ее использование только обедняет ваш внешний облик.

У молодых людей нередки ситуации, когда хочется выглядеть неординарно, обратить на себя внимание, выделиться. Это может быть студенческая вечеринка или дискотека, день рождения или посещение молодежного кафе. Вот когда можно проявить свою фантазию и индивидуальность. И не бойтесь ошибаться: это — прекрасное свойство, присущее молодости. Вы можете повнимательней порыться в своем шкафу или приобрести что-то специально для таких случаев. Лично мне более близок четкий геометризованный строй костюма, поэтому предлагаемые для молодежного вечера модели — в основном легкие куртки — можно отнести к авангардному стилю.

Сейчас встречается все больше молодых людей, умеющих шить. Проблемы одежды решаются ими самими, отпадают лишние материальные затраты. Многие века самодеятельное творчество питало народный костюм и официальную моду, а люди, достигшие в этом определенных высот, становились законодателями новых направлений в искусстве одежды. Достоинство самодеятельных образцов — их индивидуальность и неповторимость. Мне кажется, людям недалекого будущего умение шить будет так же присуще, как умение готовить пищу.

Приводимые эскизы, надеемся, заинтересуют вас. Только не нужно слепо копировать эти идеи, прежде всего нужно учитывать свою индивидуальность.

НА СХЕМАХ ПРЕДСТАВЛЕНЫ РАЗЛИЧНЫЕ ВАРИАНТЫ МОЛОДЕЖНЫХ КУРТОК. ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ: ВСЕ ОНИ СКОНСТРУИРОВАНЫ НА ОДНОЙ ОСНОВЕ, НО КАЖДАЯ ИМЕЕТ И СВОИ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ. ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОТНОСИТСЯ К ЭЛЕМЕНТАМ ОФОРМЛЕНИЯ. МНОГОСЛОЙНОСТЬ ИЗДЕЛИЙ ПОЗВОЛЯЕТ ИСПОЛЬЗОВАТЬ КОМБИНИРОВАННЫЕ ПО ЦВЕТУ И ФАКТУРЕ МАТЕРИАЛЫ. ДЛЯ ПОШИВА КУРТОК РЕКОМЕНДУЮТСЯ ХЛОПОК, ЛЕН, ПЛАЩЕВЫЕ ТКАНИ, КОЖЗАМЕНИТЕЛИ.

КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ»

МНОГИЕ ПОСТОЯННЫЕ ЧИТАТЕЛИ КЛУБА «МУЗЫКА С ТОБОЙ» ОБРАЩАЮТСЯ К НАМ С ПРОСЬБОЙ УСТРОИТЬ ИМ ВСТРЕЧУ С АВТОРОМ И ИСПОЛНИТЕЛЕМ ПОПУЛЯРНЫХ ПЕСЕН, ИЗВЕСТНЫМ ПОЭТОМ БУЛАТОМ ОКУДЖАВОЙ. ВЫПОЛНЯЕМ ИХ ПРОСЬБУ.

— Булат Шалвович, вы автор романов и повестей, стихов и песен... Что же главное?

— Мне трудно определить, потому что все происходит со мной не по какому-то заранее составленному плану, а, так сказать, по движению души, и то, что я делаю в данную минуту, кажется самым главным, только, пожалуй, за исключением пьес: давно почувствовал, что я не драматург. И не киносценарист. Но вот проза (о результатах, конечно, судить не мне) удается легко, и отношусь я к ней со страстью...

— Как вы делите себя между прозой, стихами, песнями и другими жанрами? Не мешает одно другому?

— Уже лет восемь не пишу стихов...

— Ну, а песни?

— А это и есть песни. Ведь я пишу не специально песни, а стихи, из которых некоторые превращаются в песни.

— Но ведь и сейчас довольно часто выходят фильмы с вашими песнями.

— Как правило, им уже лет по восемь. Вот, например, было у меня старое стихотворение «Давайте восклицать...», и Динара Асанова взяла его в картину... Нет, специально для кино не пишу.

— Булат Шалвович, вы забыли про такие фильмы, как, скажем, «Белорусский вокзал», или «Белое солнце пустыни», или «Звезда пленительного счастья»...

— Что ж: песни для этих лент — исключение...

— Тем не менее успехом «Белорусский вокзал», как известно, обязан во многом вашей песне. Интересно, есть ли за ней какие-то личные воспоминания, какие-то конкретные события?

— Я не собирался писать эту песню, но мой друг режиссер Андрей Смирнов попросил. Причем в его просьбе была изюминка, которая меня подкупила: нужно было сделать песню, которую как бы сложил участник войны (не поэт, а просто человек, умеющий писать стихи). Как будто сложил ее в те годы, находясь в том батальоне, — не очень умело, но искренне. Согласитесь: интересная задача. Сначала

**БУЛАТ
ОКУДЖАВА:**

**«ХОРОШАЯ ПЕСНЯ —
ЭТО ИЗНУРИТЕЛЬНАЯ РАБОТА»**

песня не произвела впечатления ни на режиссера, ни на киногруппу, но я чувствовал: что-то в этой песне есть. Просто мешало мое неумение исполнять, да еще, не умея играть, я аккомпанировал себе на пианино. К тому же там присутствовал композитор Шнитке, и делать это при нем было особенно трудно. Но вдруг именно он, один-единственный, сказал: «Это интересно» — и тут же воспроизвел песню сам, и мы начали петь дуэтом. И тогда запела вся группа... По-моему, в фильме она исполнена именно так, как и должна была прозвучать: без особенного умения, на нерве...

— А были случаи, когда ваши песни исполнялись в фильмах не так, как надо?

— Да, конечно... Например, в картине «Горизонт» молодой человек пел «До свидания, мальчики», пел очень плохо, невыразительно, и песня в фильме умерла...

— Зато, помните, эта песня «До свидания, мальчики» стала потрясающим финалом спектакля ленинградцев «Зримая песня». У зрителей буквально мурашки по коже...

— Так было не только в Ленинграде: «Зримую песню» поставили многие театры, и «До свидания, мальчики» действительно всюду звучала трагично и сильно. Тут во многом заслуга режиссеров.

— Чем вы сами объясняете, что многие ваши стихи стали песнями: только ли тем, что вы их

стали петь, или внутренней музыкой, которая в них уже была заложена?

— Это обоюдное совпадение. Видно, потребность, тяга к лению где-то внутри у меня была запрятана, потому что до того, как зашел, уже написал несколько стихотворений в форме, соответствующей этому жанру. В них была какая-то внутренняя мелодика. Например, такие стихи: «Год сорок первый, зябкий туман... Уходят последние солдаты в Тамань. А им подписан пулей приговор, он лежит у кромки береговой...» Ритмически они меня очень устраивали. Этот ритм идет от русского фольклора. Скажем, есть такая песня: «За морем синичка не пышно жила, не пышно жила — пивоваривала...» Вот это все как-то соблазняло и постепенно, постепенно стало выливаться в песни...

— Пожалуйста, еще хоть один пример: как рождается песня? Допустим, о Ленке Королеве?

— «Ленка Королев» появился совершенно случайно: вместе с музыкой за десять минут. Ни одна песня у меня так быстро не появлялась. Какой-то внутренний импульс, конечно, был, о котором я и не подозревал, поэтому, наверное, моментально наговорил готовые стихи, записал их и тут же начал петь. У меня все песни — на готовые стихи. Только одна родилась наоборот, на музыку — «По смоленской дороге». Мы с Юрием Левитанским придумали ее действительно на смоленской дороге зимой, в машине: ездили от

«Литературной газеты» по разным областям, и была с нами гитара... А вообще-то в создании песен ничего романтического, экзотического нет. Все очень буднично. Просто работа. Работа часто изнурительная, потому что все время что-то меняется, переделывается... Да, пожалуй, все, кроме «Ленки Королева». Это очень сложный и прекрасный процесс. Для меня прекрасный.

— Как давно вы обнаружили в себе певческие способности?

— Всегда любил петь. В юности с друзьями часто ходил в оперу, и потом меня заставляли исполнять арии Кавародосси, Германна... В армии был запевалой. Кстати, там, на фронте, написал стихи, придумал к ним мелодию, и потом наш полк пел: «Нам в холодных теплушках не спалось...»

— Значит, это была самая первая ваша песня?

— Пожалуй... Закончилась война, и вот как-то в сорок шестом году, будучи студентом, подсел к пианино и двумя пальцами стал подбирать песенку «Неистов и упрям — гори, огонь, гори! На смену декаблям приходят январы...». Друзья ее подхватили... Прошло еще десять лет, когда появились стихи «О Ваньке Морозове», скоро ставшие песней. За ними — другие, третьи... Однако спустя годы вдруг почувствовал, что пишу песни, видя перед собой аудиторию, и тогда поставил точку. И правильно сделал. Потому что так можно превратиться в обыч-

новенного песенника, который в угоду эстраде печет свою продукцию. В таком случае то, что я делаю, теряет смысл. Понимаете, для песенника-профессионала это хорошо, а мне нельзя. Я не имею права штамповать песенки, пусть даже неплохие.

— А гитару вы освоили тоже в юности?

— Я ничего не «осваивал». Просто однажды мне показали три аккорда, прошло двадцать пять лет — теперь я знаю шесть аккордов. Конечно, играя на гитаре искуснее, было бы лучше, но вообще-то виртуозное владение инструментом в этом жанре — вовсе не вырвочка. Сейчас многие молодые люди обращаются с гитарой просто лихо и поют тоже вроде замечательно, но грош цена искусству, если за ним нет Судьбы художника...

— А если Судьба есть, то к людям являются песни Новеллы Матвеевой и Владимира Высоцкого...

— Вот именно. Потому что оба они и поэтически и исполнительски — явления, уже открывшие и утвердившие себя. Да! И Матвеева и Высоцкий имеют СВОЙ поэтический мир, поэтому вы их всегда узнаете. И наоборот: отгадать песню, допустим, Кукина или Клячкина лично мне не по силам, хотя и у того и у другого есть вещи удачные. Однако вот этого, открытого каждым из них собственного материка, который бы назывался «Кукин» или «Клячкин», этого, увы, нет...

— Вероятно, особенно остро об этом стоит говорить в связи с обильной деятельностью несметного числа столь модных ныне вокально-инструментальных ансамблей — я имею в виду не только исполнительскую манеру, но и качество песен, зачастую созданных в этих же коллективах...

— Вы абсолютно правы: такая пошлость, такая безвкусица, такая похожесть друг на друга... Конечно, никому не запрещается сочинять песни, как говоритесь, на здоровье! Играет парень на гитаре — и слава богу! Но зачем же все это без разбору тащить на эстраду? Куда смотрят те, кто призван отвечать за репертуар подобных коллективов?.. Причем хороший вкус зачастую изменяет не только солистам ВИА: даже талантливая Алла Пугачева тоже постепенно, на мой взгляд, теряет свою собственную интонацию. Обидно...

— Кстати, для ваших песен ваша собственная интонация значение имеет огромное, но многие исполнители, берясь за них, этого не учитывали, и жанр неминуемо пропадал...

— Но есть и исключения. Например, Елена Камбурава исполняет их в собственной интерпретации и, по-моему, хорошо. Правда, иногда этой умной певице, обладающей высоким вкусом, мешает посредственная режиссура. Именно так случилось с песенкой о Леньке Королеве — очень неприятная, дворовая, которую режиссер почему-то решил превратить в балладу, в эталон театрализованного действия, где все время меняется ритм: допустим, если разговор шел о войне, то начиналась бурная оркестровка, а лирические места сопровождалась невыслышимым пиано... И от всей этой «красивости» песенка только проигрывала...

— Как вы сами считаете: ваши песни за четверть века претерпели какое-то изменение, обрели новое качество?

— Пожалуй, обрели. Лирический герой первых моих песен, таких, как о Леньке Королеве или о московском муравье, был непосредственным, простоватым. Потом, начиная, наверное, с «Молитвы Франсуа Вийона» («Пока земля еще вертится...»), я старался глубже проникнуть в его душу. Может, за счет потери непосредственности?

— Признаться, пожалуй: кто из ваших предшественников в песне оказал на вас наибольшее влияние?

— Пожалуй, главный мой учитель — русский фольклор. И песни эти — скорее всего русский фольклор, пересаженный на городскую почву... Почему-то меня часто связывают с Вертинским. Я люблю Вертинского, но как музейную редкость, никогда не был к нему столь близок духовно, чтобы это сказывалось в моей работе... А вот песни Беранже, стихи Вийона и русский романс какое-то влияние, безусловно, оказали...

— У вас ведь два сына...

— Да, Игорь и Антон.

— И они, конечно, любят песни отца.

— Знают, но не поют. Они вообще ребята сдержанные.

— Булат Шалвович, разрешите сфотографировать вас и непременно с гитарой.

— А у меня нет гитары.

— У вас нет гитары?! А та, с которой выступали?

— Как правило, случайная...

— Как же тогда сочиняете песни?

— Дома есть пианино. Одним пальцем подбираю на нем мелодию, потом с ходу переключиваю на гитару...

— Трудно представить, что вот так, «с ходу»... У вас же чаще всего достаточно сложные мелодии...

— Но ведь гитара у меня — инструмент аккомпанирующий, поэтому достаточно нескольких аккордов, а вот голос создает мелодию, там все тонкости...

Беседу вел
Лев СИДОРОВСКИЙ.

Конкурс «Моя песня»

В № 2 за 1984 год клуб «Музыка с тобой» пригласил вас, дорогие читатели, принять участие в конкурсе «Моя песня» — рассказать о своей любимой песне эстрадного репертуара последних лет. Сегодня мы публикуем два письма.

«На дальней станции сойду»

Однажды смотрела по телевизору какой-то фильм, и вдруг зазвучала песня в исполнении Геннадия Белова «На дальней станции сойду».

Я сидела потрясенная; с такой пронзительно-щемящей грустью вспомнила свое военное детство, что больше уж ничего не хотела смотреть и слушать.

Задумавший голос певца, чудесная мелодия, ласковые слова песни напомнили мне далекое уральское село Красномылье, что в 40 километрах от города Шадринска. И я поняла, что всю свою жизнь хотела вернуться в те края, «с высокой ветки в детство заглянуть» и побыть «с былым наедине».

Ясно увиделась щедрая уральская природа тех мест: высокий берег Исети, где стояло село и наш детский дом, сама речка с крохотным цветущим по весне островком Шитиком посередине, заросшим

черемухой, шиповником, смородиной и боярышником. Теплые речные заводи с кувшинками и лилиями, где мы плавали на старенькой лодке. Заливные луга с зарослями дикого чеснока, который буквально спасал нас, голодных детдомовских детей, от авитаминоза. Просторные поля картофеля с вкусными черными ягодами паслена; поля ржи, где мы собирали колоски для колхоза после уборки урожая. Чудесный лес с ягодами и грибами.

Не с Урала ли авторы этой песни? Кажется, в этой песне поет сама раздольная, величавая, открытая и щедрая русская душа. Спасибо создателям песни и певцу за ту огромную радость, что принесла мне эта песня!

Тамара КАЛМЫКОВА,
Мытищи Московской области

«Снег кружится»

Она впервые прозвучала в эфире года два-три назад — песня С. Березина и Л. Козловой «Снег кружится». И сразу, как это обычно бывает с новинками эстрады, стала одной из популярнейших песен сезона. «Сегодня целый день идет снег...» — неслось со всех танцплощадок городов в апрельскую распутицу, августовский зной и октябрьский листопад. Пластинка с этой песней в исполнении вокально-инструментального ансамбля «Пламя» шла нарасхват.

То ли песня о снегопаде не совпадала с состоянием природы, то ли возраст бурных эмоций для меня остался позади, но я не могла разделить неумный восторг своих юных подруг. А может быть, оттого, что я родилась и выросла в бесснежном Владивостоке, мне трудно было проникнуться настроением ее лирического героя. Слушала песню и не «слышала» ее.

И вот однажды, в самый разгар зимы, волею обстоятельств я попала на Камчатку. Собирала материал для дипломной работы. В одном из отдаленных таежных поселков судьба свела меня с молодым охотоведом Владимиром. После долгих уговоров он согласился организовать экскурсию на уголья госпромхоза.

Машина шла по едва приметному следу: всего несколько дней назад Владимир проезжал здесь, но дорогу уже успело замести, и временами она лишь угадывалась. Между тем сворачивать с колеи было опасно: снег лежал по пояс, и стоило водителю ошибиться лишь на несколько сантиметров, как машина тут же зарывалась в сугробы.

Белоствольные березки махали вслед ветвями в белоснежных рукавичках.

В конце третьего дня пути охотовед остановил

снегоход у дверей своего зимовья. В избушке у печи уже хлопотали друзья Владимира, заядлые охотники.

Сидя на нарах, я вертела ручку настройки трансистора. Из хрипов и шорохов эфира вдруг прорвался неожиданно чистый, немного удивленный голос певца: «Такого снегопада, такого снегопада давно не помнят здешние места...» Как-то непривычно, совсем по-новому звучала эта хорошо знакомая песня здесь, в закопченной охотничьей избушке, среди снегов и вековой тайги.

— Пойдем на улицу, — позвал Владимир, — подышим свежим воздухом, — и первым отворил дверь зимовья.

Как продолжение песни, на улице шел снег. Он падал, тихо кружась. Плавно и невесомо опускались на землю пушистые хлопья. И, словно зачарованный этим волшебным зрелищем, замер могучий пойменный лес, окружавший со всех сторон зимовье. Хрустальными колокольчиками звенела тишина, запутавшись в вершинах громадных деревьев. Откинув капюшон штормовки, я удивленно запрокинула голову: хотелось слушать эту зимнюю музыку бесконечно.

— Идем, — потянул меня за рукав Владимир, — простынешь.

И мы пошли по «буранному» следу, едва различимому в пелене снегопада. И снег лежал перед нами, белый-белый...

С той самой поры, когда бы мне ни довелось услышать давно уже не самую популярную, но теперь самую любимую песню «Снег кружится», вспоминаю затерянный среди тайги домик — приют неутомных лесных бродяг — и двоих чудачков, которые, взявшись за руки, бредут куда-то в снежной мгле...

Людмила ВАСИЛЬЕВА,
Владивосток

Конкурс «Моя песня» продолжается. Повторяем его условия:

— Кто, на ваш взгляд, лучший исполнитель любимейшей песни и почему?

— Насколько слова и музыка сочетаются друг с другом?

— Какие мысли и чувства вызвала у вас эта песня?

Хотелось бы, чтобы ваши письма о любимой песне были небольшими этюдами.

Самые интересные мы будем публиковать в клубе «Музыка с тобой».

Ждем ваших писем с пометкой на конверте: «Моя песня».

Поэтический аккорд

Е. МУРЕНИНА,
Саратов

Снова осень пришла ко мне —
Желтый лист.
За стеною грустит рояль.
Ференц Лист.
Осень слушает, притаясь
Под окном,
Чтобы дождь повторить рояль
Смог потом.

Валерий НЕРОКОВ,
г. Одинцово
Московской области

Я делился песнями с друзьями,
Пальцы в пепел истирал о струны,
И взвивались искры над кострами —
Кто сказал, что мы не вечно юны...

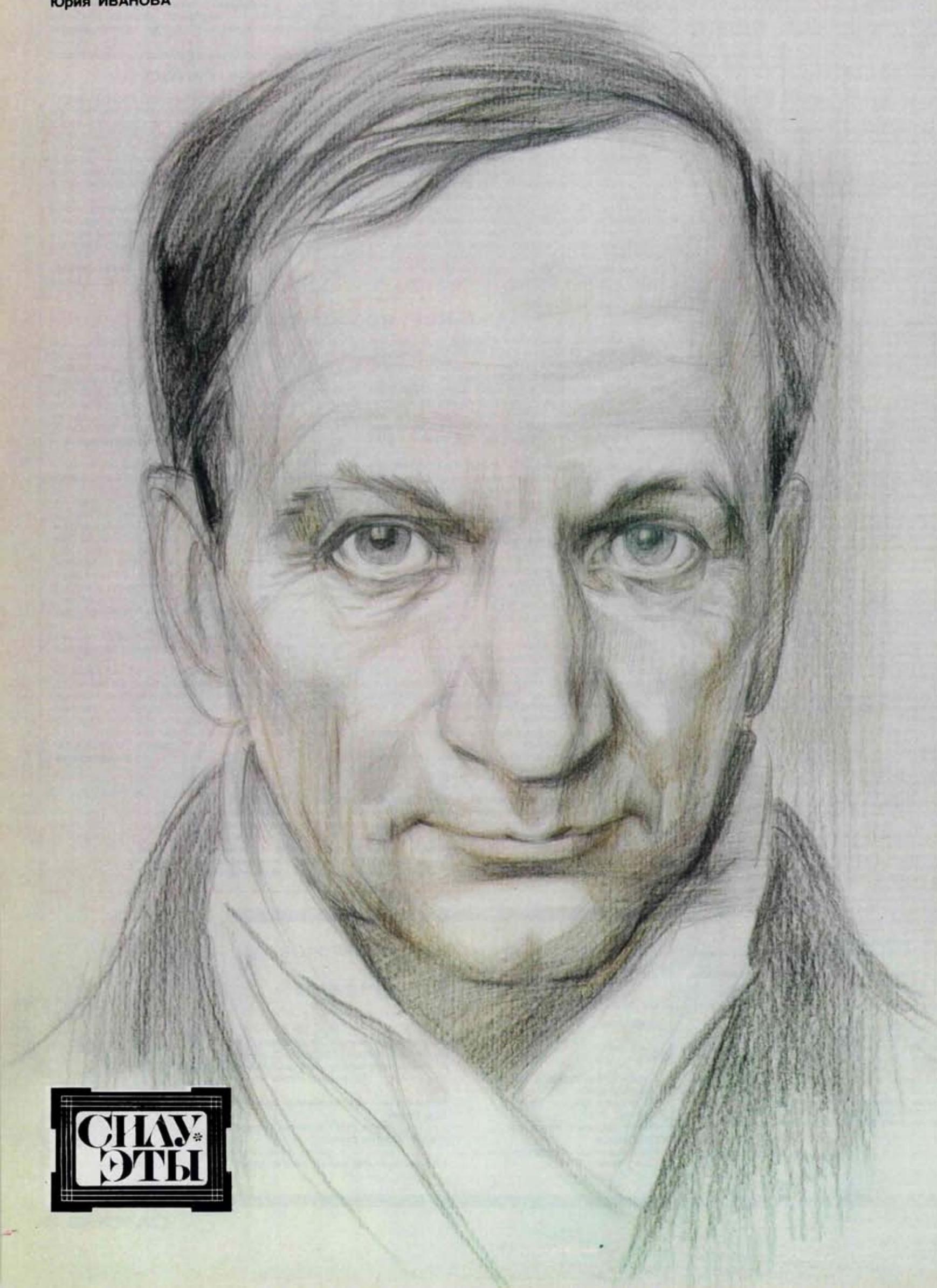
Наши песни — про любимых женщин,
Про волну,

про норд и парус шхуны.
Жизнь короче стала,

но не меньше —
Кто сказал, что мы не вечно юны.

КЛУБ
«Музыка
с тобой»

Рисунок
Юрия ИВАНОВА

ПЛАТОНОВ

Игорь МОТЯШОВ

В городской уличной тесноте дома, похоже, не сильно разнятся по высоте. Какой-нибудь двухэтажный особнячок способен даже закрыть от взора высотное здание, стоящее в близком квартале. Но из окна поезда видно, что по мере удаления от города одни строения, как и положено, становятся все ниже и меньше, пока не сгинут за горизонтом. Другие, напротив, словно вытягиваются вверх, выступая над застывшими их стенами и деревьями, и еще долго зримо после того, как ничем иным город о себе уже не напоминает.

Так увидел Андрея Платонова уже из наших дней автор известных мемуаров «Друзья мои — книги» Владимир Лидин. «Андрей Платонов, — признается Лидин, — глубоко проник мне в душу каким-то своим сердечным, необычайно нежным и мудрым отношением к людям, которые стали героями его рассказов. С опозданием, как это нередко случается, я с горечью подумал, что недостаточно знал этого отличного писателя. Но у писателя остаются книги, и им нередко дано стать друзьями читателя уже на вечные времена».

Платонов бы не был самим собой и не занял бы столь значительного места в нашем культурном сознании, если бы не разделил сполна со своим народом и родины их трудной и героической судьбы.

Он родился 20 августа (1 сентября) 1899 года в Ямской слободе на окраине Воронежа, в многодетной семье слесаря железнодорожных мастерских Платона Климентова, который, хотя и провел сорок лет «у масла и машин», в глубине души навсегда сохранил крестьянскую привязанность к полю и до исхода дней своих мечтал о возвращении в деревню под Задонском, на родину. Так что, слушая рассказы отца, маленький Андрей, еще ни разу не видевший деревню, любил ее, как скажет впоследствии, «до слез».

Еще учеником городского училища, куда он поступил по окончании церковноприходской школы, Платонов начинает сочинять стихи. В них сквозь осязаемое влияние великих земляков — Кольцова и Никитина — пробиваются неизгладимые в своей конкретности впечатления детства. В одной автобиографической заметке писатель скажет: «До революции я был мальчиком, а после нее уже некогда быть юношей, некогда расти, надо сразу нахмуриться и биться». Впрочем, «некогда расти» ему было уже в отрочестве. В семье, состоящей из десяти человек, он был старшим сыном. Отец на свой заработок не мог прокормить столько ртов. И в 13 лет, не закончив учебы, Андрей идет «в люди», в рабочий класс.

Смолоду природа одарила его талантом удивляться и радоваться каждому чуду жизни и согласного людского труда, обнимая сердечным вниманием весь обзримый мир. «Кроме поля, деревни, матери и колокольного звона, — читаем в одном его юношеском письме, — я любил (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машины, ноющий гудок и потную работу». Разделение мира на природу и создания человеческих рук, на деревню и город казалось ему искусственным. Он бы ни за что не понял противопоставления одного другому.

Как и герой его повести «Происхождение мастера» Саша Дванов. Платонов встретил Октябрь восемнадцатилетним. Личный биографический рубеж перехода из детства в зрелость в точности совпал для него с рубежом человеческой истории. По ту сторону, в прошлом, оставалось для Платонова главным образом то, что уже никак не имело права повториться: смертельная нищета и слепое убожество жизни миллионов тружеников, которым их каждодневная борьба за выживание не оставляла сил на радость осознания собственного бытия и на любовь к другому человеку. Впереди же открывались возможности для воплощения извечной надежды на всенародное счастье, на гармонию человека с себе подобными, самим собой и природой.

Хотя учиться ему пришлось недолго, Платонов был универсально начитанным человеком. Вскоре после Великой Октябрьской революции он поступил в железнодорожный воронежский политехникум. Но к Воронежу приблизился фронт, и Платонов ушел на войну с денкинцами помощником машиниста бронепоезда. Потом в частях особого назначения участвовал в разгроме белокулацких банд. А вернувшись на студенческую скамью, закончил политехникум по специальности гидрофикация и электрификация сельского хозяйства, соединив, таким образом, в своей профессии достижения городской цивилизации с насущными потребностями российской деревни, к патриархальной нищете и отсталости которой добавилось опустошение многолетней войной. На избрание рода занятий влияло призвание, долг, стечение обстоятельств. Платоновым руководила любовь. Родина не была для него понятием смутным и отвлеченным.

Служа в Воронежском губернском землеуправлении, Андрей Платонов, тогда еще Климентов, строил прудовые плотины, рыл в деревнях колодцы с креплением из бетонных колец, руководил сооружением мостов и дорог с грунтовыми и каменными покрытиями, дамб и электростанций, осушал и орошал тысячи десятин земли и организовывал мелиоративные товарищества, чтобы, как напишет он много лет спустя в рассказе «Афродита», «всеми средствами одолеть бедность хозяйства и приобщить ко всему народу олинковку крестьянскую душу».

Литература в те годы еще не стала главным делом его жизни, но в 1921

году в коллективном сборнике воронежских поэтов были напечатаны стихи Андрея Платонова. Тогда же отдельной брошюрой вышел его доклад «Электрификация», вызвавший немало толков. А год спустя в Краснодаре была издана первая книга — сборник стихотворений «Голубая глубина». В воронежских газетах «Воронежская коммуна», «Огни», «Красная деревня», в московском журнале «Кузница» печатаются его статьи, рассказы, очерки. «Голубую глубину» заметил В. Я. Брюсов. «В своей первой книге А. Платонов настоящий поэт, — писал он в журнале «Печать и революция», — еще неопытный, неумелый, но уже своеобразный... Будет очень грустно, если все это окажется лишь «пленной мысли раздраженьем», и такие прекрасные обещания не дадут достойных осуществлений».

Хотя стихи Платонова появляются в журналах и сборниках вплоть до 1932 года, проза, как оказалось, более всего отвечала творческой индивидуальности Платонова — его потребности в пристально-всестороннем изучении и углубленно-философском осмыслении увиденной в упор человеческой судьбы. Только в прозе могли полностью выразиться переполнявшие душу писателя впечатления, чувства и мысли, рождавшиеся в тесном контакте с революционной действительностью.

Необычайно насыщены в жизни Платонова годы 1924-й и 1925-й. На них приходится наиболее активная деятельность молодого мелиоратора и электрификатора в масштабах тогдашней Воронежской губернии. И в эти же самые годы им написана книга повестей и рассказов «Епифанские шлюзы», обратившая на себя восторженное внимание М. Горького.

2 октября 1927 года Алексей Максимович писал Ф. Гладкову: «За этот год появилось четверо очень интересных людей: Заяицкий, Платонов, Фадеев, Олеша. Удивительная страна». Из четверых Платонова выделяло то, что в те годы он писал не только о революции и гражданской войне, но и смело, по своему, глубоко осваивал новую тему социалистического строительства, которое он в отличие от Олеша и Заяицкого показывал не через восприятие дореволюционного интеллигента, болезненно «враставшего» в социализм, а в непосредственном ощущении трудовых, хотя и социально неоднородных, «низов».

В повести Платонова «Ямская слобода» (1927) один из персонажей, кузнец и шорник Макар, говорит, что «революция, как дождь, стороной где-то прошла, а Ямской слободы не тронула...». Про двадцатилетнюю Марию Нарышкину, героиню рассказа «Песчаная учительница» (1927), сказано, что «ее глухая пустынная родина осталась в стороне от маршевых дорог красных и белых армий...», отчего до шестнадцати лет «ни война, ни революция ее почти не коснулись». То же известно и про описанный в одноименной повести «город Градов», который хотя и лежит от Москвы «в пятистах

верстах, но революция шла сюда нашим шагом».

Изображая инертный мир российской провинции, населенный приданным нуждой людям, еще не осознавшим себя народом, писатель словно измерял действие революции в глубину: насколько уже в первое послереволюционное десятилетие повернула она вековечный уклад жизни даже там, где не тронула его гражданская война, насколько всерьез приняты массой, еще вчера безмолвной и привычно покорной, происходящие в стране перемены.

В этом подходе осязаема самая суть Платонова: прямая, я бы сказал, генетическая связь с Великим Октябрем, стремление увидеть и запечатлеть, будто в замедленной киносъемке, сложнейший процесс самораскрытия и роста души человека, в той или иной степени причастного к трудной работе осуществления революционных идеалов.

По собственному опыту электрификатора и мелиоратора Платонов видел, что взятие власти восставшим пролетариатом в крестьянской стране — лишь первое, необходимое, но, возможно, даже не самое трудное дело революции. Вдохнуть новую душу в миллионы бесцельно прозябавших людей, обратить их взор, мысли и дело к творчеству большой, истинно человеческой судьбы — такова главная историческая задача большевиков. Вот почему уже в первых рассказах и повестях Платонова как ведущий и определяющий звучит мотив посланца новой, Советской власти в недра народной жизни с задачей внести туда свет, дух и смысл революции.

Двадцатилетняя Мария Никифоровна Нарышкина («Песчаная учительница») направлена по окончании педагогического училища в школу села Хошутово, стоящего на краю пустыни, чтобы обучать детей грамоте. Но она быстро открывает для себя, что «в школе надо сделать главным предметом обучение борьбе с песками, обучение искусству превращать пустыню в живую землю». Ей удается увлечь недочервящих крестьян, потерявших всякую надежду на улучшение жизни, на кропотливую, медленную работу противостояния наступающим из пустыни пескам. И за три года происходит невероятное: посаженные вокруг села кустарники и сосны останавливают песок, прибавляется воды в колодцах, увеличивается скудный урожай, отступает казавшийся неизбежным голод. Дети не умирают в селе от истощения, как было в первую зиму ее работы.

Но однажды в конце лета в Хошутово подходит со своими стадами кочевники. В три дня их скот обглодал кустарник, уничтожил молодые сосенки, досуха выпил колодцы. Призрак новой, еще более страшной, чем прежде, голодной зимы надвинулся на село. Мария Никифоровна в ярости едет к вождю кочевников и между ними происходит такой разговор:

— Травы мало, людей и скота много:

нечего делать, барышня. Если в Хошуте будет больше людей, чем кочевников, они нас прогонят в степь на смерть, и это будет так же справедливо, как сейчас. Мы не злы, и вы не злы, но мало травы. Кто-нибудь умирает и ругается.

— Все равно вы негодяй! — сказала Нарышкина. — Мы работали три года, а вы стравили посадки в трое суток... Я буду жаловаться на вас Советской власти, и вас будут судить...

— Степь наша, барышня. Зачем пришли русские? Кто голоден и ест траву родины, тот не преступник.

Впервые за двадцать три прошедших года Мария Никифоровна вплотную встречается с, казалось бы, неразрешимым противоречием. По молодости и неопытности ей все же думается, что вождь кочевников хотя и умен, но не прав, и она едет с жалобой в окружной отдел народного образования. Заведующий окроно внимательно выслушал ее. Однако вместо того, чтобы возмутиться преступлением кочевников, предложил ей перевестись на работу в еще более отдаленное село Сафута, где в отличие от Хошуты живут не русские переселенцы, а переходящие на оседлость кочевники. Недоумевающей учительнице он объясняет, что крестьяне Хошуты, понявшие на опыте пользу посадок, теперь обойдутся и без нее, сами восстановят загубленное. А Нарышкина нужнее в Сафуте, чтобы обучить культуре песков осевших там скотоводов. Сафута, ставшая оазисом, привлечет других кочевников, и риск потравы посадок в Хошуте и других селениях уменьшится.

Так Маша постигает трудную правду большевиков. Наказать нарушителей легко, но эта мера ничего не изменит по существу, лишь перенесет беду с одной группы людей на другую. То, что предлагает завокроно, рассчитано на годы, возможно, десятилетия упорного и разумного труда. Но когда в гордиев узел стянуты людские судьбы, его нельзя разрубить, ибо нельзя рубить по живому, не причинив боли и не пролив крови; такой узел можно только распутать. Это понимает героиня. Она говорит: «Ладно. Я согласна... Постараюсь приехать к вам через пятьдесят лет старушкой... Приеду не по песку, а по лесной дороге...»

Ее ответ вызывает растроганное замечание заведующего: «Вы, Мария Никифоровна, могли бы заведовать целым народом, а не школой. Я очень рад, мне жалко как-то вас и почему-то стыдно... Но пустыня — будущий мир, бояться вам нечего, а люди будут благодарны, когда в пустыне вырастет дерево...»

Завокроно произносит всего несколько фраз, но в них встает живой человек, тоже, как и Маша Нарышкина, жертвующий для народного счастья чем-то сугубо личным и потому понимающий величину чужой жертвы.

У Саши Дванова из повести «Происхождение мастера» (1930) есть покровитель и наставник Захар Павлович. Имея золотые руки, отлично исполняющие всякую работу, своим умом постигая тайны механизмов, казалось, доступные лишь людям, долгие годы потратившим на книжную премудрость, этот удивительный человек «никогда ничего не сделал» лично для себя — ни семьи, ни жилища, ни собственности. Семей его на старости лет стал сирота Саша.

После революции повзрослевшему Саше кажется, что вся мерзость навсегда оставлена в прошлом. В новом, справедливом мире, где вырваны социальные корни зла, само по себе исчезнет и зло. Но Захар Павлович

неспроста напутствует Сашу, уходящего на фронт гражданской войны: «Хоть они и большевики и великому-человеку своей идеи... но тебе надо глядеть и глядеть. Помни — у тебя отец утонул, мать неизвестно кто, миллионы людей без души живут, — тут великое дело...»

Пусть не сразу, но рано или поздно Дванов непременно поймет сердцем, глубоко усвоит умом всю грандиозность всемирно-исторической задачи, поставленной большевиками: *вдунуть душу* в миллионы людей, привыкших жить «без души», довольствуясь хлебом насущным, ничем глубоко не дорожа, ни за что не отвечая, научить их ценить жизнь, труд и талант — свои и чужие, научить работать, быть счастливыми.

Идет ли речь об инженере Федоре Евстафьеве («Фро», 1936), председателе колхоза Егоре Ефимовиче («Июльская гроза», 1936), Назаре Фомине («Афродита», 1944) или о выпускнике Московского экономического института Назаре Чагатаеве из повести «Джан» (1935), мы понимаем, что для Платонова коммунизм — понятие прежде всего нравственное.

Направленный в пустыню, чтобы спасти от вымирания малочисленный народ джан, Чагатаев ощущает это поручение как сыновий долг перед матерью, перед народом, который дал ему жизнь, и одновременно перед революцией и партией Ленина. Примечательно, что повесть пишется сразу вслед за выходом романа Н. Островского «Как закалялась сталь». Назар Чагатаев — духовный брат Павки Корчагина. И дело не в том, что они принадлежат к одному поколению. Их родство — в характерах, в том, что Чагатаев служит реальному воплощению идеалов революции с корчагинской идеальностью, беззаветностью и верой, что ему, как и Корчагину, ничего не нужно от Советской власти «для себя». Как и Корчагин, Чагатаев является воплощением совести трудового народа. Революционная идея для обоих существует не сама по себе — она вбирает, концентрирует народную мечту о справедливости и человечности как общим законом жизни.

И вот что главное в Чагатаеве: став волею судеб вождем малочисленного народа, он не представляет свое положение иначе, как только беззаветное служение каждому отдельному человеку. Невелика честь, словно бы говорит писатель, отдать жизнь за народ вообще, за некую нерасчлененно-близкую массу, ибо в таком служении нередко теряется грань, отделяющая тщеславного властолюбца от руководителя левинского типа. Чагатаев готов отдать жизнь (и на деле не раз рискует ею) за каждого отдельного человека, пусть самого жалкого и ничтожного.

У рассказа Платонова «В прекрасном и яростном мире» (1941) есть второе название — «Машинист Мальцев». Образ Мальцева как бы продолжает линию мастеров-рабочих, намеренную писателем в образах Захара Павловича, отца Фроси или отца Никиты Фирсова — столера-краснодеревщика из рассказа «Река Потудань» (1937). Но хотя помощник Мальцева Костя, от лица которого ведется повествование, относится к своему шефу с безоговорочным восхищением, одна особенность Александра Васильевича Мальцева настораживает. Мальцев — при всей его любви к машине и к жизни — как бы равнодушен к другим людям. Он одиночка по характеру. Ему безразлично, кто у него в помощниках. Даже неважно, как помощник работает. Он сам все переповерит, ибо в его натуре полагаться

лишь на самого себя. Но такая чрезмерная самоуверенность и подводит Мальцева, когда ему внезапно отказывает зрение. Не обратив внимания на предупреждение Кости, он едва не допускает крушения поездов.

Для идеи рассказа образ Кости важен ничуть не меньше, чем сам Мальцев. Как Дванов Захару Павловичу, так Костя наследует Мальцеву в работе. Но наследование у Платонова никогда не есть простое повторение. Костя учится у Мальцева живому ощущению машины, непревзойденному умению вести тяжеловесный состав. Однако и Мальцев получает от Кости памятный урок гражданского неравнодушия, человечности, заинтересованности посторонней судьбой.

Платонов принадлежал к тем избранным художникам слова, произведения которых безошибочно узнаются по немногим наугад прочитанным фразам. У него свои слова, лишь ему присущая манера соединять их в предложения, своя неповторимая интонация, выражающая мировидение писателя, его отношение к человеку.

В неторопливой и негромкой музыке платоновского слога слыты усталость большого труда, тепло сердечного участия к простому человеку, мудрость понимания единства всего сущего на земле, мужество говорить правду, даже если она груба и страшна. Временами писатель, кажется, прикасается к волоску границы, разделяющей реализм и натурализм. Но от сговора натуралистического верхоглядства его надежно охраняет почти детская целомудренность и непосредственность писательского зрения.

Хотя попытки проникнуть за видимую оболочку явлений, осмыслить их философски, открыть внутренние связи причин и следствий в жизни отдельных людей и общества в целом, вытекающие из самой сути писательского дарования Платонова, и побуждают его к рассуждениям и обобщающим выводам, он последовательно избегает дидактической, высокопарной риторики. Простоте, жизненной естественности прозы Платонов учился у Пушкина и Толстого, как учился он живой русской речи у людей молчаливых, не признающих самоценного красноречия, для которых слово — такая же несправедливая необходимость, как хлеб, работа, дети.

Будто при взгляде через увеличительное стекло, рисует Платонов стремительно краткую человеческую жизнь, неотделимую, однако, от медленного течения времени, лишенного сроков. И мы видим, что часто, много чаще, чем принято предполагать, жизнь людей есть подвиг, не только не отмеченный какими-либо внешними отличиями: наградой, почестями, славой, властью или иными личными обретениями, — но и не понимающий ценности таких обретений для обычного, нормального счастья. Аскетически скудная в своем зримом выражении, жизнь платоновского героя обычно глубока, богата и истинна по сути. Это осмысленный, нужный людям труд, сотканный невидимых нравственных нитей, соединяющих сердца людей не только непосредственно, а и «сквозь души других».

Доминанту своего писательского участия Платонов определил формулой «у человеческого сердца». В молодые годы он немало сил отдал постройке в степных засушливых местах колодезев и водосборных плотин, спасающих крестьян от былой нужды и голода. Сделавшись писателем, он с меньшим упорством пробивался в сокровенные глубины человеческой души, казалось бы, до дна испитой столетиями «нищеты, отчаяния и смирен-

ной косности», — к живительным, никогда полностью не иссыхающим родничкам любви, доброты, сердечности, сострадания, сочувственного желания понять другого, приобщиться к делам высоким и прекрасным. Надежно и прочно укладывает Платонов слова своей прозы в душу читателя — словно заслон строит, который призван ограждать человека от разрушительных внешних влияний, помочь не упустить в водосбор самое дорогое и ценное.

Гуманизм Платонова выразился, в частности, в том, что биологические потребности человека писатель отнюдь не отделяет от жизни духа, от нравственного поиска и возвышения. Так, Платонов никогда не описывает, как едят сытые, ибо для них еда уже не имеет значения первостепенности. Но он много раз описывает еду голодных.

«Мальчик взял заплесневелый ломоть из кучки порченного хлеба; очевидно, лучший хлеб он сносил в деревню родителям, а плохой ел сам» («Происхождение мастера»).

«Затем началась еда. Люди ели мясо без жадности и наслаждения, выщипывая по небольшому куску и разжевывая его слабым отвыкшим ртом...» («Джан»).

«Каждый раз Никита приносил Любе на ужин немного пищи из столовой при мастерской крестьянской мебели; обедала же она в своей академии, но там давали кушать слишком мало, а Люба много думала, училась и вдобавок еще росла, и ей не хватало питания. В первую же свою получку Никита купил в деревне коровьи ноги и затем всю ночь варил студень на железной печке, а Люба до полночи занималась с книгами и тетрадями, потом чинила свою одежду, штопала чулки, мыла полы на рассвете...» («Река Потудань»).

«Петрушка за столом съел меньше всех, но подобрал все крошки за собою и выссыпал их себе в рот.

— Что ж ты, Петр, — обратился к нему отец, — крошки ешь, а свой кусок пирога не доел... Ешь! Мать тебе еще потом отрезет.

— Поест все можно, — нахмурившись, произнес Петрушка, — а мне хватит.

— Он боится, что если он начнет есть помногу, то Настя тоже, глядя на него, будет много есть, — простосердечно сказала Любовь Васильевна, — а ему жалко.

— А вам ничего не жалко, — равнодушно сказал Петрушка. — А я хочу, чтоб вам больше досталось.

Отец и мать поглядели друг на друга и содрогнулись от слов сына («Возвращение»).

Особенно велико для писателя нравственное значение хлеба, в котором для него как бы концентрируется одновременно и живительная плодородящая сила природы и самый изначальный, самый насущный труд — пахаря, земледельца. В рассказе «Июльская гроза», о котором К. Паустовский писал, что «ничего более ясного, классического и побеждающего своей прелестью я, пожалуй, не знаю в современной нашей литературе», даже четырехлетний Антошка, идущий с сестрой Наташей меж высокими стенами ржи с тяжело клонящимися колосьями, понимает, что «это растет хлеб, первое добро жизни, чем держатся люди».

В одной этой коротенькой фразе, не составляющей даже целого предложения, выстраивается ряд: хлеб — добро — жизнь — люди. Обозначающие простое и главное, такие слова в платоновской прозе являются опорными. На них, как на невидимом каркасе, воздвигается все произведение.

Мысль писателя никогда не отходит от них далеко, все время возвращается к ним, замыкая их во все новые и новые связи. По опорным словам, будто по вехам, можно проследить движение внутренних тем, общих для всех произведений Платонова.

«Труд есть совесть», — сказал однажды Платонов. Мало у кого из современных ему русских писателей найдем мы столь проникновенное и разностороннее осознание нравственного значения работы, вдохновенного мастерства, создающего материальную и духовную культуру и самого человека.

Смысл труда, по Платонову, постигается лишь в контексте других связей и отношений. Человек совершает свой труд не ради людей вообще, а ради тех, кто ему дорог, кого он любит. Сама любовь у Платонова не присвоение, а отдача, забота, которая возникает и усиливается по мере того, как один человек делает что-то для другого. Об этом лучше всего Платонову удалось сказать в «Реке Потудань», где чувство Никиты к Любе столь всепоглощающе огромно, беззаветно и самозабвенно, что «у него вся сила бьется в сердце, приливает к горлу, не оставаясь больше нигде». О такой любви Платонов по другому поводу однажды напишет: «Слишком интенсивное превращение животного начала в духовное — любовной страсти в чистое сердце — бьет опасным и даже гибельным». То прозаическое обстоятельство, что «Никита не может мучить Любу ради своего счастья», едва не обернулось несчастьем, трагедией для обоих.

Слабый и жалкий от любви, Никита исполнен заботы, однако, о своих еще не зачатых детях. После работы, оставаясь в мастерской крестьянской мебели, Никита с разрешения начальства делает детский столик, кроватку-качалку, стул. Даже в этом рассказе, где среди действующих лиц нет ни одного ребенка, могуче звучит тема детства.

Платонов — один из самых чутких и внимательных исследователей детства в советской литературе. Впрочем, не только особенным интересом к детству и юности как решающим моментам человеческой жизни, предпочтительным изображением молодого героя или откровенной поучительностью, но и по самому существу своего таланта, стремящегося охватить мир целиком, как бы единым, непредубежденным и всепроникающим взглядом, близок Платонов юным.

«Страной бывших сирот» назвал Советскую Россию Платонов в 30-е годы. Будто о Саше Дванове, самостоятельном, сызмала познавшем цену хлеба и людской доброты, сказал, оглядываясь назад из сороковых годов, Михаил Пришвин в повести-сказке «Корабельная чаща»: «Время народного сиротства нашего кончилось, и юный человек входит в историю с чувством беззаветной любви к матери своей — родной земле — и с полным сознанием своего культурного мирового достоинства».

Платонову пришвинская мысль органически близка. Мать — родина — отец — отечество — семья — дом — природа — пространство — земля — таков еще один ряд характерных для платоновской прозы опорных понятий. «Мать... самая близкая родственница всех людей», — читаем в одной из статей писателя. Какие удивительно пронзительные образы матерей запечатлены на страницах его книг: Вера и Гюльчатая («Джан»), Люба Иванова («Возвращение»), безымянная древняя старуха в «Родине электричества»... Кажется, в них воплощены все ипостаси материнства, заключающего

в себе и любовь, и самоотверженность, и силу, и мудрость, и прощение.

Но вот строка в дневнике: «Надо относиться к людям по-отцовски». Запись чисто «платоновская». Ведь и сапожник Моисей Цвирко («Алтеркэ»), и машинист-пензионер, отец Фроси Евстафьевой («Фро»), и старый столяр, отец Никиты («Река Потудань»), и Захар Павлович («Происхождение мастера»), и Назар Чагатаев («Джан»), и старик из дальнего колхоза, и председатель Егор Ефимович («Июльская гроза») — все они независимо от того, имеют рожденных ими детей или заботятся о чужих, памятливы именно проявлениями своих отцовских чувств, в которых так много неназойливой самоотдачи, жалости, понимания, терпения!

И капитан Иванов («Возвращение»), этот обыкновенный человек, плененный обыкновенными человеческими слабостями, незаметно вырастает в глазах читателей и в своих собственных, когда в нем пробуждается истинно отцовское чувство: щемящая, жалостливая все его существо жалость к детям — Петрушке и Насте, которые безнадежно пытаются догнать увозящий его поезд. Сколь ничтожна в сравнении с этим овеществленным в поступке детским страданием его ревность, боль увзленного мужского самолюбия! И как человек, которому удается коснуться другой жизни обнажившимся сердцем!

В рассказе «Река Потудань» вернувшийся с гражданской войны Никита Фирсов в сумерках подходит к городку, где он родился и жил до ухода на фронт. «...Фирсов увидел свою родину в смутной начавшейся ночи. То было покато, медленное нагорье, подымавшееся от берегов Потудани к ржаным возвышенным полям. На этом нагорье расположился небольшой город, почти невидимый сейчас благодаря темноте. Ни одного огня не горело там». Не в обычае Платонова словосочетания, казалось бы, более подходящие описанному факту: «родные места», «родимая сторона», «родной город»... Для всех подобных случаев слово «родина», простое, точное и емкое в своем значении, видится ему особенно подходящим.

Чувство родины — отчего дома, матери и отца, окружающего дом пространства, равного в раннем детстве, как о том превосходно написано в рассказе «Никита», целой вселенной. — это чувство, укрепляясь и разрастаясь, постепенно обнимает собой и улицу, и поселение, и район, и область, и, наконец, целую страну, подымая человека на высоту его патриотизма, беззаветной верности народу, в наследство от которого мы получаем не только язык, национальную историю и культуру, но и самую душу.

Так замыкается горизонт сокровенного платоновского мира, в центре которого, как бы на пересечении всех тем писателя возникает тема счастья. В конце концов именно о счастье мечтают и английский инженер Бертран Перри («Елифанские шлозы»), и изобретатель лунной бомбы Крейцкопф, и нищий сапожник Моисей Цвирко, и мастер Захар Павлович, «ищущий самую серьезную партию», которая бы ясно и прямо поставила своей целью народное благо, и Копенкин с боевыми товарищами («Кончина Копенкина»), и Никита Фирсов с Любой, и машинист Мальцев, и пишущий стихи о будущей «могучей и прекрасной» жизни сельский делопроизводитель Степан Жаренов из рассказа «Родина электричества»...

О том, что такое счастье народа и

каждого человека в отдельности, более всего говорится в повести «Джан», где люди начинают новую жизнь с границы между бытием и небытием, с состояния воистину доисторического и даже дочеловеческого. И по мере того, как обретают они пищу и кров, возможность любить, желать, думать, расширяются не только их потребности, но и границы их представлений о счастье. Однако если у Нур-Мухаммеда это расширение характеризуется чисто количественно, сказываясь лишь на росте его притязаний хищника-потребителя, то у Суфьяна, Моллы Черкезова, Старого Ваньки, Аллаха, Тагана, Кара-Чормы и других представителей народа джан понятие счастья претерпевает изменения качественные. Счастье все больше осознается ими как возможность жить по большому счету, совершенствуя в труде на общее благо свои истинно человеческие «способности чувствовать, мучиться, мыслить и бороться».

Вот почему и самый счастливый из смертных, пока душа его не умертвлена сытым равнодушием, ненавистью или суетной погоней за обывательским успехом, не может жить беспечно. Только горе у счастливого не такое жалкое, как «горе ящерицы или черепахи». Ведь оно горе человека, для которого его личная жизнь — это весь прекрасный и яростный мир: и труд мастера, и любовь к женщине, и мать, и отец, и дети, и родина, и революция, и кровная близость к народу, и строительство будущего.

Любое нарушение в сложном и тонком сплетении бесчисленных и глубоких связей человека с миром и временем вызывает вулканическое потрясение его души, чреватое для него катастрофой. Но во множественности этих связей и сила человека, позволяющая ему до конца исполнить свое земное предназначение: отдать жизнь, как говорил Платонов, «обратно правде, земле и народу. — отдать больше, чем... получили от рождения, чтобы увеличился смысл существования людей».

В годы Великой Отечественной войны с октября 1942-го и до победного мая 1945-го Платонов — фронтовой корреспондент газеты «Красная звезда». Он не покидает армии и тогда, когда заболевает тяжелой формой туберкулеза. Корреспонденции, рассказы, очерки Платонова появляются во фронтовых и центральных газетах, в издательствах выходят сборники его военных рассказов: «Броня», «Рассказы о Родине», «В сторону заката солнца» и другие.

Ярко запечатлели по горячим следам событий картину бессмертного подвига народа в борьбе с фашистскими захватчиками рассказы А. Платонова «Одухотворенные люди», «Среди народа», «Седьмой человек», «Маленький солдат», «Взыскание погибших», «Сержант Шадрин», «Сампо», «Неодушевленный враг», «Иван великий», «Афродита», «Ветер-хлебопашец», «Девушка Роза».

Неодушевленной силе фашизма писатель противопоставляет непобедимую стойкость советских людей, одухотворенных любовью к Родине, сочувствием другим людям и верой в неизбежность таких человеческих ценностей, как труд, совесть, человечность, правда. «Всякая мысль, — записывает он в послевоенном дневнике, — всякое интеллектуальное движение без своего эквивалента и отображения в чувстве, усиливающего мысль в квадрате, есть ложь и нечестность».

Отвергая мысль, будто духовность может быть связана только с образованностью, книжной ученостью и недоступна людям грубого физического труда (по крайней мере до тех пор,

пока они не получили соответствующего образования), Платонов утверждал, что «разум... находится как раз ближе всего к практике» и люди, измененные угнетением, «размышляют о своей судьбе больше любого интеллигента».

Как часть народа, наиболее полно и точно выражающую народные чаяния и устремления, показывал Платонов в своих книгах партию коммунистов-ленинцев. «Народ ведь никогда еще не передоверял кому-либо заботу о своей участи», — писал он в статье «Пушкин и Горький», подчеркивая органическую народность самого понятия «коммунизм».

Образы коммунистов у Платонова могут быть поняты лишь в соотношении их с представителями наиболее глубинного, низового, далекого от книжного просвещения и еще не вовлеченного в общественную жизнь слоя тружеников.

Один из персонажей Платонова говорит: «Это только сверху кажется, только сверху видать, что снизу — масса, а на самом деле внизу отдельные люди живут, имеют свои наклонности, и один умнее другого». Человек не выделяется из потока других лишь при поверхностном и нелюбопытном взгляде на него. Писатель и слово для этого человека нашел — сокровенный. Таковы герой повести «Сокровенный человек» машинист Фома Пухов и молодой батрак Филат из повести «Ямская слобода». И Наташа Фомина, которую Назар Фомин называл по себе Афродитой. И отец и сын Фирсовы из «Реки Потудань». И работница кирпичного завода Любовь Васильевна Иванова из рассказа «Возвращение». И целый народ джан, затерявшийся в бесплодных песках пустыни... Платоновское особенное умение раскрыть, сделать очевидным «душ золотые россыпи» этих людей оказалось для советской литературы особенно плодотворным. Его гуманистическую, демократическую традицию мы узнаем сегодня и в Танабае Бакасове или Буранном Едитее Ч. Айтматова и в героях В. Шукшина, В. Астафьева, В. Распутина, В. Белова...

Много и напряженно работает писатель после войны, несмотря на то, что силы покидают его. В эти годы им созданы такие жемчужины его прозы, как «Возвращение», «Любовь к Родине», сказка «Уля».

Умер Андрей Платонов 5 января 1951 года.

Он сам избрал для себя наиболее трудный путь в искусстве: путь, говоря его собственными словами, «сквозь страдание, а не в обход его». Путь бескомпромиссной верности правде народной жизни и беспощадной требовательности к себе во всем, что касалось творчества. «Искусство — дело не менее серьезное, чем жизнь, но кто живет в виде попытки? — сказал однажды Платонов. — Если жизнь не удастся, ее невозможно исправить, прожив заново вторично. Книги тоже следует писать каждую как единственную, не оставляя надежды в читателе, что новую, будущую книгу автор напишет лучше».

С этим ощущением ответственности за каждое слово, как за дело всей жизни, писатель прошел свой путь от начала и до конца. Оттого незамутненная правда и зримая пластичность платоновского слова делают его не тускнеющим от времени зеркалом души писателя, чье сердце вместило поиски и свершения, заблуждения и находки, потери и обретения великой, сложной и героической эпохи. Книги А. Платонова и сегодня продолжают главное, по слову писателя, дело литературы: «сеют души в людях».

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Итоги второго задания

«Фейерверк находок!» — лаконично подытожила свои поиски слов для кроссворда киевлянка Г. Афонина. А красноречивец В. Миненко предложил своему домашнему заданию элиграф из Г. Р. Державина: «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?» «Очень интересное состязание», — написали другие. Что ж, дорогие друзья, мы рады, что второе задание так понравилось вам. Недаром столько многие из вас — 2300 человек — приняли участие в конкурсе. А кроссвордов получено значительно больше, поскольку примерно каждый третий читатель прислал от двух до шести вариантов.

Жюри отмечает, что, судя по присланным работам, многие участники конкурса на этот раз внимательно изучили правила и старались ни в чем не отступать от них. Правда, кое-кто вновь не указал источники толкования слов, а это, как мы уже писали, грубейшая ошибка. Из других недочетов характерно включение в кроссворд больше половины от всего числа загаданных слов имен собственных, а также однокоренных слов (особенно таких, как «нонан», «нонет» и «нона»).

В целом участники второго задания показали очень высокие результаты. 580 читателей сумели заполнить предложенную сетку словами, содержащими 80 и больше «н», а 135 читателей — 100 и больше «н». У 36 читателей загаданные слова содержат 110 и больше «н». Самое большое число «н» — 148 — сумел включить в кроссворд москвич Ф. Мещанинов. Но его работа составлена практически из одних имен собственных, а поэтому, разумеется, из конкурса выбыла.

Самой интересной жюри признало работу С. Таратынова из г. Сосновый Бор Ленинградской области. Его кроссворд, который мы публикуем в этом номере, содержит 119 «н». С. Таратынова, а также А. Григоряна из Киева, В. Гуляева из Ишима Тюменской области, А. Денисову из Курска, И. Манегу из дер. Вышемир Гомельской области и М. Старобинца из г. Горького жюри наградило книгой «Верное сердце» и почетным дипломом «Смены». Дипломом отмечены, кроме того, работы В. Закревского из Припяти Киевской области, В. Панкратова из Москвы, И. Полулана из Запорожья, П. Черепова из Душанбы и А. Шайхрамова из села Бакалы Башкирской АССР. Все призы сумели заполнить сетку словами, в которых встречается не меньше 113 «н».

Поздравляем победителей и благодарим всех участников тура. Уважаемые читатели! Редакция постарается учесть многочисленные ваши пожелания о продолжении конкурса кроссвордистов в будущем году. В свою очередь, обращаемся к вам с просьбой подумать над темами и условиями предстоящего конкурса, поделиться своими соображениями на сей счет. Чем быстрее мы получим от вас конкретные предложения, тем лучше. Самые интересные и оригинальные из них мы используем в предстоящих конкурсах. На конверте сделайте, пожалуйста, пометку — «Конкурс кроссвордистов-85».

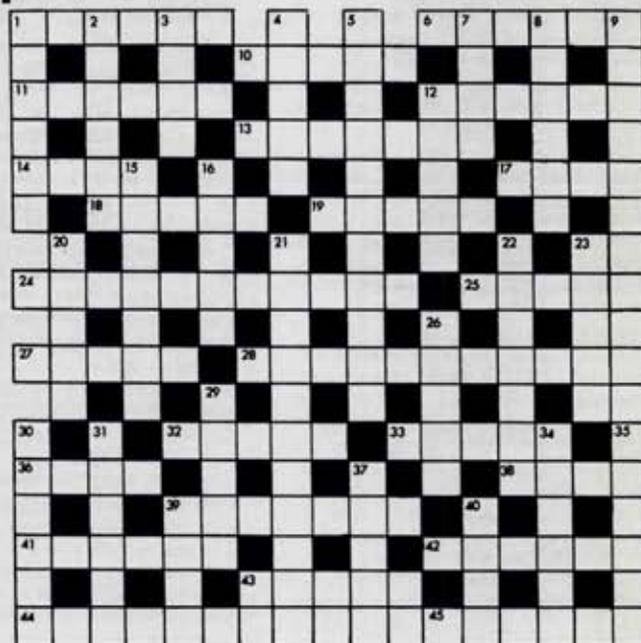
Составил С. ТАРАТЫНОВ.
Сосновый Бор
Ленинградской обл.

По горизонтали:

- Итальянский композитор, представитель римской школы.
- Горный хребет в КНДР.
- Мера веса.
- Дубильное вещество.
- Минерал, руда титана.
- Западногерманский киноактер, снимавшийся в фильмах «Фауст», «Тартюф».
- Одна из двух рек, составляющих Шилку.
- Провинция в Италии на острове Сицилия.
- Составная часть нефти.
- Разменная монета Великобритании.
- Высокомерие, кичливость.
- Основное население государства в Европе.
- Предварительное объявление о спектакле, лекции.
- Несообразность.
- Жидкость с запахом хвои, растворитель лаков, красок.
- Картина М. Врубеля.
- Советский кинодраматург.
- Прежняя разменная монета Индии и Пакистана.
- Центр автономного района в Южном Китае.
- Город на юго-востоке Австралии.
- Фермент, применяемый в сыроварении.
- Первоначальное название района.
- Слогообразующий согласный звук.
- Английский физикохимик, развивший теорию мембранного равновесия.

По вертикали:

- Синтетическое волокно.
- Город на юго-западе Канады.
- Город в Иране.
- Футляр для меча, кинжала.
- Элементарная частица в противоположном нашем мире.
- Сорт яблок.
- Название на Балтийском побережье песчаных кос, отделяющих лиманские заливы.
- Полисахарид, углевод бактерий, грибов.
- Народ, живущий в Замбии, Малави и Танзании.
- Варяг, викинг.
- Африканская антилопа.
- Настенное живописное или орнаментальное изображение.
- Известный советский футболист, центрфорвард.
- Богиня плодородия и любви в шумерской мифологии.
- Популярный советский актер и режиссер.
- Персонаж оперы Д. Пуччини «Девушка с Запада».
- Месяц древнего календаря в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита».
- Ледник в Антарктиде.
- Норвежский архитектор, один из создателей самого большого в стране трамплина.
- Армянский советский писатель.
- Самая большая в Ирландии река.
- Персонаж оперетты И. Кальмана «Фалка Монмартра».
- Английский гротескный актер и режиссер.
- Французский архитектор, автор проекта Парижского университета.

заливы. 9. Полисахарид, углевод бактерий, грибов. 12. Народ, живущий в Замбии, Малави и Танзании. 15. Варяг, викинг. 16. Африканская антилопа. 20. Настенное живописное или орнаментальное изображение. 21. Известный советский футболист, центрфорвард. 22. Богиня плодородия и любви в шумерской мифологии. 23. Популярный советский актер и режиссер. 26. Персонаж оперы Д. Пуччини «Девушка с Запада». 29. Месяц древ-

него календаря в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». 30. Ледник в Антарктиде. 31. Норвежский архитектор, один из создателей самого большого в стране трамплина. 34. Армянский советский писатель. 35. Самая большая в Ирландии река. 37. Персонаж оперетты И. Кальмана «Фалка Монмартра». 39. Английский гротескный актер и режиссер. 40. Французский архитектор, автор проекта Парижского университета.

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ

ШАХМАТЫ

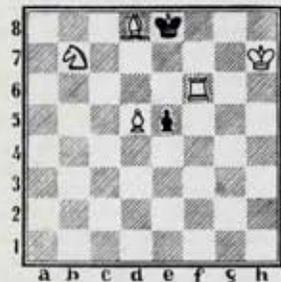
Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

МАСТЕР МАЛОЙ ФОРМЫ

В № 17 журнала читатели познакомились с тремя «большими» задачами А. Галицкого. Особого разговора заслуживает работа замечательного композитора в жанре миниатюры.

Очень немногие выдающиеся представители шахматной «поззии» смогли «подтвердить» себя в труднейшем жанре миниатюры. Галицкому удалось это в полной мере. Даже если бы он оставил только задачи-миниатюры, все равно его имя вошло бы в историю композиции — так много и блистательно он работал в этой области! Тяготение Галицкого к ограниченному материалу, к предельной экономии средств, к простоте и изяществу формы, к ясности замысла — все это предопределило его любовь к миниатюре. И в произведениях малой формы стиль Галицкого ни с чем не спутаешь: тихие жертвы фигур, потеря темпов, остроумные маневры, далекие засады, неожиданный цугцванг...

1. «777» (сборник миниатюр)

Мат в 3 хода

Прекрасный вступительный ход 1. Сс7! предоставляет черному королю еще одно свободное поле. Угроза: 2. Кd6+ Крd7(е7) 3. Лf7×. В случае 1... Крd7 второй и третий ходы белых чередуются: 2. Лf7+ Крe6 (с6) 3. Кd6×. В главном варианте тихо жертвуется ладья: 1... Крe7 2. Кd6! Кр:f6 3. Сd8× — слон вернулся на место! Все варианты, конечно, заканчиваются правильными матами. Это Галицкий!

2. «Стратежи», 1905

Мат в 4 хода

В этой задаче впервые в миниатюре представлена самая популярная тема прошлого века — индийская! 1. Сс8! h5 2. Кd7! Кр:h3 3. Ке5+ Крh4 4. Кf3×. Галицкий и здесь верен себе — мат правильный!

3. «Дойче вохеншау», 1907

Мат в 4 хода

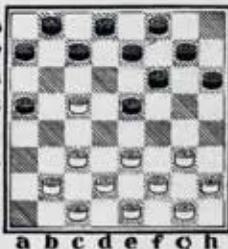
Перед вами задача-блок. В начальной позиции на единственном ход черного короля готов ответ: 1... Крg5 2. Крe5 Крg4 3. Лg7+ Крh4 4. g3×. Выжидательного хода у белых нет. Решает 1. Крd5!! Прежний вариант сохраняется, а на 1... Крf5 следует 2. Лg7 Крf6 3. Кd5+ Крf5 4. g4× — хамелеонный эхо-мат по сравнению с первым. И еще один правильный мат в разветвлении этого варианта: 2... Кр:f4 3. Крe6 Крe4 4. Лg4×. Красная миниатюра с трудным решением!

ШАШКИ

Под редакцией
мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

ДРЕВНИЙ ДЕБЮТ

В прошлом выпуске («Смена» № 17, 1984 г.) мы предложили читателям выбрать лучшее продолжение за черных в дебюте «Кол» в системе 1. cd4 ba5 2. dc5 d:b4 3. a:c5 fe5 4. bc3 gf6 5. ab2.

Большинство любителей предлагают рассмотреть продолжение 5... hg7

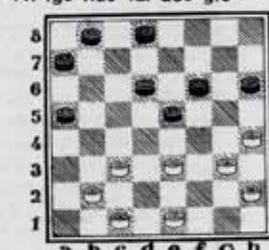
6. gf4 e:g3 7. f:h4! Ход, фиксирующий инициативу белых.

7... fe5 8. gf2! ef6. В случае 8... ef4 9. e:g5 h:f4 следует играть 10. cd4 с изоляцией и атакой шашки черных на поле f4. Проигрывает

8... gf6? из-за 9. fg3 cd6 (на 9... cb6 выигрывает 10. ef4x). 10. ba3 d:b4 11. a:c5 dc7 12. cb2 cd6 13. ba3 d:b4 14. a:c5x. После 8... ed6? 9. c:e7 f:d6 10. ba3 в литературе известна любопытная партия, связанная с жертвой двух шашек, после 10. de7 11. ed4 gf6 12. ab4 cb6 13. hg5! h:f4 14. bc5! d:b4 15. fe3!x. На 10... gf6 (если 10... ef4 11. e:g5 h:f4, то 12. fe3 gh6 13. e:g5 h:f4 14. cd4!x). 11. fg3 cb6 12. ef4 bc5 решает 13. ab4! c:a3 14. fg5 h:f4 15. cd4 e:c3 16. g:g7x.

Московский шашкист М. Морозов предложил продолжение 8... cb6 9. ed4 gf6 10. fg3 gf5! 11. d:f6 (если 11. h:f6 e:g7, позиция белых несколько активнее) 11... b:d4 12. c:e5 ed6 13. e:c7 g:e7 14. bc3, и преимущество белых невелико. На 10. fe3 следует играть 10... bc7! 11. ef4 (11. ef2 cd5 12. ba3 d:b4 13. a:c5 dc7! и т. д.) 11... e:g3 12. h:f4. Положение белых активнее.

9. cd6 ef4! В случае 9... ed4? 10. e:c5! c:e5 11. ba3 у белых большие шансы на выигрыш. 10. e:e7 c:e5 11. fg3 f:d6 12. de3 gf6

В этой позиции на 13. ba3 или 13. ed2 ленинградский мастер С. Маншин для уравнения предложил 13... bc7!

Рассмотрим партию, которая игралась по переписке в 1971—1972 годах.

А. Пээл — М. Старобинский

1. cd4 ba5 2. dc5 d:b4 3. a:c5 fe5 4. bc3 gf6 5. ab2 hg7 6. gf4 e:g3 7. f:h4 fe5 8. gf2 ef6 9. cd6 ef4! 10. e:e7 c:e5 11. fg3 f:d6 12. de3 gf6. Критическая позиция варианта

13. ed2. Как указал С. Маншин, сильнее 13. ba3 bc7! 14. cd2 (если 14. gf4 e:g3 15. h:f4, то 15... fe5 16. cd2 e:g3 17. h:f2 de5 с равной игрой; если 14. ef4, то 14... cb6 15. cd4! e:c3 16. fg5 h:f4 17. g:g7 ab4 18. a:e7 d:h8 с ничьей). 14... cb6 15. gf4 (проигрывает 15. ef4? ввиду 15... cb5 16. de3 dc7! 17. ed2 cb6x). 15... e:g3 16. h:f4 fe5 17. fg5 h:f4 18. e:g5 de7 19. cd4 e:c3 20. d:b4 a:c3 21. gf6 e:g5 22. h:f6 dc5 23. fg7 cb4 24. a:c5 b:d4 25. gh8 ab6 с ничьей.

13... bc7! 14. ba3 cb6 15. gf4 e:g3 16. h:f4 de7 17. fg5 h:f4 18. e:g5 fe5 19. gh6 dc5! 20. hg5 ef4 21. g:e3 cb4 22. a:c5 b:f2 23. hg7 ef6 24. g:e5 fe1 25. de3 e:b4 26. ef6 b:f8 ничья.

Мы разобрали вариант, когда белые сыграли 5. ab2. Предлагаем самостоятельно разобрать вариант, если белые ответят 5. cb2.

Выберите лучшее продолжение за черных. На открытках просьба ставить пометку «Шашки. Дебют «Кол»».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

- Весло.
- Оттуп.
- Кандидатура.
- Хамса.
- Иржи.
- Детонатор.
- Арбалет.
- Кангуру.
- Фагот.
- Строфа.
- Одесса.
- Зоман.
- Октава.
- Утварь.
- Насос.
- Эспадон.
- Фангиа.
- Резонатор.
- Паллу.
- Шриф.
- Диафаноскоп.
- Ильин.
- Менгс.

По вертикали:

- Цевка.
- Пляншет.
- Стручок.
- Рубак.
- Пирора.
- Лавдо.
- Жабры.
- Щигры.
- Спартаконда.
- Регистратор.
- Декоратор.
- Резервуар.
- Фазан.
- Гумус.
- Тонус.
- Юсчан.
- Аромат.
- Обабок.
- Енуфа.
- Негатив.
- Фолькнер.
- Удаль.
- Шара.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 03.08.84. Подписано к печати 16.08.84. А 12824. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1300000 экз. Изд. № 2231. Заказ № 3305. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

Итоги второго тура

Свою главную цель: обратить внимание читателя на книги, выходящие чаще всего за пределы повседневных интересов, и научить внимательно вчитываться в них, размышляя и отбирая наиболее ценную информацию. — Конкурс эрудитов, судя по многочисленным отзывам, продолжает успешно осуществляться. В его большой пользе не усомнился еще ни один читатель журнала, хотя частные критические замечания по поводу конкурса, разумеется, поступают. Организаторы игры тщательно изучают их и по возможности используют в подготовке очередных туров.

«Участвую в конкурсе первый раз, — написала Л. Арсеньева из Хабаровска, — поэтому пришлось просмотреть много литературы. Получила огромное удовольствие, хотя и не на все вопросы ответила». Другие читатели добавляют, что плодотворен сам по себе поиск: даже если не удается найти искомого ответ, все равно узнаешь много нового, интересного.

Постоянные же участники нашего конкурса говорят, что с каждым новым туром у них не только расширяется кругозор, но и сами поиски ответа становятся целенаправленнее. Недаром на этот раз, поскольку многие вопросы оказались трудными, именно они успешнее всего справились с домашним заданием, опередив новичков.

Лучшими жюри признало три работы, в которых даны верные ответы практически на все вопросы второго тура, — **И. Афанасьевой** из Уфы, **А. Дудника** из Днепропетровска и **Г. Мясникова** из Киева. Они награждены трехтомником **С. Есенина**. Мало в чем уступают им работы **В. Бахарева** из Златоуста Челябинской области (он, кроме того, с большим вкусом оформил тетрадь), **Т. Делинской** из Кирова и **Т. Сергеевой** из Воронежа (как и в первом туре, она прислала самую обстоятельную работу, но неточно ответила на один вопрос). Эти читатели в качестве памятного приза получают «Божественную комедию» Данте.

Книгой «Верное сердце» отмечены работы **Н. Авиловой** из Белгорода, **В. Андреевой** из Ивангорода Ленинградской области, **А. Брынцева** из Москвы, **В. Ващенко** из Днепропетровска, **В. Власенко** из Хабаровска, **Е. Киливника** из Днепропетровска, **В. Николаевой** из Великих Лук Псковской области, **Т. Остапенко** из Донецка, **М. Пустошилова** из Актубинска, **П. Романцова** из Ростова-на-Дону, а также коллективная работа шестнадцати участников клуба книголюбов из поселка Южный Алтайского края.

Все названные читатели удостоены, кроме того, Почетного диплома «Смены». Им награждены также **Д. Аминов** из Северодонецка Ворошиловградской области, **В. Гуревич** из Комсомольска-на-Амуре, **Ю. Зотова** из Омска, **В. Казак** из Орла, **Н. Квасов** из Ленинграда, **Т. Козлова** из Горького, **Н. Котов** из Бирска Башкирской АССР, **О. Кошкер** из Тореза Донецкой области, **Л. Павловская** и **Г. Шиц** из пос. Рудничный Кировской области, **Т. Старцева** из Ухты Коми АССР, **Ю. Студенников** из Буденновска Ставропольского края, **А. Тункель** из Уфы и **О. Яковлева** из Киева.

Сердечно поздравляем победителей и благодарим всех участников второго тура.

Приводим некоторые источники вопросов: **П. Макушенко**. Обычный рабочий день. М., «Знание», 1971; **В. Бианки**. Собр. соч. в 4-х томах, т. 4; Экологическое воспитание. М., «Знание», 1982; **И. Гармаш**. Занимательная автоматика. Киев, 1982; **М. Стингл**. Очарованные Гавайи. М., «Наука», 1983; **В. Дмитриев**. Скрывшие свое имя. М., «Наука», 1977; **Г. Воробьев**. Ищи свой талант. М., «Эврика», 1983; **С. Венецкий**. В мире металлов. М., «Металлургия», 1982; «Советская Россия» от 7 сентября 1983 года; «Книжное обозрение» № 34 за 1982 год; «Наука и жизнь» № 10 за 1983 год; Открытия рядом с нами. М., «Известия», 1981.

Правильные ответы на вопросы второго тура Конкурса эрудитов такие:

1. В кремлевском кабинете В. И. Ленина есть чугунная скульптура: на круглом основании возвышается полубогаженная мускулистая фигура рабочего. В правой руке у него — молот, в левой — клещи. Под ударами молота кусок металла приобретает форму орала. У ног кузнеца — снаряд, пушечный ствол и сломанный меч. Этот подарок рабочих Владимир Ильич очень любил. Назовите скульптуру, а также формовщика и чеканщика, участвовавших в ее изготовлении. Где ее отлили?

— «Коваль мира» (или «Большой коваль»). Отлита скульптура в городе Куся Челябинской области. Формовщик — Иван Егорович Лепешкин, чеканщик — Павел Никифорович Мурзин.

2. В мае 1942 года «Правда» напечатала корреспонденцию «Город Партизанск». Начинаясь она так: «Мы ходим по улицам города, который расположен далеко за линией фронта, в тылу врага. В городе живут несколько тысяч советских людей и нет ни одного немца. Они хозяйничали тут четыре месяца. Потом пришли партизаны и с треском вышибли их из города. В городе была восстановлена Советская власть. По понятным причинам, мы не можем назвать имени города...» О каком городе шла речь?

— Партизанск из «Правды» — это город Дятьково Брянской области. «Партизанская республика» продержалась здесь 72 дня.

3. Какая картина первой побывала в космосе?

— Картина Ю. Походаева «В свободном полете». Она побывала в космосе с советско-французским экипажем.

4. Героев какого морского сражения, которое закончилось победой русского флота, награждали медалью с лаконичной надписью «Был»? Что означает эта надпись?

— Героев морского сражения при Чесме (1770 год). Надпись означала, что турецкий флот перестал существовать.

5. Примадонна Мариинского театра в Петербурге, она была бабушкой известного детского писателя, которого мы все хорошо знаем. Специально для ее голоса замечательный русский композитор написал партию героини в одной из опер. Назовите певицу, писателя, композитора и его оперу. Партию героини в том виде, как она написана, после названной певицы никто не исполнял. Почему?

— Валентина Бианки, В. В. Бианки, А. Н. Серов, опера «Юдифь». У Валентины Бианки был исключительно широкий диапазон голоса, как с тех пор ни у какой другой певицы.

6. Когда и где был организован первый в СССР студенческий кружок по охране природы? Что изображено на эмблеме кружка?

— В 1958 году в Тартуском государственном университете. На эмблеме кружка изображен лист плюща с буквами ЛК (охрана природы).

7. Все знают, что «Конек-Горбунок» написал П. Ершов. А кто и когда написал сказку «Конек-Скакунок»?

— Поэт-революционер С. А. Басов-Верхоянец в 1906 году. Это была злая сатира на царскую власть.

8. Назовите самую маленькую книжку в мире. Кто ее сделал? Из какого материала ее обложка?

— «Кобзарь», сделанный Н. С. Сядристым. В ней всего 12 страниц, каждая площадью 0,6 миллиметра. Сшита паутинкой. Обложка книжки — из лепестка иммортеля (бессмертника).

9. Алюминий был открыт в самом начале нашей эры. Об этом сохранилось письменное свидетельство древнеримского писателя и ученого в единственном дошедшем до нас труде. Назовите писателя, его труд и причину, по которой открытие алюминия было предано забвению на восемнадцать столетий.

— В «Естественной истории» Плиний Старший свидетельствует, что безымянный мастер изготовил для императора Тиберия серебряный сосуд из «глины». Но император, отличавшийся недоверчивостью, вероломством, приказал казнить мастера, так как убоялся, что доступное «глиняное серебро» обесценит его серебряные сокровища.

10. Мы по привычке считаем самым высоким и опасным на море девятый вал. А какой вал считали самым большим и опасным древние греки, древние римляне и какой считают американцы?

— Древние греки считали таковым третий вал, римляне — десятый, американцы считают седьмой.

11. Назовите один из самых красивых островов мира, коренное население которых говорит на языке с решительным преобладанием гласных звуков над согласными, как ни в каком другом языке мира. Ни одно торжество, ни один праздник на островах не обходится без леи — венков. Какой цветок на островах самый популярный?

— Гавайские острова. Самый популярный цветок здесь — орхидея.

12. Кто из русских писателей подписывал свои ранние рассказы, опубликованные в газетах, именем Алеко, героя пушкинской поэмы? Чем он объяснял выбор такого псевдонима?

— А. И. Куприн. На вопрос, почему он выбрал этот псевдоним, писатель отвечал так: «В пушкинском Алеко я нахожу родственные черты: ведь и я, «изгнанник перелетный, гнезда надежного не знал...».

13. Кто первым в мире и когда организовал детский сад? Какое популярное высказывание о детях принадлежит создателю?

— Немецкий педагог Ф. Фребель в 1837 году. Ему принадлежит изречение «Дети — цветы жизни», из которого, кстати, и родилось название детского сада.

14. Всегда ли одинакова высота Эйфелевой башни в Париже?

— Нет, высота «железной мадам», как ее часто называют парижане, летом на 15 сантиметров больше, чем зимой.

15. Птицы выкладывают гнезда пухом, травинками и другими материалами. А какая из наших птиц устилает гнездо рыбьими косточками? Где она устраивает гнездо?

— Зимородок. Он роет себе глубокую норку в стене крутого берега и устилает пол своей комнатки тонкими рыбьими косточками.

«СМЕНА»-135

ПОДПИСКА
ПРОВОДИТСЯ
БЕЗ
ОГРАНИЧЕНИЙ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!
С 1 АВГУСТА ПО 31 ОКТЯБРЯ ВО ВСЕХ АГЕНТСТВАХ «СОЮЗПЕЧАТИ»
И ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ, У НАШИХ ДРУЗЕЙ — ОБЩЕСТВЕННЫХ
РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ ПЕЧАТИ — ВЫ СМОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ
ПОДПИСКУ НА ЖУРНАЛ «СМЕНА».
ПОДПИСКА ПРОВОДИТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.

Подписная цена журнала на год — 8 рублей 40 копеек,
на полгода — 4 рубля 20 копеек.
В случае возникновения сложностей с оформлением подписки
просьба обращаться в журнал «Смена». Пишите нам по адресу:
101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ИГРАЕМ В СПРАВИНТ

3

Близилась к концу программа «Время», когда я перебрался в комнату.

Наступила ночь. Душная южная ночь с желтой, как срез лимона, луной, рассыпью крупных голубых звезд и неумолчным пением цикад.

Я воспользовался приглашением хозяйки и, сменив жесткие ступеньки на упругие подушки дивана, продолжал делать вид, что с головой ушел в приключения короля Ричарда. В соседней комнате молочным светом мерцал экран телевизора. Нина возилась на кухне и не обращала на меня никакого внимания.

С тех пор, как она великодушно позволила мне остаться, мы не перемолвились и парой слов. Во дворе меня ждала раскладушка. Книга, которую я сам так горячо расхваливал, оказалась скучной, практически непригодной для чтения макулатурой, но я добросовестно переворачивал страницы, мысли же мои были далеко. Я вспоминал строчки из протокола допроса Нины Андреевны Кузнецовой.

Ее показания, зафиксированные на стандартном бланке, занимали всего полторы машинописных страницы. По словам Нины, в последний раз она видела мужа пятнадцатого сентября. Видела утром перед уходом на работу. Накануне он пришел поздно и отсыпался после работы.

Вечером, когда Нина вернулась домой, Сергея уже не было. Поздно ночью от сотрудников милиции ей стало известно о его исчезновении. На Приморскую он с тех пор не возвращался.

Ни подтвердить, ни опровергнуть эти показания было некому, так как соседей у Кузнецовых нет: после реконструкции улицы уцелел только их дом, остальные снесли при строительстве гостиницы пять лет назад.

Далее в протоколе со слов Нины записано, что с мужем они жили нормально, ссор и скандалов между ними не возникало, ничего странного в его поведении она не замечала, спиртным он не злоупотреблял.

«Характер у него был мягкий, открытый, но, случалось, уходил в себя и тогда становился угрюмым, раздражительным», — сказала она следователю. Эта фраза вызвала уточняющий вопрос, как именно и по какому поводу проявлялась его раздражительность, — однако ничего более определенного Нина добавить не смогла... К работе он относился добросовестно, с интересом, о другой не помышлял. Имел многочисленные благодарности от дирекции — такими словами заканчивались показания вдовы погибшего...

Вдова... Как нелепо звучит это слово! Ей всего двадцать. Приехала сюда три года назад, поступила в техникум на заочное. Жила в общежитии. Вскоре познакомилась с Сергеем, вышла замуж. И вот вдова...

Дверь на кухню была открыта. Нина продолжала возиться у плиты, но не исключено, что в этот момент мы думали об одном и том же.

Интересно, любила она мужа? Была с ним счастлива? В протоколе об этом ни звука: не положено — официальный документ...

Я представил, как всего две недели назад на этом самом диване, возможно, в той же самой позе, что и я, с книгой в руках сидел другой человек...

Молчали они? Или шутили? Улыбались друг другу? А может, ссорились?

Теперь этого человека нет в живых. Каким он был? О чем думал? Над чем смеялся? Неизвестно. И жизнь и отдельные его поступки обернулись загадкой, которую по странному стечению обстоятельств предстояло разгадывать мне.

В декабре ему исполнилось бы двадцать пять. Мне двадцать пять стукнуло немного раньше, в июне. Выходит, мы ровесники! Случайность, конечно, простое совпадение, но почему-то оно смущало меня, хотя, если разобраться, ничего особенного в этом нет...

Итак, показания Нины. Они не противоречили

характеристике, которую выдали в дирекции ресторана. Вежливый, безотказный, добросовестный. Один из сослуживцев Кузнецова дополнил его портрет следующим штрихом: «Хороший был парень, что говорить... Ну еще одеться любил по моде. Знаете, наверно, стиль такой, современный, заграничный вроде — нынче многие так ходят, не одни молодые... Придет, бывало, в полусапожках, только что шпор не хватает, ну, джинсы, конечно, рубашка с блямбой на кармане, словом, во всей амуниции. Не подумайте, что я в осуждение, у самого сын такой, тронутый маленько на шмотках. Вроде парень как парень, а штаны с нашлепками увидит — дрожит аж весь. У них это вроде как пароль, узнают друг друга по этим блямбам. В общем-то ничего, конечно, даже красиво, если меру знать. А Сергей, тот знал, всегда стройный, подтянутый ходил... Ну и работник, я уже говорил, отличный: аккуратный, честный, деньги всегда копейка в копейку сходились...»

При чтении этого протокола у меня возникло желание узнать, на какие средства приобретал Кузнецов свою «ковбойскую амуницию». Возможно, это не вызвало бы особого интереса — сам хожу в джинсах, — не будь гардероб покойного столь внушительным.

Куртки всевозможных фасонов, полдюжины джинсовых костюмов на всех стадиях носки, около десятка пар импортной обуви, фирменные рубашки, которые он менял довольно часто, — все это, если вдуматься, стоило не так уж мало, да и в магазинах, как известно, подобные вещи попадают нечасто. Выходит, переплачивал? Если добавить к перечисленному солидный западногерманский «Грюндиг» и еще два магнитофона поменьше, но тоже импортных, невольно зародится мысль о кладе, наследстве или богатой тетушке, ссужающей деньгами своего единственного племянника.

Но в том-то и загвоздка, что клада Кузнецов не находил, наследства не получал и родственников у него не имело. Правда, полтора года назад Кузнецов приобрел несколько билетов лотереи «Спринт» и выиграл по двум из них две тысячи рублей. Сумма значительная. Она устранила если не все, то некоторую часть бюджетных вопросов, а на остальные ответила Нина. На повторном допросе она подтвердила, что выигрыш имел место полтора года назад и что все деньги действительно ушли на покупку одежды для мужа. Где Сергей приобретал вещи, она не знала...

Я перевернул страницу. Головная боль не утихала, наоборот, становилась все сильнее. Ком в горле тоже увеличился и окончательно блокировал дыхательные пути.

Я решил поинтересоваться содержимым домашней аптечки Кузнецовых, но Нина меня опередила.

— Садитесь ужинать, — позвала она. Голос был усталый и доносился словно бы издалека.

— Спасибо, что-то не хочется, — отказался я. Мысль о еде вызвала отвращение. Смешно сказать, но я мерз. На дворе теплынь, плюс девятнадцать, а меня бил озноб.

— Давайте-ка без церемоний, — Нина вошла в комнату и поставила на середину стола хлебницу.

Вторично отказываться было неловко. Я поднялся с дивана, сделал шаг-другой и с удивлением обнаружил, что пол подо мной покачивается.

— Что с вами? — спросила Нина.

— Нет, нет, ничего. Это пройдет...

Однако не проходило: висевшая под потолком лампочка внезапно выбросила яркие протуберанцы, затем свет сфокусировался и превратился в луч мощного прожектора, направленного прямо в глаза. Нинина фигура выпала из поля зрения.

Я наугад побрел к двери, переступил порог и опустился на приступку, на которой несколькими часами раньше впервые увидел Нину.

Стало чуть легче. Ровно настолько, чтобы понять отчетливо и ясно — заболел! Ничего хуже случиться не могло! Я не успел осознать последствий, к которым это может привести, — новый приступ головной боли накрыл меня и наглухо отрезал от внешнего мира...

Сколько прошло времени — неизвестно. То мне

казалось, что проваливаюсь в сон, то вдруг наступало короткое просветление, но ни встать, ни двинуться с места не удавалось.

В памяти осталось прикосновение холодной ладони к пылающему лбу, тревожный Нинин голос. Она заставила меня подняться, отвела в комнату, насильно впахнула в меня несколько таблеток и подвела к дивану. Кажется, я пытался возражать, порывался уйти, что-то доказывать, но болезнь брала свое: усталость и тупое равнодушие овладели мной, заглушили остальные чувства. Я наспех разделся и, лягая зубами, повалился в постель.

Свет померк внезапно, будто кто-то разом повернул выключатель...

Очнулся я оттого, что арктический холод сменился каракумской жарой. С меня ручьями лил пот. Едва ворочая распухшим, шершавым, как наждак, языком, я попросил пить.

Передо мной появился стакан с осевшими на дно ягодами малины. Его держала девушка в легком ситцевом халате. Лицо, охваченное ореолом волос, показалось мне смутно знакомым.

— Вы кто? — спросил я.

— Молчите... У вас жар, сильный жар...

Вспомнил: ну, конечно, это Нина, только совсем другая, больше похожа на ту, с фотографии двухлетней давности.

— Который час? — просипел я.

— Половина первого. — Она протянула градусник. — Поставьте, надо измерить. Час назад было под сорок...

— Да ну? — вяло удивился я.

Ее голос становился все тише, пропадал, снова появлялся, и я, потеряв всякую способность к сопротивлению, погрузился в черную бездонную пропасть...

Глава 2

1

Утром меня разбудили шаги. Кто-то топтался у двери, возился с замком, пробовав отворить форточку.

Прежде чем я успел открыть глаза, звуки оборвались.

Полусонный, я приподнял голову с подушки. Смутное ощущение опасности, чьего-то незримого и оттого особенно гнетущего присутствия не исчезало.

Прислушавшись, я понял, что не ошибся. Снаружи кто-то был. Сперва раздался шорох. Потом звякнула неосторожно задетая крышка почтового ящика. Прошло немного времени, и в дверь потихоньку постучали.

Затаив дыхание, я ждал, что будет дальше. Первым нервы не выдержали у гостя. После продолжительной паузы стук повторился. Теперь стучали смелее, бесцеремонней и не в дверь, а в плотно занавешенное окно.

Стремясь произвести как можно меньше шума, я поднялся, чтобы подойти к окну и незаметно выглянуть во двор, но на полпути споткнулся и задел стул.

— Кто там? — громко, якобы спросонья спросил я.

Находившийся по ту сторону человек спрыгнул с крыльца.

Я кинулся к окну, отдернул край занавески. Поздно. На повороте дорожки покачивались потревоженные бегством ветки кустарника.

Дверь оказалась запертой на ключ, но это уже не имело значения. О том, чтобы преследовать беглеца, не могло быть и речи: шансы догнать его равнялись нулю.

Я доковылял до дивана, влез в завернутое коконом одеяло и некоторое время переваривал случившееся. Ничего путного из этого не вышло. Голова работала туго, мысли путались, и найти сколь-нибудь разумное объяснение так и не удалось.

Еще минут десять я ворочался на своем сверхразном ложе, сляясь отыскать хоть какой-то смысл в происшедшем, и не заметил, как меня снова сморил сон.

...

Никаких психических отклонений я за собой не замечал. По крайней мере до сих пор. Но когда, проснувшись, услышал, что кто-то опять возится с дверным замком, первым делом подумал о слуховых галлюцинациях и посмотрел на часы.

Они показывали час дня. Секундная стрелка бодро бегала вокруг оси, из чего я заключил, что и хронометр и сам я в полном порядке.

Между тем в замочной скважине повернулся ключ, и в комнату вошла Нина.

— Добрый день, — сказала она.

— Здравствуйте, — сказал, вернее, прокаркал я, поскольку полноценной речи все еще мешали распухшие до невероятных размеров миндалины.

— Ну как вы? Лучше?

Видно, я не был создан для одиночества: вопрос Нины при всей его обыденности пробудил во мне острую потребность в общении. Захотелось поговорить с ней без ухищрений, без задних мыслей, не контролируя каждое слово из боязни выдать себя. Но, увы, я не мог себе этого позволить.

— Спасибо, вроде ничего,— ответил я.
— Давно проснулись?
— Только что.— Делиться известием об утреннем посетителе я считал излишним.— А вы с работы?
— У меня перерыв до половины второго. Принесла кое-что из продуктов.

Я в два приема подтянулся к изголовью, собираюсь встать.

— Нет-нет, лежите,— остановила меня она.— Вам надо отлежаться.

— А ведь мы с вами так толком и не познакомились. Вас как зовут?

— Нина,— сказала она, выкладывая из сумки свертки.

— А меня...

— Я знаю, вы уже говорили.

— Наверно, раскаиваетесь, что разрешили мне остаться?

— Глупости... Скажите лучше, как вас угораздило простудиться в такую жару?

— Гриппозный больной—разносчик инфекции,— процитировал я из какой-то брошюры.— Повис я у вас на шее, и идти некуда. Но вы потерпите. Вот переберемся мы с матерью сюда окончательно, она вас непременно навесит и выразит благодарность за спасение своего несчастного ребенка. Уж будьте уверены.

Нина поставила кастрюльку с молоком на огонь.

— А вы собираетесь переезжать?— спросила она.

— Ну да, затем и приехал.— И с некоторым опозданием я стал излагать незамысловатую историю, которую сочинил про запас вчера, сидя на набережной.— Переезд— дело решенное. Мать давно рвется к морю. У нее хронический тонзиллит, слышали о такой болезни? Неприятная штука. Врачи советуют переезжать, да и я не против. Все упирается в квартиру. Дали мы объявление о размене и у себя и у вас в городе. Еще в прошлом году. Повторили несколько раз, и все без толку. Не хотят отсюда на север меняться, мы ведь с мамой за Уралом живем, я вам, кажется, говорил... Так вот, мы уже надеяться перестали, а недавно письмо пришло. От знакомого одного. Он переводится в наш город. Вроде реальный вариант—двухкомнатная в районе цирка, знаете, наверное...

Конечно, я врал, но врал по необходимости, в интересах дела, и потом мое вранье было враньем безобидным, оно никому не причиняло вреда.

— Я, конечно, отпуску оформил, на месте хотел посмотреть, что к чему. Мне бы телеграмму перед выездом дать, предупредить, а я по запарке и не подумал, что могу не застать хозяев. Не повезло, короче. Разминулись. И опоздал-то на самую малость, на несколько часов: я—сюда, а они с женой к родственникам уехали погостить. Соседи сказали, что вернутся через неделю. Придется ждать, не ехать же обратно...

— Понятно,— суховати сказала Нина, и я догадался, что упустил момент, когда ее настроение сделало неприметный поворот к худшему.— Мне пора.— Она показала на плиту:— Скоро молоко закипит, не забудьте выключить.— И прошла в соседнюю комнату.

— А вы не боитесь?— спросил я, гадая, что именно не понравилось ей в рассказанной истории.

— Чего, по-вашему, я должна бояться?— донеслось из-за двери.

— Ну, оставлять меня одного. Вдруг обиду квартиру?

Нина вышла, держа в руках светло-коричневую, под цвет платья сумку.

— Не боюсь,— спокойно сказала она и неожиданно спросила:— Между прочим, вы на себя в зеркало смотрели?

— Нет, а что?

— Да так, посмотрите на досуге... И не забудьте принять лекарство, таблетку на столе.— Уже у порога она обернулась.— Считайте, что вам не повезло, Сопрыкин Володя. У меня брать нечего.

И вышла, громко захлопнув за собой дверь.

Замечание Нины несколько меня не задело, и то, что сразу после ее ухода я взял в руки зеркало, мне лично представляется чистой случайностью.

Я никогда не считал себя красавцем и, в общем, довольно сдержанно отношусь к собственной внешности, но то, что увидел, превзошло все мои ожидания. Можно подумать, что за одну ночь я прошел месячный курс голодания. Из зеркала тарачился тощий субъект с ввалившимися щеками, распухшими, потрескавшимися губами и туго обтянутыми кожей скулами, из которых кустиками торчала рыжая с красноватым оттенком щетина. А чего стоили уши—таким ушам позавидовал бы матерый африканский слонище. Жалкий портрет грабителя-самозванца довершали спутанные, торчащие во все стороны волосы цвета лежалой соломы.

Ошеломленный увиденным, я вернул зеркало в исходное положение и, избегая думать о зрелище, свидетелем которого только что стал, попробовал трезво определить, насколько далеко зашли последствия болезни.

В мою пользу была температура: тридцать семь и четыре. Голова тоже как будто работала ясно. Зрение в норме.

Откинув одеяло, я поднялся с дивана. Голова слегка закружилась, и, чтобы не потерять ориентировки, я сосредоточил взгляд на фотографии покойного хозяина дома. Она была просунута между стеклянными задвижками книжной полки. Сергей Кузнецов смотрел в пространство с безмятежной улыбкой человека, не подозревающего о грядущих несчастьях. Хотел бы я знать, каким виделся ему мир, что в нем радует и что огорчает, когда смотришь такими вот глазами?

Мои философские размышления прервало донесшееся из кухни шипение. Через край кастрюльки бежала пена. Я отключил газ, умылся, оделся и вышел на улицу.

Погода была пасмурной. Не то чтобы тучи или туман, видимость как раз отличная, но во всю ширь неба простиралась сплошная серебристая пелена, а вместо солнца над головой висел матовый плафон, внутри которого светила стосвечевая лампа. Не знаю, в чем тут секрет, но все вокруг, даже листья на деревьях, стало в этом освещении необычайно контрастным, выпуклым, а видневшиеся со двора кипарисы отдавали густой, переходящей в черное синевой.

Я запер дверь, сунул ключ под коврик и вышел на улицу.

Многоэтажное здание «Лотоса» снизу доверху было увешано флагами всех цветов и оттенков. Со дня на день в городе ожидалось открытие Международного фестиваля песни, и за неделю улицы начали украшать праздничными транспарантами, флагами, гирляндами. Дошла, стало быть, очередь и до «Лотоса»...

Я полез в задний карман. Выгреб оттуда горсть мелочи. Вместе с монетами в ладони оказался клочок бумажки—адрес моей собственной квартиры. Я разорвал его и выбросил в урну. Теперь при мне не оставалось ничего лишнего.

2

Тофику Шахмamedову, к свиданию с которым я готовился со вчерашнего дня, надо было звонить ровно в два. В запасе имелось немного времени. Я присел за свободный столик на открытой террасе кафе и заказал бутылку фанты.

Причина, заставившая меня искать встречи с Шахмamedовым, крылась в его редком имени. Впервые оно встретилось среди множества других имен и фамилий при чтении материалов дела и уже тогда запало в память.

Девятнадцатилетний таксист Шахмamedов, друг покойного, проходил свидетелем по делу. Но свидетелем не совсем обычным—он попадал в круг подозреваемых, поскольку ни на 15, ни на 17 сентября твердого алиби у него не было. Пятнадцатого Шахмamedов работал во второй смене и разъезжал на своем таксомоторе по всему городу, оставаясь фактически бесконтрольным, а семнадцатого взял отгул и, с его слов, с утра до вечера сидел дома и клеил обои. Мать Тофика находилась в отъезде, соседи в квартиру не заглядывали, подтвердить показания было некому. Разумеется, никто не собирался взваливать на Шах-

мамедова обязанность доказывать свое алиби — закон есть закон, и этим занимались мои товарищи, входившие, как и я, в группу по расследованию ограбления. Занимались, между прочим, основательно. Тем не менее, побывав вчера утром на «сходняке» — так называют здесь неофициально существующий толкучий рынок, — я насторожился, услышав знакомое имя.

О «сходняке», куда меня привела все та же мысль о ковбойской экипировке погибшего, стоит рассказать поподробней.

В районе морского порта, рядом с комиссионным магазином, есть сквер. Обычный городской сквер с аккуратными газонами и фонтаном в центре расходящихся лучами аллей. С самого утра по асфальтированным дорожкам сквера с независимым, скучающим видом прогуливаются одетые по последнему крику моды молодые люди. Попав сюда и ни о чем не подозревая, вы наслаждаетесь журчанием воды в фонтане, любуетесь золотыми рыбками, идете в глубь тенистой аллеи, и тут до вашего слуха доносится едва различимый шепот. Шепот повторяется, теперь можно разобрать слова: «Штаны не нужны?» К вам обращается стоящий поодаль парень в вылинявших добелом штанах, майке, украшенной эмблемой Коннектикутского университета, или девушка в прозрачном платье, сквозь которое можно увидеть пупырышки на ее коже. Парень предлагает джинсы, пиджак, рубашку; девушка — косметичку, «жвак», фирменные кулечки и сигареты. Представители обоего пола делают это с одинаково безразличным, отсутствующим выражением на лицах и, лишь убедившись, что вы «настоящий клиент», меняются прямо на глазах: начинают сутелиться, на все лады расхваливают «товар», настойчиво заставляют отойти в сторонку, боясь, что «засекут» и «будет шум».

Ни покупать, ни продавать я, понятно, не собирался. Посещение «толчка» входило в рамки общего плана оперативно-розыскных действий. Мы надеялись отыскать здесь знакомых Кузнецова. Не тех знакомых, с кем он общался по работе, а тех «невидимок», кого совсем не знали, к кому, собственно, и адресовали вчерашнее объявление в газете.

Сложность заключалась в том, что многих «продавцов» приводил сюда случай, нездоровое любопытство, а то и необходимость раздобыть денег на дорогу домой. Эти случайные «продавцы», или, как я их окрестил, «дилетанты», меня не интересовали, приезжие не интересовали тоже. Нужен был кто-то из местных, из завсегдатаев, нужен был профессионал!

После полчасового ожидания я засек подходящий объект.

Мой избранник — упитанный прыщавый парень в коротких поношенных шортах и желтой жокейской шапочке — был явно из профессионалов: вел себя солидно, стоял в сторонке, клиентов не искал, но, если присмотреться повнимательней, именно к нему, как булавки к магниту, тянулись многие из торгующих, обращаясь то ли за советом, то ли за указаниями. Рискнул обратиться к я.

Описав длинную кривую, я прошел вдоль зеркальной витрины комиссионки и приблизился к толстяку.

— Привет, — сказал я.

— Привет, — без энтузиазма ответил он, даже не взглянув в мою сторону.

— Как жизнь? — поинтересовался я.

— Топаи дальше, — бросил он, не шелохнувшись. — По понедельникам не подаю.

Шуточка так себе, ниже среднего, и чувствовалось, что весь его репертуар примерно на том же уровне.

— Послушай, серьезно. Дело есть.

Он промолчал, сосредоточенно глядя вдаль из-под прозрачного козырька своей шапочки.

Столь холодный прием мог обескуражить кого угодно, но я не сдавался:

— Может, отойдем? Поговорить надо. — Я понизил голос:

— Валюту обменять надо.

— Ну? — безразлично бормотал он.

— Что «ну»? Сумма большая, сечешь? Не в банк же идти. Оптовый покупатель нужен.

— А я при чем?

— Да брось ты... Я к тебе по-человечески, а ты... Помог, внакладе не останешься.

Последний довод не оставил его равнодушным. Он чуть сдвинул монументальное, усеянное мелкими розовыми нарывчиками лицо и процедил сквозь зубы:

— Я тебя не знаю. Кто ты такой?

— Тебе что — фамилия нужна? — огрызнулся я.

— Вот и топаи, откуда пришел, — невозмутимо посоветовал он. — Я тебя в первый раз вижу. Может, ты из этих... — Он мотнул головой в сторону фонтана.

Очевидно, райотдел милиции следовало искать в указанном направлении, но подобные сведения меня не интересовали.

— Не веришь мне, у Кузнецова Сережки спроси. Он тебе скажет, кто я и откуда. — Я прикинул, какой могла быть кличка у покойного, и решил, что самое благоразумное — взять производную от фамилии. — Надеюсь, Кузю ты знаешь?

— Впервые слышу. — Он стрельнул в меня крошечными водянистыми глазками.

— Кузю, — повторил я. — С Приморской.

— Не знаю такого.

— Ну не знаешь, тогда и говорить не о чем. — Я смирился с поражением и сделал движение, собираясь уходить.

— Подожди, — остановил он. — Это случайно не тот кадр... ну, про которого Тофик рассказывал?

Где-то внутри мгновенно загорелась контрольная лампочка и, точно милицейская мигалка, стала подавать сигналы: «То-фик... То-фик... То-фик...»

— Откуда мне знать, про кого тебе рассказывали? — Я состроил постную мину: — Я тебе про Кузю толкую, а ты...

— Это тот деятель, что в «Спринт» два куска выиграл?

— Он самый, — «просветлел» я, — а говоришь, не знаю.

Толстяк отвел глаза и хмыкнул:

— Везет же людям!

Казалось, он потерял ко мне всякий интерес, но это только казалось.

— И много у тебя валюты? — подумав, спросил он.

— Вагон и маленькая тележка. За вагон себе возмю, а за тележку, так и быть, бери себе.

Он оживился:

— Доллары?

— Не только. Марки, кроны, фунты, всего понемногу.

— Ты где остановился?

— Пока нигде. Утром приехал. Может, на Приморскую подамся, к Сергею. Не знаешь случайно, дома он?

Готов поклясться, что по лицу моего собеседника пробежала тень не то сомнения, не то недоверия. Он хотел что-то ответить, но в последний момент воздержался и, пожевав губами, сказал:

— Насчет валюты попробую тебе помочь. Сам я такими делами не занимаюсь, но переговорю кое с кем. Придется подождать. Как у тебя со временем?

— Хорошо, — согласился я после подобающих в таких случаях колебаний, — немного подождать я могу. Только немного!

— Годится, — произнес толстяк, скрепляя наш договор. — Есть у меня один человек. Если он согласится... В общем, заходи на днях.

— Куда?

Он расплылся в улыбку:

— На кудыкину гору. Сюда, куда ж еще...

В это время бочком и сильно сутулясь к нам подошел загорелый дочерна парень в ярко-голубых джинсах и мягкой рубашке с сержантскими нашивками на рукаве и клеймом на груди. Мой английский не выходил за рамки школьной программы, но его хватило, чтобы перевести надпись: «Полицейский патруль 14-е отделение полиции. Бирмингем, штат Алабама».

— Я их толкнул, Герась, — сообщил ему «полицейский». — За сто сорок.

— Ну и дурак, — отозвался Герась.

Полчаса спустя я уже знал основные жизненные вехи Герасы.

Помог телефонный звонок по номеру, который помнил не хуже, чем дату своего рождения, ибо это был единственный оставленный мне канал связи с розыском.

Человека по кличке Герась в милиции отлично знали. Там он значился как Герасимов Юрий Антонович. Его неоднократно задерживали и привлекали к административной ответственности за мелкую спекуляцию. К моему разочарованию, в данных о Герасимове не содержалось даже намека на связи с покойным кассиром, Шахмamedов среди его знакомых тоже не числился.

Стопроцентной уверенности, что Тофик, о котором между прочим обмолвился Герась, и Шахмamedов, с которым дружил Сергей Кузнецов, одно и то же лицо, не было, и все же интуиция подсказывала, что такое совпадение вполне возможно.

Я решил попробовать и под тем же предлогом, что так удачно сработал на «сходняке», выйти на таксиста. Попытка не пытка, и терять мне было нечего.

В первой попавшейся гостинице я выпросил телефонный справочник и выписал оттуда номера всех абонентов, носящих фамилию Шахмamedовы. Их оказалось трое.

В двух случаях на просьбу позвать Тофика мне ответили, что я не туда попал, в третьем к телефону подошел сам Тофик.

— Слушаю, — с легким акцентом сказал он, когда я, не представившись, поздоровался и сообщил, кто мне нужен.

— Мы должны увидаться, у меня к тебе дело.

— Кто со мной говорит?

— Неважно. — Я возражал скорей из духа противоречия, чем из желания сохранить инкогнито: необходимости скрывать свое имя не было — Симаков на всякий пожарный снабдил меня легендой с богатым «валютным» прошлым.

— Сейчас я повешу трубку, — пригрозил Шахмamedов, и, судя по тону, он не шутил.

— Ладно, — сказал я, — раз для тебя это так важно. Меня зовут Володя, фамилия Сопрыкин. Я друг Кузнецова. Нам с тобой надо встретиться по очень важному делу.

— Что за дело?

— По телефону сказать не могу. Надо встретиться лично. И чем скорее, тем лучше. Ты тоже в этом заинтересован.

Тофик как воды в рот набрал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я согласен.

— Вот и отлично. Ты когда свободен?

— Позвони завтра в два.

— А почему не сегодня?

— Сегодня я занят. — И, не вдаваясь в подробности, он отключился.

После того разговора минули ровно сутки.

За это время мои попытки нащупать связи покойного не принесли никаких результатов. В активе значились лишь невнятные обещания Герасы, знакомство с Ниной и пока что не состоявшееся свидание с Шахмamedовым.

Я сидел под зонтиком на террасе кафе. Наискосок, через дорогу, у старинной пушки, направленной жерлом в сторону моря, толпились туристы. Оттуда доносились обрывки английской речи. Экскурсовод повествовал о русско-турецкой войне, а англичане — если то были англичане — без усталости щелкали затворами фотокамер.

Что делать: у каждого свои заботы.

Я оставил на столе початую бутылку фанты и поплелся к телефонной будке.

Рослый, одетый в униформу швейцара, стоявший у дверей «Лотоса», окинул меня суровым, неодобрительным взглядом. Как видно, моя наружность резко расходилась с его представлениями о прекрасном. Избегая смотреть на блестящий вращающийся диск, я набрал нужный номер. На первом же длинном гудке Тофик снял трубку.

— Это ты? — Впечатление такое, что он не отходил от телефонного аппарата со вчерашнего дня. Нелепая мысль, но, видно, я был не так далек от истины: едва слышав мой голос, Тофик на едином дыхании выпалил явно заранее заготовленный текст: — Через полчаса жду у кинотеатра «Стерео». Справа. В руке буду держать «Огонек».

И все. Отбой.

Это ж надо, до чего самоуверенный тип!

Естественно, после вчерашнего я не ждал от него дружеских излияний, но уж поздороваться-то он мог?!

— Не хотите узнать свой вес? — перебил кто-то мои и без того сумбурные мысли.

Я обернулся. На обочине тротуара, у белых медицинских весов сидела аккуратенькая старушка в белых нитяных чулках и теплой шерстяной кофте — это при такой-то жаре!

— Вы мне? — спросил я.

Она закивала поспешно:

— И силомер тоже есть...

— Некогда, бабушка. — Не хотелось ее расстраивать, и я пообещал: — В другой раз обязательно взвешусь. Специально к вам приду, хорошо?

Она застенчиво улыбнулась. Я улыбнулся в ответ, и настроение от этого немного улучшилось.

От гостиницы до кинотеатра «Стерео» спорным шагом не больше четверти часа. Я уложился минут в двадцать пять. Тофик — максимум в двадцать. Он уже курсировал у билетных касс с мятым «Огоньком» в кармане куртки. Сзади его спину украшала реклама «Мальборо». На голове — шар из черных как смоль волос.

Я подошел и протянул руку:

— Ну, привет.

— Здравствуй. — Он демонстративно не заметил протянутой руки.

— Давно ждешь? — спросил я, прикидывая, как бы разрядить атмосферу, но Тофик был настроен агрессивно. Его явно не устраивал предложенный темп, он жаждал ясности и, не откладывая в долгий ящик, разразился градом беспорядочных вопросов, больше смахивающих на обвинения.

— Чего ты хочешь? Кто ты? Откуда меня знаешь? — Каждый вопрос задавал почему-то дважды, причем первый раз произносил его правильно, а второй с акцентом, произвольно расставляя ударения в словах. — Зачем звонил? Какое у тебя дело? Где взял мой телефон?

— Погоди, погоди, — остановил я. — Не так быстро. Телефон есть в справочнике, ты же не кинозвезда. А зачем звонил, сейчас узнаешь. Давай-ка отойдем в сторонку, присядем.

Судя по тому, как он шумно набрал в легкие воздух, как долго держал его там, мое предложение не укладывалось в продуманную им схему объяснения, но когда я двинулся к свободной скамейке, он все же пошел следом.

Мы сели. Я — откинувшись на спинку, он — на краю, в напряженной позе человека, готового в любую секунду встать и уйти.

— Сережа говорил...— начал было я, однако Тофик тут же перехватил инициативу и в своей манере, повторяясь, зачитал:

— Сережи нет. Погиб Сережа. Погиб. Ты что, не знаешь? Не знаешь, да?!

— Представь себе, нет. Вчера, когда звонил, еще не знал.

— А сегодня? Сегодня знаешь?

— Сегодня знаю.

— К Нине ходил?

— Да.

Я терпеливо ждал, когда иссякнут вопросы, должны же они когда-нибудь кончиться.

— Что она тебе сказала?

— Что Сергей утонул.

— И все?

— Все.— Я выдержал паузу.— А что еще она должна была сказать?

Это был первый пробный шар, но Тофик на него не отреагировал.

— Кстати, ты не в курсе, как это произошло?

— Не знаешь, как тонут?!— вспыхнул он, демонстрируя свой незаурядный темперамент.— Купался человек и утонул. Плавал, плавал, заплыл далеко и утонул...

— Несчастный случай, значит?

— Несчастный, несчастный,— сказал он и спросил:— Ты не местный, я вижу? Приезжий? Кузю откуда знаешь?

Ага, Кузю! Выходит, я угадал, назвав его так в разговоре с Герасем.

— Друзьями мы были.

— Друзьями?— Он сощурился недоверчиво.— И давно?

— Давно.

— Где познакомились?

Мне начинать надождать этот бесцельный вопрос. Впрочем, почему бесцельный? Цель-то у него наверняка была!

— Останавливался я у Сергея. А что?

— А то, что врешь ты все!— воскликнул он запальчиво и со злостью.— Все, все врешь! Кузя никогда квартиру не сдавал! Никогда и никому не сдавал! Зачем врешь?!

Я понял, что дал маху, но ничего другого, как настаивать на своем, не оставалось.

— Я приезжал к нему в прошлом году и в позапрошлом тоже...

— Неправда!— гнул свое Тофик.— Врешь ты все! Ни на какой квартире ты не останавливался! Никогда ты у него не останавливался! Зачем врешь?!

Настал мой черед возмущаться.

— Ладно, допустим, вру! Но зачем мне, по-твоему, врать? И вообще какое твоё дело?

Крылья широкого Тофикиного носа побелели от ярости, но он сдержался, сверля меня налившимися кровью глазами.

— Говори, чего хочешь! Говори, зачем звал, а то уйду!

В отличие от собеседника, успевшего воспылать ко мне ярко выраженной антипатией, я не питал к нему ни вражды, ни ненависти, и в этом было мое пусть маленькое, но преимущество.

— Ты не психуй, успокойся и слушай. Нам с тобой сориться не к чему, нам понимать друг друга надо, иначе... иначе мы никогда не договоримся. В общем, считай, что тебе крупно повезло, приятель. Сейчас поймешь почему.— Я убедился, что поблизости никого нет, и доверительно сообщил то, что много раньше вместе с Симаковым избрали в качестве предлога для знакомства:— Нас с Сережкой общее дело связывало. Крупное дело, понял? Я тебе открыто говорю, потому что мы с ним как-то обсуждали твою кандидатуру, и он сказал, что на тебя можно положиться. До сих пор мы вдвоем управлялись, без помощников, теперь его нет, и кто-то должен его заменить. Так вот, я не против, чтобы его место занял ты... Многого от тебя не потребует. У меня— валюта, у тебя— покупатель. Я продаю, он покупает, а ты в барыше. Риск минимальный.— Я внимательно следил за реакцией Тофика, и был момент, когда подумал, что взрыва не избежать. Однако он взял себя в руки, хмуро свел брови к переносице и слушал, не прерывая. Только глаза по-прежнему горели злым внутренним огнем.— Я буду поставлять товар, ты сбывать. Все элементарно просто, механизм опробованный, осечек не дает. С покупателем имел дело Сергей, теперь будешь иметь ты. Кстати, ты должен его знать: он наш постоянный клиент...

— Не знаю,— упрямо отозвался Тофик.

— Ты не спеши,— продолжал блефовать я.— Вспомни, с кем Сергей встречался в последнее время особенно часто.

— Не знаю.

— Может, с Герасем?

Тофик брезгливо поморщился.

— Не знаю. Они вообще не были знакомы.

— Как же так, ваш общий знакомый. Ты ведь ему о Сергее рассказывал, вспомни...

— Что рассказывал? Что рассказывал?

— Ну о выигрыше в «Спринт». Забыл?

Если он и удивился моей осведомленности, то не подал вида.

— Мало ли что я рассказывал. Мы на одной улице живем.

— Понятно. Тогда кто?

— Не знаю.

— Подумай.— Я попробовал закинуть ту же приманку, на которую клюнул толстяк со «сходняка».— На этом деле можно хорошо заработать. Тебе что, деньги не нужны?

— Чужие не нужны. Своих хватает!

— Опять заводишься?— упрекнул я, но Тофика уже прорвало.

— Не знаю, зачем тебе это надо, но про Сережку ты врешь! Это точно! Он не такой был!— Сгоряча Шахмamedов повторил последнюю фразу трижды.— Слышишь, ты... Сережа, он такими махинациями не занимался. И про деньги врешь, не было у него денег. Сам у меня займы просил... Подлец ты!

— Не закатывай истерики, нас могут услышать,— предостерег я, но мои слова только подбавили жару.

— Пусть слышат! Мне бояться нечего!— Он остановил на мне презрительный и вместе с тем почти ликующий взгляд.— Знаешь, что я сейчас сделаю?!

Знаешь?! Я не буду с тобой ругаться. Я сейчас милицию позову. Милицию! Они твоему товару быстренько место найдут! И товару твоему и тебе заодно!

— Не закатывай истерики, нас могут услышать,— предостерег я, но мои слова только подбавили жару.

— Пусть слышат! Мне бояться нечего!— Он остановил на мне презрительный и вместе с тем почти ликующий взгляд.— Знаешь, что я сейчас сделаю?!

Знаешь?! Я не буду с тобой ругаться. Я сейчас милицию позову. Милицию! Они твоему товару быстренько место найдут! И товару твоему и тебе заодно!

— Зови,— хладнокровно сказал я, хотя мне не светило быть задержанным своими же коллегами.— Только учти, им говорить что-то надо, а что ты можешь сказать? Что? Ты даже имени моего не знаешь.

— Ничего, там разберутся, там во всем разберутся...

Тофик уже рыскал глазами по сторонам, и мне пришлось идти напролом:

— Еще неизвестно, кто из нас их больше заинтересует.

— Как это?— не понял Тофик.

— Думаешь, я не знаю про гостиницу, не знаю про деньги?

Он растерянно уставился на меня.

— Что ты знаешь? Что?

Надо было пользоваться заминкой, иначе мои дела оборачивались совсем худо.

— Неважно.

— Нет, раз начал, говори.— Голос его звучал неуверенно.

— Ладно, замнем. Пошутили, посмеялись, пора и расходиться. Давай так: ты меня не видел, я тебя не знаю, и закончим на этом.— Я встал.— У тебя, приятель, с чувством юмора не все в порядке, ты уж не сердись...

Тофик тоже встал. Он подступился вплотную и с силой сжал мне запястье.

— Ты... ты настоящий подонок! Грязный подонок! Вот ты кто.— Он подумал, достаточно ли точно выразил свое ко мне отношение, и веско закончил:— Морду бы тебе набить, да руки пачкать неохота. Убирайся, пока цел!

Я мог не беспокоиться за исход драки, даже если бы она состоялась: Тофик относился к другой, более легкой весовой категории и вряд ли знал специальные приемы борьбы, которыми владел я. Но угроза быть задержанным висела надо мной, а не над ним, и потому мериться силой было не в моих интересах.

Я плюнул на свое растоптанное в пух и прах самолюбие и молча ретировался.

Итоги встречи с Шахмamedовым, как пишут в официальных отчетах, оставляли желать много лучшего.

Сергей Кузнецов не был знаком с Герасем— этим фактом, по сути, исчерпывалась полезная информация, которую выдал Тофик. Помощи я от него не добился, на связи Кузнецова не вышел. Лгал он или говорил правду, неизвестно. По мне, лучше бы лгал. Приятно, конечно, сознавать, что он парень честный, неподкупный, но для темной личности, каковую я представлял собой в настоящий момент, это было слишком слабым утешением. Моя задача заключалась в активном поиске людей совсем другого типа, и ценность каждого нового знакомого, как это ни парадоксально, определялась по принципу «чем хуже, тем лучше»— может, именно в этом и состояла основная сложность, с которой мне приходилось сталкиваться и с которой еще не раз предстояло столкнуться в будущем.

«Ну хорошо,— рассуждал я, шагая по усаженному вековыми платанами бульвару,— допустим, Герась Кузнецова не знал. Не исключено, что Тофик тут действительно ни при чем: город невелик, слухи среди местных жителей распространяются мгновенно, и о крупном лотерейном выигрыше в свое время знали многие, в том числе и те, кто Сергея и в глаза не видел. Герась тоже слышал— в конечном счете не так уж и важно, от кого. Что же из этого вытекает? К сожалению, ничего— пустота, дорожка, ведущая никуда.

Предположим обратное. Тофик напугал или сознательно соврал, и Герась прекрасно знал Кузнецова. Что меняется? Практически ничего— та же дорожка никуда. Мелкий спекулянт Герась вряд ли имел прямое отношение к случившемуся, да и не стал бы он по мелочи промышлять на толчке, подвергать себя опасности, залопачив хотя бы малую толику пропавших денег...

Да, попал я в переплет! Герась исключается. Шахмamedов исключается тоже. Но ведь не дух же святой организовал и осуществил комбинацию с исчезновением кассира! Кто-то это сделал!

С какой стороны ни подступись, выходило, что продолжаю плутать в трех соснах. А тут еще утренний посетитель, будь он неладеен. Зачем он приходил, что ему понадобилось на Приморской? Я понимал, что не время философствовать, что надо действовать, надо что-то срочно предпринимать. Но что? Что? Самым неприятным было даже не отсутствие улики, а овладевшее мной чувство полной беспомощности.

Я пощупал лоб. Он был горячим и липким от пота. Кажется, снова подскочила температура.

Я приостановился у спуска в подземный переход. Взгляд случайно упал на витрину винного магазина, и я замер, впившись глазами в покрытое бликами стекло.

Там, где черная обивка витрины делала его поверхность почти зеркальной, в полный рост отражалась монументальная фигура Герася!

Само собой, вероятность нашей встречи была достаточно велика, и, сведи нас случай даже десяток раз на дню, ничего сверхъестественного в этом не заподозришь, но когда, решив удостовериться, что не ошибся, я обернулся и не нашел поблизости ни самого Герася, ни его жокейской шапочки, мне, признаться, стало не по себе. Мистика какая-то! Ведь только что он был здесь, почти рядом!

Я снова взглянул на витрину. Герась как ни в чем не бывало стоял на прежнем месте. Как-то я уже говорил о своем отношении к музыке. Так вот, при виде Герася во мне, перекрывая все остальные звуки, вдруг зазвучало первоклассное соло на ударных. Неистовый Лаци Олах с упоением колотил в упругую кожу барабанов, водил щетками по медным тарелкам, задавая бешеный ритм ударам сердца, а я стоял как вкопанный и боялся отвести взгляд от грузной фигуры своего вчерашнего компаньона.

Герась прятался! Теперь это не вызвало никаких сомнений. Толстый, неповоротливый флегматик, он устроил за мной слезку и делал это с присущей ему неуклюжестью, не учел, что оба мы стоим под предельно острым углом к витрине и потому с моего места отлично просматривается его божественное отражение. Недотепа!

Догадка сперва рассмешила меня. Потом обрадовала: ведь слезка— верный признак повышенного интереса к моей особе. Однако уже в следующую секунду я мысленно себя одернул: «Не обольщайся. Возможно, он прячется вовсе не от тебя, а скажем, от дружинников или от милиции. При его бурной, богатой приключениями жизни это самое обычное дело».

Существовал только один способ проверки.

Не долго думая, я спустился в подземный переход и, пройдя холодным, гулким тоннелем, вышел на противоположной стороне бульвара. Вскоре внизу показалась приметная издалека желтая шапочка. Я подпустил Герася поближе и проскользнул в гостеприимно распахнутые двери пассажа. Лавируя в толпе покупателей, пересек торговый зал, вышел на параллельную улицу и остановился под прикрытием бетонной колонны.

Сквозь прозрачные стены пассажа видна была секция грампластинок. За ней дверь, через которую только что вошел в магазин.

Герась не заставил себя ждать. Раздвигая людей своим могучим торсом, он, как груженная углем баржа, медленно продвигался в центр зала, потом привстал на цыпочки и поверг голов окунул помеще- ние длинным взглядом. После этого его движения обрели неожиданную легкость: перебега с места на место, он не сбил ни одного покупателя, не разбил ни единого стекла, не свалил ни одного прилавка, что при его комплекции не могло не вызвать восхищения. Удостоверившись, что на первом этаже меня нет, Герась развил прямо-таки спринтерскую скорость. Он кинулся к лестнице, ведущей на второй этаж галереи, затерялся в толпе, спустя минуту вновь появился внизу и, беспокойно озираясь, трусцой побежал к выходу.

Сей стремительный рейд убедил окончательно: Герась охотился за мной, другого объекта для наблюдения у него не было.

Не знаю, что повлияло на меня больше: джазовая импровизация Олаха, игра в прятки или со скрипом сдвинувшиеся с мертвой точки события. Вероятно, все же последнее— усталость, мрачное настроение как рукой сняло.

Я прикинул, как быть дальше, и после секундного колебания решил принять участие в игре, несмотря на то, что мне в ней отводилась незавидная роль поднадзорного.

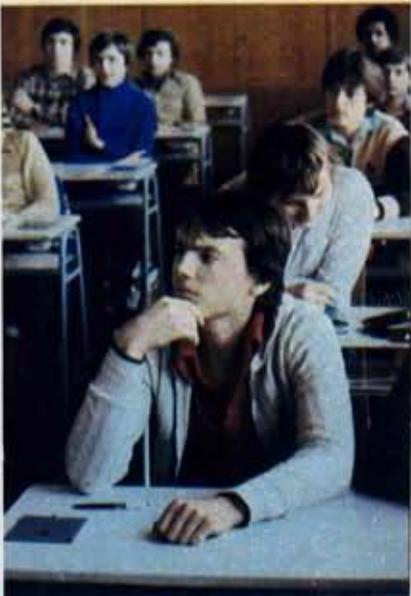
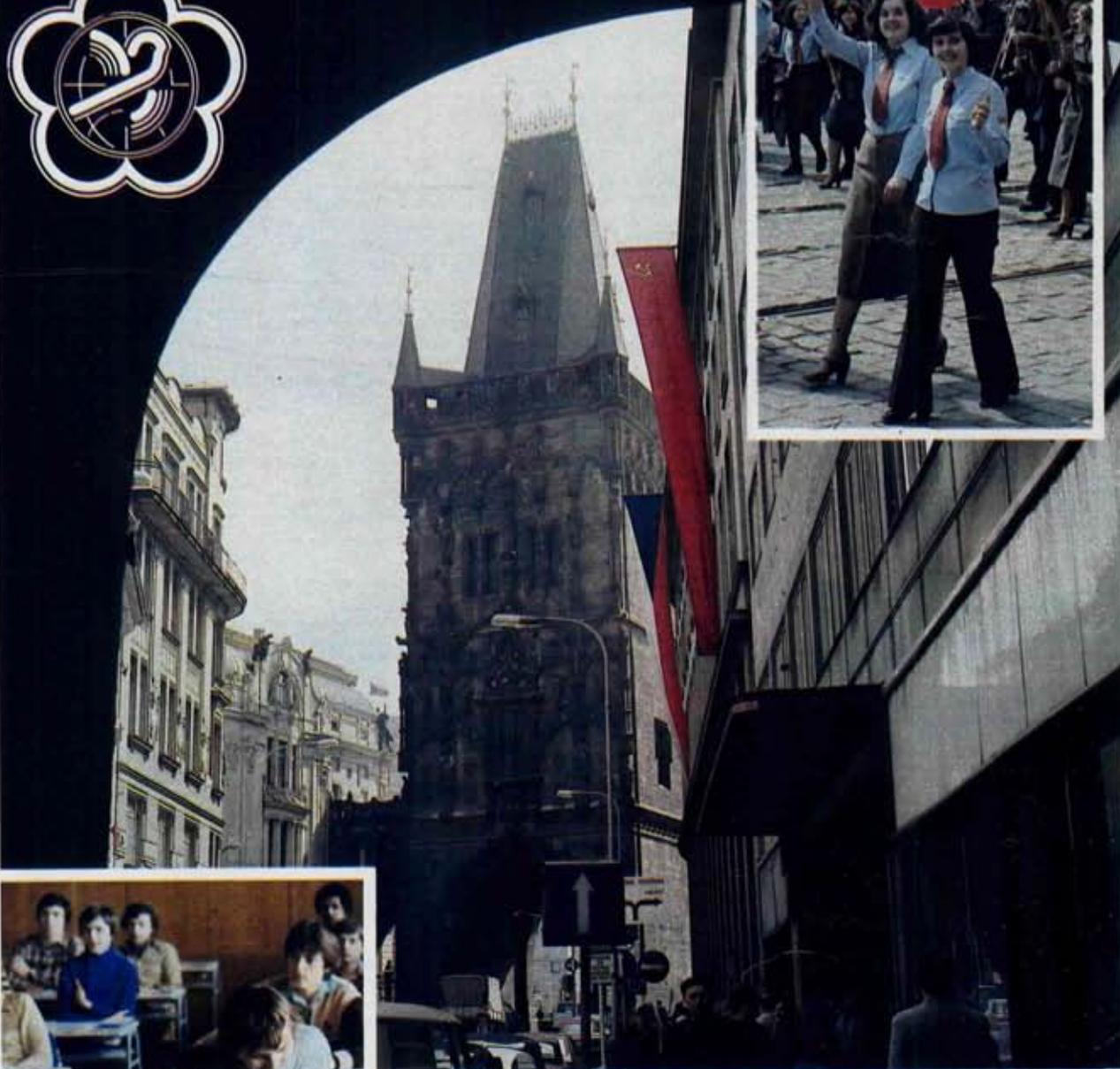
ДО ВСТРЕЧИ В МОСКВЕ

На вопросы корреспондента «Смены» отвечает секретарь ЦК ССМ ЧССР по международным вопросам, секретарь Национального подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве Ян БРУННЕР

— Ян! Есть на нашей беспокойной планете традиции, которые, как реки, родившись, набирают энергию разбега, пересекают государственные границы, впадают в море животрепещущих интересов людей, говорящих на разных языках, развиваются и живут... Мы с вами беседуем в Праге. Здесь в 1947 году впервые утвердилась новая форма общения молодежи всех континентов и ее эмблема — пятилепестковая ромашка. Отсюда, с пражских площадей и улиц, ведется родословная фестивального молодежного движения. И вот черед XII Всемирного: в следующем году посланцев Земли встретит Москва. Пожалуйста, расскажите в общих чертах, как началась подготовка к московскому фестивалю в ЧССР.

— В июне в Праге создан Чехословацкий национальный подготовительный комитет Всемирного фестиваля. В его составе молодые представители города и села, передовики производства, деятели науки и культуры, спорта. Возглавил комитет председатель ЦК ССМ ЧССР Ярослав Енерал.

Хотя в состав делегации, которая отправится в Москву, действительно попадут далеко не все желающие, мы хотим, чтобы каждый член ССМ и каждый молодой человек думал и считал: это и мой тоже праздник. Эта мысль звучит в обращении молодых новаторов ко всей чехословацкой молодежи. Уже во многих областных и районных организациях ССМ, на предприятиях существуют предфестивальные планы, смысл которых — ударный труд, общественно-политическая активность. Конкретно? Накануне 40-летия Победы и освобождения Чехословакии Советской Армией молодежь Праги высадит на улицах столицы 400 тысяч саженцев...

ведливую освободительную борьбу и всегда готовы протянуть руку интернациональной дружбы тем, кто строит новую жизнь.

— Я слышал, что общественная акция «Память», которая проводится в ЧССР, популярна у юношей и девушек, число ее участников множится и растет. Мне рассказывали, эта акция стала также частью фестивального движения, международной эстафеты патристических дел молодежи.

— Именно так. Коллективы школьников, студентов, производственников, семьи, совершая поездки и походы по местам далекой и близкой истории, знакомясь с прошлым и настоящим страны, с борьбой против фашизма и участием в этой борьбе славных представителей советского народа, чехов и словаков, приобщаются к нравственному и героическому опыту предшествующих поколений. Разбудить в молодом сознании лучшие чувства, воспитать истинную духовность, обогатить стремящуюся к познанию душу фактами конкретного исторического опыта и опыта сегодняшних дней — такова наша цель.

Ну, а где сольются ручейки? Тысячи молодых людей будут участниками праздника на горе Риси, на которую в начале века совершил восхождение В. И. Ленин и где установлен памятник великому пролетарскому вождю.

Масштабной встречей станут торжества на Шумааве. Сюда съедутся молодые люди со всех уголков Чехословакии — те, кто особенно отличился, участвуя в соревновании «Фестивальная ромашка». Состязание намечено провести в несколько этапов, и коллективы из областей и районов, из городов и сел, все кому выпадет честь попасть на Шумааву, должны представить на конкурс творческие отчеты.

ПРАГА. С ЕЕ УЛИЦ И ПЛОЩАДЕЙ БЕРЕТ СВОЕ НАЧАЛО БИОГРАФИЯ ВСЕМИРНЫХ ФЕСТИВАЛЕЙ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ. В СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ МОЛОДЫХ ПРАЖАН ЖДЕТ В ГОСТИ ФЕСТИВАЛЬНАЯ МОСКВА.

Фото Мирослава ЗАЙЦА
(Журнал «Млади свет»)

ты: достижения в труде, участие в акции «Память», заработанные средства в фонд XII Всемирного фестиваля.

Победители увезут домой «Фестивальную ромашку» — золотую, серебряную или бронзовую, в зависимости от занятого на конкурсе места.

— И последний вопрос. Не так давно в Волгограде состоялся III фестиваль дружбы молодежи СССР и ЧССР, и вы тоже были его участником. С какими чувствами уезжали домой, в Прагу, наши друзья?

— Стоит ли говорить о том, что ВЛКСМ и ССМ связывают многолетние тесные контакты международного сотрудничества. А породненные коллективы: города, заводы, кооперативы, вузы — с каждым годом их становится все больше. Дружат Волгоградская и Северо-Моравская области. Переписываются, ездят в гости друг к другу люди наших стран. Братские отношения, связывающие ЧССР и Советский Союз, скрепленные совместно пролитой кровью наших отцов, — это фундамент социалистического настоящего и будущего нашей страны. В них источник нашего исторического оптимизма.

Беседу вел Юрий МАКАРЦЕВ